

КНИГА
О СУДАХ И СУДЬЯХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КНИГА О СУДАХ И СУДЬЯХ

Легенды, сказки, басни и анекдоты
разных веков и народов
о спорах и тяжбах, о судах и судьях,
о хитроумных расследованиях
и удивительных приговорах

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛУДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН,
С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, вступительная статья
и примечания
М. С. ХАРИТОНОВА

К 53 **Книга о судах и судьях.** Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. Составление, вступительная статья и примечания М. С. Харитонova. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

311 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Тематический сборник, составленный из различных фольклорных жанров, посвященных судам и судьям. Сопровождается предисловием и примечаниями.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

К $\frac{70304-089}{013(02)-75}$ 213-75

Сб1

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

СУДЫ И СУДЬИ В МИРОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Легенды, рассказы, сказки, басни и анекдоты о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов наряду с рассказами о хитрецах, глупцах и простаках, о состязаниях и разделах. Это и неудивительно: с древнейших времен, задолго до того как у разных народов оформилось государство и развитое право, в жизни людей постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие третейского разрешения. «Разрешающей» инстанцией не обязательно должен был быть формальный суд или облеченный специальными полномочиями судья; это могло быть и общее собрание племени, и вождь, и старейшины, мудрецы, и просто любой третий человек: сосед, первый встречный, способный «рассудить»¹ (обратите внимание на родство слов!). В фольклоре, естественно, не могли не отразиться в той или иной форме эти жизненные ситуации.

Истории о судах могут быть оформлены в самостоятельные рассказы и сказки, могут входить в качестве эпизодов в другие, самые разнообразные тексты. Сказки, повествующие о судах, могут быть волшебными, бытовыми, животными; тема суда может быть связана в них со всевозможными иными. Не случайно во всех известных указателях сказочных сюжетов истории о судах разбросаны по самым разным группам. В зна-

¹ Ср., напр., в древнеиндийской «Панчатантре»: «О водоемах, о прудах, домах, колодцах и садах | Пускай сосед решает спор,— так Ману поучает нас» (62, 208; первая цифра здесь и в дальнейшем означает порядковый номер источника в списке литературы, вторая — страницу). Ману — легендарный мудрец, которому приписывается известный сборник древнейших законов.

менитом указателе Аарне-Томпсона ([1]; в дальнейшем — AaTh) это, например, номера 155 (неблагодарное животное хочет съесть своего спасителя; оба обращаются к судьям), 926 («Суд Соломона»: две женщины претендуют на ребенка; судья выявляет настоящую мать), 976 (необходимо выяснить, кто из трех братьев вор; рассказывается история о благородных поступках жениха, возлюбленного и вора; тот, кто называет самым благородным вора, невольно выдает свою сущность и оказывается разоблачен); 1310 (о щуке, которую в наказание решили утопить), 1585 (человека научили, как притвориться на суде сумасшедшим, чтобы избежать наказания; после суда он пользуется тем же способом, чтобы не уплатить советчику за помощь); 1660 («Шемякин суд»: человек показывает судье камень за пазухой; тот думает, что это взятка, и выносит несправедливый приговор) и многие другие².

Разнообразие и разнородность историй о судах, конечно, затрудняли их выделение в какую-то одну особую группу. Путь здесь был подсказан знаменитой работой В. Я. Проппа «Морфология сказки» [2]. В. Я. Пропп советовал приглядеться не только к содержанию сказок, но и к их строению, что позволяет более четко определить разряд; сам он блестяще осуществил это на материале волшебной сказки³, определив направление поисков для многих исследователей.

Сделать то же самое в отношении сказок о судах оказалось не только возможно, но, как мы увидим дальше, во многих отношениях и целесообразно.

Впервые на тексты о судах как на особый, не только тематический, но и структурно-смысловой тип указал Г. Л. Пермяков. В книге «От поговорки до сказки» [4, 64—65] и особенно в предисловии к сборнику «Проделки хитрецов» [5, 15] он предварительно наметил также систему логической трансформации, свойственную этому типу, противопоставив судам мудрым и справедливым суды глупые и несправедливые, а также выделив суды, где правыми (или неправыми) оказываются обе противные стороны, и суды-дилеммы, вообще не дающие ответа на вопрос, которая из сторон права.

Хотя такое предварительное подразделение по принципу справедливости — несправедливости и мудрости — глупости при более углубленном знакомстве с материалом потребовало, как увидим, существенного уточнения, сам принцип подхода оказался весьма плодотворным. Рас-

² Здесь вольно излагается лишь один из вариантов каждого сюжета: вместо животного в сказке может выступать чудовище, вместо братьев — друзья и т. д.

³ «Волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется и сразу определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [2, 12].

смотренные в совокупности, тексты о судах обнаружили общность, которая позволяет выделить их в своеобразную группу, обладающую особыми тематическими, структурными и смысловыми свойствами.

2

Приглядевшись ко множеству сказок, басен, легенд и анекдотов, представленных в нашем сборнике, мы без труда обнаружим, что все они построены по сходящей схеме. Суть ее в общих чертах такова:

1) Между двумя (или более) персонажами возникает конфликт (спор, тяжба): о разделе добычи (имущества, наследства и т. п.) или возмещении убытков, о том, кому должен достаться ребенок (муж, невеста), кто [в большей степени] виноват в том или ином проступке или преступлении, чьи действия [в большей степени] справедливы, законны, кто [в большей степени] обладает теми или иными качествами (умом, глупостью, ленью, силой) и т. п. Нередко вначале представлен лишь один участник конфликта (истец, пострадавший), второго (ответчика, вора, убийцу) лишь предстоит выявить; но он обязательно должен фигурировать хотя бы заочно или подразумеваться⁴.

2) Для разрешения конфликтной ситуации (в частности, для выявления виновного) участники ее (или один из них) обращаются к третьему персонажу — судье. Нередко судья сам предлагает свои услуги, вызывает участников конфликта (или одного из них) в суд.

3) Судья выслушивает и разбирает дело (выявляет виновного)

4) и выносит приговор (или, в судах-дилеммах⁵, оказывается не в силах принять решение)⁶.

5) Сообщается о реакции участников на приговор (о его последствиях).

⁴ Возникновению конфликта могут предшествовать самые разнообразные предыстории, иногда весьма обширные, представляющие самостоятельные сюжеты; для рассказов о спорах и судах это, однако, именно предыстории.

⁵ «Дилемма» в данном случае — условное обозначение; сторон может быть и больше двух.

⁶ Не всегда вынесению приговора предшествует судебное следствие (допрос свидетелей, эксперимент и т. п.); решение может выноситься и без мотивированных доказательств, на основе догадки, внутреннего убеждения судьи или вообще произвольно. Фольклор здесь в какой-то мере отразил реальную практику судопроизводства, которая у разных народов в разные периоды не требовала обязательной мотивировки судебного решения. Ср. в древнем Египте: «Решение объявлялось без мотивов. Судья безмолвно прикладывал ко лбу той стороны, в чью пользу было решено дело, изображение истины, которое он носил на шее» [6, 64].

Таким образом, тематически все представленные в сборнике рассказы при огромном разнообразии исходных ситуаций сообщают о суде, т. е. о третьейском разрешении того или иного конфликта; по внешней композиционной структуре все они обычно включают пять основных элементов: 1) возникновение конфликта (спора, тяжбы); 2) обращение (вызов) в суд; 3) судебное разбирательство; 4) вынесение приговора; 5) во многих случаях также — реакцию на приговор. Эти инвариантные конструктивные элементы соответствуют функциям действующих лиц, обязательный набор которых во всех повествованиях о судах строго определен: двое (или сколько угодно больше, но ни в коем случае не меньше) *спорщиков-тяжущихся* и *судья*, а также иногда *свидетель* и *советчик* (в новейших вариантах фольклора — адвокат; иногда свидетель и советчик — одно и то же лицо).

Другими элементами композиции в рассказах о судах являются характеристика участников, повторение судебного разбирательства, этиологический момент («с тех пор пошло то-то и то-то»). Действие развертывается в определенной последовательности: сначала представляются участники, затем сообщается о возникновении конфликта, далее следует обращение (вызов) в суд, судебное разбирательство (иногда повторяемое), вынесение приговора, реакция на него, этиологический момент⁷.

Остановимся подробнее на композиционно-тематических особенностях рассказов о судах и на основных персонажах.

3

Как уже было сказано, исходные ситуации, требующие судебного разрешения (*возникновение конфликта*), могут быть самыми разнообразными; здесь рассказы о судах переплетаются со всевозможными иными историями. Разновидностью их могут быть, например, те рассказы о состязаниях, где для выявления победителя участники обращаются к третьему — судье. Сюда же можно отнести эпизоды с «разрешением спора» или «раздела» в волшебных сказках: когда, например, черт спорится из-за обладания волшебным предметом, а герой, вызвавшийся их рассудить, сам завладевает им, усывая спорщиков, скажем, за пущенной

⁷ В отдельном рассказе суть конфликта может излагаться уже после обращения в суд и т. п. В. Я. Пропп называл такие отступления от последовательности не нарушением ее, а частичным введением *обращенной последовательности* [2, 97]. На деле конфликт, конечно же, всегда предшествует обращению в суд. «Воровство не может произойти раньше взлома двери... Свобода в последовательности ограничена весьма тесными пределами, которые могут быть приведены в точности» [2, 25].

стрелой [2, 43]⁸. Но в любом случае отнести текст к разряду «историй о судах» можно лишь тогда, когда конфликтующие стороны обращаются к третьему и он разбирает их дело; ипаче говоря, необходимо сочетание с обращением в суд и судебным разбирательством; соответственно в наборе персонажей непременно должен быть судья.

Возьмем хотя бы целый ряд сказок на популярный сюжет о «неблагодарном спасенном»: тувинскую «Белый заяц» [95, 184], камбоджийскую «Как отец с сыном повстречали крокодила» [67, 292], басумбва «Человек, лев и заяц» [73, 259] и др. (см. прим. к вьетнамской сказке «Леопард в книжном ящике», стр. 297). Во всех этих сказках один из персонажей спасает из ловушки хищника, а тот в ответ хочет его съесть и даже иногда обоспывает свое право на это. Чтобы узнать, кто из них прав, оба обращаются к судье (иногда последовательно к нескольким). Тот, якобы желая выяснить, «как было дело», просит хищника вернуться в ловушку и оставляет его там.

Но вспомним очень сходный сюжет знаменитой арабской сказки о рыбаке и джинне, выпущенном им из бутылки. Здесь рыбак сам ухитряется возвратить джинна в бутылку; третий участник не появляется. Именно это принципиальное различие позволяет отнести все перечисленные выше к сказкам о судах, а последнюю — нет. Персонажи, спорящие о волшебном предмете, также могут разрешить спор сами: хитростью или поединком; медведь и человек в известной сказке могут сами разделить урожай на верхки и корешки и т. д. Сопоставим эти истории с любым из текстов нашего сборника, и мы увидим все ту же главную разницу.

Столь же обязательно наличие в исходной ситуации как минимум двух тяжущихся. Как уже упоминалось, один из них может разыскиваться или подразумеваться (например, если в суд вызван человек, нарушивший закон, его обвинителями предполагаются государство или его представители, или те, чьи интересы он задел, нарушив закон). В бирманской сказке «Как появился кокосовый орех» к берегам страны прибывает плот с тремя преступниками, и царь выносит им приговоры за преступления, совершенные в другой стране. Но вот пример иного рода. В ряде сюжетов участник тяжбы должен доказывать свою правоту, отгадывая загадки; это своеобразная сказочная разновидность «ордалин», «божьего суда» (см., напр., татарскую сказку «Хвастливый бай» и др.). Сопоставим эту сказку с классическим древнегреческим мифом о Сфинксе, загадывающем загадки Эдипу (если не разгадает — смерть), или с бирманской сказкой «Монг Паук Чайн», где царица ставит герою условие:

⁸ Ср., напр., эпизод в афганской сказке «Джемаль-хан и Зебнисе», где герой разрешает таким образом спор четырех факиров [21, 15].

«Я загадаю вам загадку. И если... вы разгадаете ее — умру я. Если же нет — умрете вы» [54, 67]. Роль Сфинкса можно сопоставить с ролью судьбы в татарской сказке, роль Эдипа — с ролью ответчика; но второго тяжущегося нет, и неясен характер тяжбы, что и не позволяет отнести древнегреческий и бирманский тексты к числу рассказов о судах⁹.

В некоторых случаях, правда, один персонаж может совмещать в себе одновременно две роли: и тяжущейся стороны, и судьи. Превосходный пример — турецкий анекдот «И ходжа — двуличный кази»: «Пришел однажды к нему человек и говорит: „В поле паслись коровы, и пеструшка — должно быть, это ваша корова — боднула в живот нашу корову и убила ее. Что за это полагается?“ Ходжа отвечал: „Здесь хозяин ни при чем. К животному нельзя предъявлять иск о пролитой крови“. Тогда человек заметил: „Ах, я ошибся, не ваша корова убила нашу, а наша убила вашу“. — „Ну, тогда вопрос усложняется. Достань-ка поскорее с полки вот ту книгу в черном переплете!“» [17, 176].

Иногда судья берет на себя и роль советчика (см. индийский рассказ «Изображение в зеркале»).

Как уже упоминалось, в рассказах-дилеммах судья оказывается неспособным найти решение, и роль судьи иногда предлагается взять на себя читателю. Часто в сходных вариантах одного и того же сюжета судья в самом тексте вообще не появляется, рассказчик обращается за «судом» прямо к читателю. Несмотря на принципиальную близость таких сюжетов, мы для сборника предпочитали все-таки варианты, где судья был представлен эксплицитно, как персонаж¹⁰.

Разные судьи пройдут перед читателем на страницах этой книги. Тут и люди, и животные (заяц, паук, черепаха), и духи или божества (Ньяме у бауле, бурятский Эсэг-малак, древнеегипетская Эннеада), и даже неодушевленные предметы или стихийные силы (гора, ветер). Судьей мог быть и знаменитый фольклорный хитрец (Насреддин, Бирбал, Абу-Нуvas), и глава племени или государства (вождь, король, султан), и духовное лицо (мулла), и старейшина рода, и совет таких старейшин. При всей фантастичности некоторых судов этнограф и исто-

⁹ Правда, с некоторой натяжкой можно было бы в первом случае считать тяжущейся стороной (и одновременно судьей) самого Сфинкса, установившего некий закон, который Эдип нарушил, а во втором — царю; но ради строгости мы тексты такого типа рассматривать не будем.

¹⁰ Рассказы-дилеммы в известном смысле можно отнести и к жанру загадки: практически они и бытуют как развернутые загадки, в этом качестве рассказываются и включаются в сборники. По существу, все они могут иметь обоснованные разгадки; в нашем сборнике это особенно наглядно можно видеть на примере однотипных сюжетов: одни из них заканчиваются вопросом, другие предлагают решение (см., напр., сказку ашанти «Девушка Нсия» и примечания к ней).

рик судопроизводства несомненно сможет почерпнуть из этих текстов немало реальных сведений о жизни, обычаях и правовых нормах разных народов.

Остановимся особо на тех рассказах, где в суде участвует божество или волшебная сила — не обязательно персонально, как в шумерском мифе «Ляхнар и Ашнан» или бурятской сказке «Бедняк»; здесь боги, по существу, очеловечены и выносят решения, которые можно было бы приписать и обычному судье. Для нас интересней сейчас случаи так называемых божьих судов, или ордалий, где бог дает знать о своем приговоре, как правило, косвенно.

Ордалии у многих народов древности были одним из самых распространенных типов или элементов судопроизводства. В древней Индии участники судебного процесса испытывались взвешиванием, огнем, водой, ядом, «святой» водой, жеванием зерен риса, раскаленной монетой, раскаленным плугом и вытягиванием жребия. Испытание взвешиванием заключалось, например, в следующем: подозреваемого дважды взвешивали; если во второй раз он оказывался легче, чем в первый, его признавали невиновным. При испытании раскаленными предметами доказательством невиновности служило отсутствие на теле следов ожога через некоторое время после испытания.

Сказки разных стран дают нам описания разнообразных «божьих судов» (см. вьетнамскую сказку «Добрый дух», сказку диго «Слон и заяц» и др.), иногда существовавших в действительности, иногда живописно-фантастических. Таково, например, описание «весов правосудия» в одной из персидских сказок:

«Мы подошли к самому берегу моря, и тут я увидел громадную скалу... На вершине ее высился толстый стальной столб, с которого, как с коромысла весов, свисали железные цепи. К ним прицепляли большие подставки, похожие на чаши весов, и сажали испытуемого. Море начинало волноваться, волны вздымались, подстучали к самым весам, из моря выплывали рыбы и пожирали виновного. Если же человек был невиновен, они не причиняли ему никакого вреда» [65, 449].

Своеобразной сказочной разновидностью ордалии можно считать загадывание загадок.

Ордалии прежде всего служили доказательством правоты или виновности той или иной стороны на суде, причем доказательством решающим, которому верили больше, чем любым непосредственным уликам или показаниям свидетелей¹¹. Таким образом, в известном смысле «бо-

¹¹ «Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам» [8, 159]. Своеобразное подтверждение такой психологии мы находим в древнеиндийской сказке «Божий суд»: свёкор поймал неверную невестку с поличным, в

жий суд» можно рассматривать как одну из разновидностей, выражаясь современным языком, судебно-следственного эксперимента; эпизоды, посвященные ему, относятся к *судебному разбирательству*.

Вообще судебное разбирательство и связанные с ним эксперименты могли быть самыми разнообразными. Тексты, собранные в этой книге, расскажут о многих поистине мудрых находках судей-следователей¹². Это и продуманный допрос обвинителей в библейской легенде о Сусанне и старцах: спрошенные порознь, под каким деревом застали они Сусанну за прелюбодеянием, старцы дали разные ответы и разоблачили свою клевету («Сусанна и старцы»). Это и хитрый замысел вьетнамского судьи, который созвал на пир всю деревню, чтобы выявить, на кого не залает собака и кто, следовательно, мог незаметно проникнуть в дом для воровства («Тяжба с баньяном»). Это и психологический эксперимент хакасского бедняка, который заявил, что обмазанный сажей петух крикнет, когда до него дотронется вор; как и ожидалось, после эксперимента у вора единственной руки оказались не запачканы сажей («Волшебный петух»). Это и распознавание виновного по следам (микронезийский рассказ «Сикхалол и его мать»), по жвачке (камбоджийская сказка «Как вор украл корову») и т. п.

Ордалия, однако, была не просто доказательством и элементом следствия вроде перечисленных выше. Во многих случаях она оказывалась одновременно приговором, совпадала с ним — например, в сказке тонга «Заяц и дуикер», где виновным признавался тот, кто погиб в результате испытания (свалившись в яму с огнем или сварившись в котле). Вернее говоря, погибнув, он подтверждал свою вину; исполнение приговора совпадало с моментом выявления вины. То же происходило при испытании ядом, когда подозреваемому давали выпить отраву; нередко — при судеб-

доказательство снял у нее с ноги браслет, но, когда она с помощью хитрости сумела доказать свою невиновность на «божьем суде», поверил этому больше, чем собственным глазам (стр. 196). Впрочем, в самой сказке уже проявляется и то ироническое отношение к справедливости «божьего суда», о котором еще будет упомянуто.

¹² До сравнительно недавнего времени у большинства народов следствие не было строго отделено от судопроизводства. Предварительное расследование и суд обычно были сосредоточены в одних руках (ср., напр., в феодальном Китае: «Строгого разграничения между предварительным и судебным следствием не было. Судья мог в любой момент прервать процесс и, не вынося решения, предпринять следственные действия, выполнение которых он брал на себя или поручал полиции. Настоящее расследование весьма часто начиналось именно после того, как судебное разбирательство обнаруживало его необходимость» [6, 596]). В суд обращались по делам, о которых современный человек звонит в полицию: подать жалобу на вора, обидчика и т. п. Фольклор, естественно, отобразил это обстоятельство.

ных поединках, которые были разновидностью «божьего суда» и отличались от обычных поединков тем, что совершались в присутствии третейской инстанции, которая затем официально формулировала приговор¹³.

Несколько слов о характеристике участников. В том случае, когда ее дает рассказчик, она не является конструктивным, сюжетообразующим, элементом. Когда же ее дают сами персонажи, она в некоторых случаях оказывается важным элементом сюжета, а именно существенным, даже основным доказательством, влияющим на приговор¹⁴. Такова, например, узбекская сказка «Два дурака», где тяжущиеся наперебой рассказывают о своей глупости. Важную для хода дела роль играют в некоторых рассказах характеристики, которые выдаются свидетелям (турецкий анекдот «Лучших свидетелей не найти», сказка народности канури «Лжесвидетель»). В мусульманском судопроизводстве свидетель должен был иметь хорошую рекомендацию¹⁵; опорочить свидетеля — значило иной раз повернуть ход дела, как это и случилось в сказке «Лжесвидетель». В подобных случаях характеристика участников является элементом *судебного разбирательства*.

Об *обращении (вызове) в суд*, как правило, сообщается одной короткой фразой (типа «пошли они к судье» или «судья вызвал их к себе»), которая нередко вообще опускается. Если можно говорить о разных типах конфликтов, о разновидностях судебного разбирательства, о разнообразных приговорах, то *обращение в суд* самостоятельной сюжетной наполненности практически не имеет.

¹³ В сущности, любой поединок как средство разрешения спора апеллировал к третейской инстанции — богу, *судье* (еще раз обращаем внимание читателя на родство слов). *Судьба рассудит*, бог рассудит. Разновидностью судебного поединка можно считать метание жребия (см. прим. к сказке «Проризатель, стрелок, пырлящик и знахарь», стр. 291).

¹⁴ Это соответствует, кстати, реальным особенностям судопроизводства в некоторых его исторических разновидностях. Ср., напр., в судопроизводстве древних франков (VII—IX вв.): «Доказательствами служили показания свидетелей, которые были как бы поручителями обвиняемого — свидетелями его доброй славы, хорошей репутации. Соприсяжники в числе шести, двенадцати или больше человек свидетельствовали, что обвиняемый в силу присущих ему добрых качеств не мог совершить приписываемое ему деяние» [6, 304].

Обратным проницательно-парадоксальным отражением подобных представлений может служить персидская пословица: «Борода у него рыжая — вот еще одно доказательство» [3, 113].

¹⁵ «Законность свидетельских показаний в момент их дачи обуславливается следующими требованиями, которым должен отвечать свидетель: быть мусульманином, не еретиком, быть в здравом уме, обладать правоспособностью, пользоваться уважением» [7, 119].

Возникновение конфликта и судебное разбирательство чаще всего бывают наиболее весомыми составными частями сюжета; ради них и сказка рассказывается. Но иногда они предстают в усеченном, редуцированном виде; смысл сказки — в приговоре, на него и переносится центр тяжести. Характерный пример — корейская сказка «Странный чиновник»: «Однажды двое его слуг поспорили о чем-то и никак не могли прийти к согласию. Наконец один из них обратился к своему господину и сказал:

— Я поспорил со своим товарищем. Пожалуйста, рассудите нас!

И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его и ответил:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Но потом пришел другой слуга, рассказал о том же самом споре и тоже попросил чиновника рассудить. Хван и ему сказал:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Когда жена чиновника сказала ему, что так не может быть, он ответил, что и она права. С тех пор и пошла поговорка «Ты судишь, как чиновник Хван».

Поговорка здесь могла быть связана только с характером приговора, но не с сутью спора и не с характером разбирательства. О тяжбе сказано: «поспорили о чем-то». О разбирательстве: «И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его».

Заметим, что *судебное разбирательство* вообще довольно часто сводится к фразам именно такого типа. Изложив читателю суть первоначального спора и сообщив об обращении в суд, сказка ограничивается дальше простой констатацией: «Судья выслушал их и сказал». Иначе говоря, читателю предоставляется мысленно повторить весь рассказ о споре — уже в порядке «слушанья дела».

Однако во всех случаях *возникновение спора и судебное разбирательство* должны быть представлены текстуально или ясно подразумеваться. То же относится и к *приговору*.

Приговором в сказке достаточно считать указание на правую (выигравшую) или виноватую (проигравшую) сторону. Мера наказания имеет существенное значение лишь в определенной части сюжетов, смысл которых — рассказать о расплате, соответствующей поступку («По делам и расплата») или, напротив, не соответствующей ему. Таковы, например, приговоры, основанные на игре слов (истец требует обещанную плату: «ничего» — судья-хитрец дает ему «ничего»; см. турецк. анекдот «Ходжа присуждает истцу „ничто“»). Такова история о черепахе, которую в наказание топят (сказка пампанго «Обезьяна и черепаха»). Таков «Суд над Бирбалом». Вина Бирбала конкретно не названа, однако не подлежит ни сомнению, ни судебному доказательству; речь идет лишь о мере наказания. Бирбал сам выбирает себе судьей-бед-

пяков, которые присуждают его к штрафу — огромному, по их понятиям, по мизерному для богача Бирбала.

Однако независимо от того, названа мера наказания или нет, именно наличие приговора, т. е. вывода, оценки, решения, прежде всего позволяет говорить о «судах» как об особой разновидности моралистических или назидательных рассказов, о чем подробнее будет сказано дальше. Поэтому тексты, где упоминается о судах, но нет и не подразумевается определенного судебного решения (о судах-дилеммах было оговорено особо), в данную группу включены быть не могут¹⁶.

Таким образом, возникновение конфликта, обращение в суд, судебное разбирательство и приговор во всех случаях присутствуют текстуально или подразумеваются; столь же обязательно для сказок о судах наличие минимального набора из трех основных персонажей (*свидетель и советчик* могут отсутствовать).

О реакции персонажей на приговор сообщается далеко не во всех текстах. Реакция может быть словесной: «Твой суд глуп!» (сказка ираку «Лай и заяц»), «Все сочли решение суда справедливым» (непальская сказка «Чья невеста») и т. п. Распространен сюжет, когда кто-то из участников, выслушав несправедливый приговор, рассказывает судье аналогичную историю, чтобы устыдить его, и добивается пересмотра приговора (корейская сказка «Как аист судил птиц»). Возможна и более резкая «рецензия» на приговор — пощечина судье и даже его убийство. В польской легенде «Несправедливые судьи» («Польские народные легенды и сказки», М.—Л., 1965, стр. 203) судьи после несправедливого приговора каменеют; здесь можно говорить о вмешательстве в действие некоего высшего судьи. В рассказах, где несправедливый судья ожидал взятку, он может быть проучен иным способом: ожидал получить много денег, а получает арбуз, думал, что за пазухой спрятан богатый подарок, а там оказался камень, получил в качестве мзды горшок с медом, а там оказался навоз и т. п. Многие сказки о неправедных и наказанных судьях группируются преимущественно вокруг этого элемента; главную мысль такого типа историй можно сформулировать примерно так: «Каков суд, таков и отклик на него». Есть и тексты, повествующие о благих последствиях справедливых судов (вьетнамская сказка «Справедливый мандарин»); есть и такие, где даже справедливые приговоры оборачиваются бедой (бирманская сказка «Как появился кокосовый орех»).

¹⁶ Ср., напр., персидский анекдот о том, как судья вызвал для показаний свидетеля и стал проверять, хорошо ли тот знает мусульманские обычаи. «А что обычно говоришь, когда кладешь покойника в гроб?» — не унимался судья. — «Вот уж повезло тебе, так повезло... Унес свою душу подобру-поздорову. А то еще, гляди, пришлось бы перед судьей в свидетелях быть» [63, 56]. Приговора здесь нет и не требуется; это текст иного характера. См. также Приложение, стр. 284.

Как уже было отмечено, истории о судах не только повествуют о разнообразных конфликтах, но и непременно предлагают некое их разрешение, приговор; тем самым каждый сюжет позволяет сформулировать в связи с приговором прямо или косвенно определенный вывод, т. е. мораль из рассказанного. Иногда эта мораль звучит непосредственно в тексте (напр.: «Бедняку судиться с богачом — все равно, что пытаться разбить камень тыквой» или «Недаром говорят: на воре шапка горит»), иногда вывод предлагается сделать самому читателю. Эта особенность позволяет отнести все истории данной группы к числу *моралистических* или поучительных. Существенным свойством такого рода текстов является их соотнесенность с пословичными изречениями¹⁷. Мы уже видели, что во многих случаях выводы из назидательной истории о суде можно сформулировать пословицей или поговоркой: «И щуку бросили в реку», «По делам вору и мука» и др. Многие изречения прямо обязаны своим происхождением соответствующим сказочным или легендарным историям (ср. выражения «Соломонов суд», «Шемякин суд»). Приведем еще несколько примеров.

Известный русский фольклорист С. В. Максимов в своей книге «Крылатые слова» объясняет происхождение русской пословицы «На воре шапка горит» таким рассказом: «Украл что-то вор тихо и незаметно и, конечно, скрыл все концы в воду. Искали и обыскивали — ничего не нашли... К кому же обратиться за советом и помощью, как не к знахарю?..

Знахарь повел пострадавших на базар, куда обыкновенно все собираются. Там толпятся кучей и толкуют о неслыханном в тех местах худом деле: все о том же воровстве.

В толпу эту знахарь и крикнул:

— Поглядите-ко, православные: на воре-то шапка горит!

Не успели прослушать и опомниться от зловещего окрика, как вор уже и схватился за голову» [9, 42—43]¹⁸.

Здесь же Максимов упоминает «о существовании однородных анекдотов — из восточных азиатских нравов» [9, 43]. В нашем сборнике наглядный пример подобного анекдота — афганский рассказ «Хитрый визирь». Созвав людей, среди которых были и воры, похитившие хлопок, визирь объявил, что хлопок пристал к их бородам. Воры тотчас схватились за бороды.

¹⁷ Это явление подробно было исследовано Г. Л. Пермяковым [4, 62—70 и др.], на выводы которого мы не раз будем опираться в дальнейшем.

¹⁸ Аналогичные рассказы объясняют происхождение изречений «Вора выдала речь» и «Рассуди — топором разрубил» [9, 47, 361]. См. примечания к № 59, 122.

Мы не знаем, существует ли афганская поговорка «У вора в бороде хлопок», но думается, не будет чрезмерной смелостью предположить принципиальную возможность существования такой (или подобной ей) поговорки. При несходстве реалий она будет говорить, по существу, о том же, что и русская «На воре шапка горит», а именно: «Винный сам себя выдаст», «Всякое действие имеет закономерный результат».

К той же мысли ведет индийская сказка «Вор», киргизская «Догадливый судья», адыгейская «Как один человек спасся от смерти» и др. В то же время на страницах сборника мы найдем и сюжеты типа китайской сказки «Как один глупец покупал пекинский диалект», где наговаривает на себя и подвергается наказанию невинный, или тайской «Умный вор», где виновный ловко уничтожает улики и остается безнаказанным. Попадутся нам и сказки типа китайской «Глазная болезнь», где судья скажет обоим тяжущимся сторонам: «Поскольку истец прав, то присуждаю двадцать палочных ударов обвиняемому. Но и обвиняемый прав, поэтому присуждаю двадцать ударов палками истцу» (стр. 230). Во многих случаях встретятся, как уже говорилось, и суды-дилеммы, где вместо вывода читателю предлагается вопрос.

Соответственно и пословичные изречения могут свидетельствовать и о неотвратимости справедливого наказания (осетинск. «Волк расплавляется за долги шкурой»), и о возможности прямо противоположного исхода (бенгальск. «Кто украл — поскорей убегает, а кто видел — под суд попадает»). Это и естественно: и поговорки, и сказки отражают самые разнообразные жизненные ситуации, а в жизни возможны были суды с самым разным исходом, как справедливые, так и несправедливые.

О справедливости или несправедливости заходит речь во всех рассказах о судах. Справедливость почиталась всеми народами как высшая ценность. Характерна в этом отношении амхарская сказка «О несправедливом суде». Человеку представилась возможность выбора: отправиться в страну, где много хлеба, но нет справедливости, или в страну менее богатую, но где справедливость торжествует. Он выбирает первую — и горько за это платится. «Справедливость ценнее хлеба», — свидетельствует сказка.

Естественной кажется мысль именно принцип «справедливости — несправедливости» положить в основу классификации рассказов о судах. Однако дело здесь оказывается не так просто.

Прежде всего, судить о справедливости или несправедливости скажочных приговоров со стороны далеко не всегда представляется возможным. Слишком различны обычаи, законы, правовые нормы, моральные

представления не только у разных народов в разные времена, но даже у представителей разных социальных групп. Вспомним еще раз про мизерный штраф, которому подвергают индийские бедняки лукавого Бирбала. Справедлив или несправедлив этот суд, мудр или глуп? С чьей точки зрения. В текстах сказок далеко не всегда можно встретить прямой ответ на такого рода вопросы.

В упоминавшемся уже сюжете о «неблагодарном спасенном» человек и вырученный им зверь иногда обращаются за судом последовательно к нескольким животным, и они высказываются против человека, вспоминая о его жестокости, неблагодарности и обосновывая право зверя быть жестоким и неблагодарным по отношению к человеку. Да и сами хищники по-своему убедительно оправдывают собственные действия. В корейской сказке «Приговор зайца» тигр заявляет своему освободителю: «Мы только что договорились с тобой, что я буду при любых обстоятельствах чтить тебя, как своего отца, и всю жизнь обхаживать тебя. Но чтобы нам быть неразлучными, у меня есть только одна возможность — носить тебя в своем животе. Там ты будешь всегда при мне. Я должен съесть тебя, чтобы выполнить наш договор!» [110, 107]. В амхарской сказке «Суд ветра» змея просто заявляет спасшему ее крестьянину: «Я хочу есть... У меня нет выбора». Дерево, река и трава в этой сказке выносят по-своему обоснованные приговоры против человека. Последний судья, ветер, не оспаривает их справедливости. «Все на свете живет так, как предназначено природой,— говорит он.— Трава растет, чтобы жить, а человек сжигает ее тоже для того, чтобы жить. Река течет, чтобы жить... И змея ест то, что находит,— ведь такова ее природа! Поэтому нельзя винить дерево, траву и реку за их суд, так же как и змею за то, что она хочет есть... Все они действуют так, как подсказывает им их природа» [39, 67]. Правда, после этого ветер подсказывает крестьянину, что тот может убежать,— но не потому, что считает его правым; просто согласно своей природе он может спастись, если представалась возможность.

В тех случаях, когда главное действующее лицо такой сказки — человек, симпатии рассказчика, естественно, на его стороне; спасение представляется справедливым. Но не всегда. В индийской сказке «Что посеешь, то и пожнешь» жадный брахман спасает льва ради жерести и смертный приговор ему (который лев приводит в исполнение) воспринимается как справедливый. В дунганской сказке «Помещик и змея» человек высказывается против человека (бедняк против богача), к удивлению змеи: «Я думала, ты будешь защищать человека, но ты не захотел врать, потому что ты справедлив» [35, 117].

Однако наиболее показательны все же случаи, когда у животных и человека — разный суд и разные представления о справедливости.

Уместно по этому поводу привести замечание из книги А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», имеющее отношение не только к европейскому средневековью: долгое время «не было права вообще»; каждое племя, народность жили «по своему закону», причем член племени подчинялся его праву и обычаям независимо от того, где он проживал. Всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право — это обязательное качество любого божьего творения (поэтому ответственность за проступок могла быть возложена не только на человека, но и на животное и даже на неодушевленный предмет)¹⁹ [8, 158, 149]. В свете таких представлений станет ясно, что животные и люди в данном случае судили по разным, так сказать, «кодексам», ни один из которых не имеет заведомого преимущества перед другим. Станет понятным, кстати, и желание многих персонажей судиться у «своего» судьи, потому что «чужой» осудит несправедливо. См., например, в сказках народности ираку о хитреце Лае, который не раз вступает в конфликты с животными и зооантропоморфными существами вроде Амаирми: «Кто ваш султан?» — [спрашивает Лай, когда Амаирми зовет его судиться]. — «Наш султан — змея Харарио...» — «Нет, к нему я не пойду, — сказал Лай, — он не сможет нас правильно рассудить. Лучше пойдем к нашему султану». — «Ваш султан велит осудить меня, — возразила Амаирми, — я к нему не пойду». — «Вы к моему не хотите, и я к вашему не хочу, — ответил Лай. — Каждому дорога своя жизнь» (стр. 143)²⁰.

О том же говорит и непальская сказка «Суд панчей». Чтобы узнать, кто из двух тяжущихся — настоящий муж женщины, божество предлагает им пролезть сквозь носик кувшина. Колдуну-пандиту это просто, а человеку не под силу. Божество не злонамеренно; просто у него свои критерии, а у людей свои. Оно и само это признает. «Спорящие — люди, — говорит оно панчам, — поэтому им нужен ваш суд». Факты, которые убедили божество принять сторону колдуна, для людей свидетельствовали в пользу человека. «Людской суд — самый правый», — заключает рассказчик. «Для людей же», — добавили бы мы²¹.

¹⁹ Между прочим, по этой причине не стоит считать чистой сказочной условностью или юмористическим курьезом нередкие в нашем сборнике суды над животными и неодушевленными предметами (см., напр., японск. сказку «Хитроумный служка» и др.); в реальной практике многих народов нередки были случаи судов над животными и вещами.

²⁰ В мусульманских странах иудей и христиане «имели особые судебные учреждения, но могли передавать свои споры и разногласия на рассмотрение мусульманского кази» [7, 115].

²¹ Л. Аганина в предисловии к сборнику непальских сказок «Живой в царстве мертвых» пишет: «Ратуя за справедливость, непальская сказка превышает божественного суда ставит суд людской, потому что людям положено судить по совести («Суд панчей» или «Кто глупее?»). И этому

Но в любом случае симпатии рассказчика — очень ненадежный критерий для суждения о справедливости и несправедливости. Один и тот же приговор в разных вариантах сюжета может быть назван несправедливым (если он выносится, например, в пользу богача) и справедливым (если оправданный — бедняк). Наглядный пример такого случая — многочисленные варианты знаменитого сюжета о Шемякином суде, само название которого символизирует, казалось бы, суд неправый и глупый. Суть его вкратце такова (мы берем один из наиболее полных вариантов): человек совершает серию проступков, в том числе и убийств (как правило, непредумышленных). Судье он показывает за паузой камень (или угрожает иным способом, или намекает на взятку), и судья (в надежде на взятку или боясь угрозы) выносит парадоксальный оправдательный приговор (см. таджикскую сказку «Человек, который хотел творить добро» и прим. к ней). Но в сходной сприйской сказке «Девушка-судья» [58, 226] дело обходится без взятки и без угрозы, а приговор прямо

ничуть не противоречит история несправедливого суда таких же деревенских старшин-панчей, которых сытное хозяйское угощение заставило согласиться с тем, что и бык может отелиться («Сказка о том, как бык отелился»). Расхождение можно объяснить тем, что первые две сказки отразили, надо полагать, доклассовые патриархальные отношения в непальской деревне: тогда рассудить спорное дело могли любые пять человек, и приговор их был справедлив потому, что выражал мнение народа. Позднее же, когда панчей стали выбирать и, конечно, не из самых бедных крестьян, суд их перестал быть справедливым» [36, 8].

Здесь возникают, по меньшей мере, два возражения. Во-первых, сказки в целом (и непальские, в частности) вовсе не утверждали принципиальной несправедливости «божьего суда» по сравнению с человеческим. Напротив, во множестве текстов пменно «божий суд» расценивается как наиболее справедливая, высшая инстанция (ср. пословицы «Бог правду видит», «Бог рассудит»). Но есть и немало историй, утверждающих возможность обратного: «И божий суд бывает несправедлив» (см. стр. 192—198 данного сборника). Эта закономерность, как мы увидим, характерна для любой группы сказок о судах.

Точно так же разница между двумя приговорам панчей вряд ли может быть удовлетворительно объяснена историческими переменами в непальской деревне. Распространенный по всему миру сюжет о приговоре, согласно которому бык может отелиться, возник, скорее всего, задолго до того, как должность панчей стала выборной, и может быть приписан любому фольклорному судье (см. прим. к курдской сказке «Балул-Зана и купец», стр. 300). Подобно тому как любой фольклорный хитрец мог обмануть другого, но мог и сам оказаться обманутым, мог проявить себя мудрецом, а мог и простаком, так один и тот же фольклорный судья (а им мог быть, кстати, тот же хитрец) способен был вынести и справедливый приговор, и несправедливый. Ср., напр., приговоры Насреддина в турецких анекдотах «Лучших свидетелей не найти» (стр. 175) и «Может ли человек укусить сам себя за ухо?» (стр. 162). Напрасно мы бы стали искать историческое объяснение такому противоречию. Закономерность здесь та же, что и в случае с «божьим судом».

расценивается рассказчиком (и всеми присутствовавшими на суде) как справедливый и мудрый, спасший бедняка от закабаления алчными кредиторами.

Еще один пример: китайский рассказ «Хитрость Цяо Шуня». В доме человека оказался повешенный, и, чтобы избежать обвинений, человек фабрикует *ложные* доказательства своей *истинной* невинности. Суд верит ложным доказательствам и оправдывает человека, по существу, справедливо. Но можно ли отнести этот суд в принципе к числу мудрых и справедливых?

Еще больше вопросов ставит целая серия историй о спорах из-за жениха или невесты. Во многих из них претендентам ставится условие (принести подарок и т. п.); выполнивший его наилучшим образом получает невесту. Например: один жених достает волшебное зеркало, в котором видит, что девушка умерла, другой — волшебное средство передвижения (верблюда, телегу, веер, ковер-самолет), которое вмиг переносит всех троих к девушке, третий — лекарство, которое возвращает ее к жизни. Часто по разным причинам предпочитают третьего (тувинская сказка «Орлан-оол и Чечен-кыс» [95, 171]). Иногда — второго (казахская сказка «Спор братьев и решение Шукте» [47, 86]). Иногда — ни одного из трех (сказка налу «О трех юношах и одной невесте» [80, 241]). Нередко сказка заканчивается дилеммой («Девушка Нсиа», ашанти). А в аналогичной сказке народности ваи «Браслет дождя» [105, 103] вопроса вообще не возникает: все три девушки одновременно становятся женами юноши. В сказке паягасиан «Три брата» девушку делят на три части. Целый набор неожиданных решений, связанных с представлением о перевоплощении душ, предлагают непальские и камбоджийские сказки на сходную тему («Чья невеста?», «Пророчатель, стрелок, ныряльщик и знахарь»). А вот парадоксальный исход сказки народности бура «Зять». Двум претендентам на руку невесты было поставлено условие: она станет женой того, кто поймает живого оленя. Один из них, более упорный, после долгой погони поймал животное. Другой скоро отказался от такой попытки. «Не очень-то мне надо загонять себя до смерти, — [объяснил он позднее старейшинам племени.] — Женщин много». Казалось бы, вопрос ясен: выполнил условие лишь один, он и должен получить девушку.

Но старейшины решают иначе.

«Ты, Сефу, который не стал гнаться за оленем, — ты будешь нашим зятем. Ныла поймал оленя, он упорный человек. Если он захочет кого-то убить, его ничем не остановишь, пока он не исполнит своего желания. Он не обратит внимания ни на упреки, ни на советы. Если мы отдадим ему в жены нашу дочь и она что-нибудь сделает не так, он станет ее бить, не слушая ничьей мольбы. Мы не хотим его в зятя. Сефу — другое дело. Он способен прислушаться к голосу рассудка. И если он посо-

рится с нашей дочерью, а мы придем их примирить, он сумеет проявить благоразумие... Он добр и кроток. Он наш зять!» (стр. 84).

Итак, в одном случае женихом становится претендент, выполнивший условие, в другом — невыполнивший его, в третьем — ни один из них (в варианте с невестами — все женщины одновременно), в четвертом — решение оказывается неприятным. И любое решение при этом может расцениваться и как справедливое, и как несправедливое.

Пожалуй, в этом обстоятельстве и заключена подсказка.

6

Поскольку сказки о судах моделируют широкий круг разнообразных жизненных ситуаций, а ситуации эти могут иметь самый разный исход, то и мораль, извлекаемая из этих поучительных историй, может формулироваться разнородными изречениями, отнюдь не только о справедливости или несправедливости суда. Вывод о справедливости может возникать как сопутствующий основному, и то не всегда. Из знаменитой истории о суде Соломона, где ребенок присуждается родной матери, следует, например, что «мать всегда остается матерью». Осетинская сказка «Птичник и царь» повествует об обратном случае, когда детей присуждают не той, что родила, а той, что вскормила (и это справедливо; ср. уйгурскую поговорку: «Не та мать, что родила, а та, что вскормила»). Нам не удалось встретить рассказа компромиссного типа, где ребенок бы оставлялся и той, что родила, и той, что вскормила (или ни той, ни другой); между тем вполне мыслима и такая жизненная ситуация. После минувшей войны многие матери, потерявшие своих детей, находили их впоследствии у женщин, воспитавших и усыновивших приемшей; нередко после этого дети продолжали жить как бы при двух матерях (и это тоже было справедливо). Есть в сборнике и текст, где ребенок присуждается не той, что родила, а той, на чьем участке родился ребенок (сказка лома «Чей ребенок?»), и в оценке справедливости или несправедливости этого парадоксального приговора рассказчик испытывает уже некоторые затруднения. Есть история, где ребенку самому предложено выбирать между родным отцом и приемным — решение остается неясным (сказка хауса «Охотник и его сын»).

Как видим, поговорки вроде «Не та мать, что родила, а та, что вскормила» говорят не прямо о суде; речь здесь идет о более широкой теме, которая в сборниках поговорок обозначается как «Свое (родное по крови) — чужое»: о моральном приоритете кровного родства вообще (или о случаях, где справедливо обратное). Можно предположить, что в принципе все назидательные сказки, и сказки о судах в частности, в зависи-

мости от основного вывода, который в них содержится, могут быть распределены по тем же самым логико-тематическим группам, что и пословичные изречения. Естественно, сказки о судах охватят лишь сравнительно небольшую часть всех возможных групп; они не столь разнообразны и тематика их не столь всеобъемлюща.

Следует, однако, учесть, что сказки во всех отношениях несравненно более сложны, чем пословицы и поговорки; каждая сказка и отдельные ее части могут давать основания не для одного, а для нескольких разных выводов. В некоторых случаях вывод зависит от того, на чем сделает акцент рассказчик, в каком более широком логическом контексте приведен сюжет. Так, сказка лоанда «Тесть и зить», где рассказывается, как лысый посмеялся над одноглазым, а тот в ответ — над ним, может означать: «Кто смеется над другим, сам будет осмеян» («Как аукнется, так и откликнется»), но может свидетельствовать и о другом: «В споре об оскорблении виноват тот, кто начал первым». В первом случае акцент сделан на сути спора, на его возникновении, во втором — на приговоре. Но, пожалуй, основным здесь следует считать первый вывод; история рассказана главным образом ради него²², второй вывод — побочный, сопутствующий. Легенда о Соломоновом суде в равной степени может быть рассказана ради сути спора и вывода об отличии родной матери от неродной и ради доказательства той истины, что «неправый всегда себя выдаст» («на воре шапка горит»); здесь акцент будет сделан на эпизоде судебного разбирательства — остроумном эксперименте Соломона. Оба вывода относительно равноценны, и отнести текст к той или иной группе можно лишь на основании более широкого логического контекста, в котором он употреблен.

Однако чаще всего судить о характере основного вывода вполне позволяет сам текст. Вывод этот бывает связан с одним из основных конструктивных элементов сюжета и касается либо сути конфликта, либо судебного разбирательства, либо приговора, либо его последствий²³. Мы уже отмечали, что сами эти элементы в конкретном тексте бывают представлены с разной степенью полноты и значимости: иногда мимоходом упоминается суть дела и ход разбирательства, а весь упор делается на приговоре, иногда главным для сюжета — хитроумный ход следствия, а суть дела и приговор — несущественны и т. д.

В связи с этим мы разделили наш сборник на четыре части — в за-

²² Назидательные сказки в своем реальном бытовании действительно, как мы знаем, часто рассказываются «к случаю»: «А вот послушайте, что на этот счет говорит сказка». Речь сейчас идет о том, к какому случаю может быть рассказана данная сказка.

²³ Обращение в суд, как уже отмечалось, самостоятельной сюжетной наполненности обычно не имеет (см. стр. 13).

висимости от того, что первостепенно для данного рассказа: суть конфликта, ход разбирательства, приговор или его последствия. Внутри каждой части тексты распределены по матерпалу: в I части рассказывается о разновидностях судебных конфликтов (спору из-за ребенка, тяжбы из-за имущества и т. д.); во II части — о разных принципах судебного разбирательства (расследование улик, допрос свидетелей, «божьи суды» и т. д.)²⁴. Подобная группировка, обусловленная спецификой материала, позволила в то же время сделать особенно наглядной в каждом случае ту систему логической трансформации, которую мы не раз уже отмечали.

В общих чертах она сводится к следующему.

В каждой группе рассказов, повествующих о судах, можно отметить:

а) суды, подтверждающие правоту (преимущество) одной из сторон на основании определенного принципа и присуждающие ей выигрыш (поощрение), а другой соответственно — проигрыш (наказание); вообще сюжеты, доказывающие справедливость определенного принципа (вывода);

б) суды, подтверждающие правоту другого, иногда прямо противоположного принципа и соответственно признающие правой другую сторону, присуждающие поощрение тому, кто считался бы проигравшим или был бы наказан в предыдущем случае²⁵;

в) суды, где правыми и выигравшими оказываются оба (а виноватым и наказанным иногда — кто-то третий) или оба оказываются виноватыми и наказанными (а правым и выигравшим — кто-то третий);

г) суды-дилеммы, где остается неясным, кто же прав (выиграл),

²⁴ Нередко сходные по характеру сюжеты существуют в различных вариантах, один из которых может быть отнесен к I части, другой — ко II и т. д. Таковы, например, рассказы о взаимной хитрости (взаимном коварстве, подвохе и т. п.). Если такая хитрость была лишь причиной обращения в суд, мы помещаем соответствующий рассказ в части о возникновении споров (напр., казахская сказка «Старик и его дочка»); если она была применена в процессе судебного разбирательства, мы помещаем текст во II части (камбоджийская сказка «Охотник на бакланов» и др.). Сюжеты, основанные на ответной и гре с л о в, читатель найдет и в I части, и во II, и в III. В сирийской сказке «Мудрый совет» старуха догадывается, что ответить людям, потребовавшим от нее возвращения денег, — это взаимные уловки тяжущихся в процессе судебного разбирательства. Однако известно немало вариантов (см. прим. к этой сказке), где подобный ответ дает сам судья в своем приговоре; такие варианты следовало бы поместить в III часть (каково дело, таков и приговор).

²⁵ Возможны случаи, когда признание чьей-либо правоты или неправоты ведет не к поощрению или наказанию, а к компромиссу или к примирению сторон (см., напр., сказку лоанда «Тесть и зять»). Сути дела это не меняет.

а кто неправ (проиграл) и должен быть наказан; иногда такие рассказы заканчиваются вопросом, обращенным к читателю ²⁶.

Не проставляя в тексте знаков «а», «б», «в» и «г», мы внутри каждой группы располагали тексты именно в такой последовательности.

Примеры таких логически-смысловых трансформ мы в статье не раз уже приводили; полный их набор читатель найдет, скажем, в главе о спорах из-за женихов и невест.

Не везде нам удалось добиться такой полноты. Можно, однако, предположить, что подобные варианты должны существовать во всех группах рассказов.

Конечно, система расположения материала в сборнике — еще не классификация. Чтобы не усложнять книгу, мы решили вообще отказаться от намерения дать развернутые заголовки-характеристики для каждого раздела. Цель наша — обосновать принципиальную возможность такой классификации.

В некоторых случаях, когда однотипные сказки разнятся только решениями (приговорами), мы, чтобы сэкономить место и не перегружать сборник однообразными сюжетами, не приводим в основной части всех возможных логических трансформ данного типа, а упо-

²⁶ Хотя рассказы-дилеммы вообще встречаются у самых разных народов, судебные дилеммы характерны преимущественно для африканского фольклора. Возможно, это связано с недостаточно разработанной системой судопроизводства, свойственной архаическому жизненному укладу. Как любезно сообщил автору Б. Л. Рифтин, в Китае, например, где судопроизводство было очень развито с древнейших времен, подобных концовок сказок никогда не встречается. Дело, видимо, даже не только в судопроизводстве, как таковом, а вообще в разработанности морального, семейного и тому подобных кодексов. Известна тагальская сказка о женщине, которой предоставилась возможность спасти жизнь одному — но только одному — из родственников, ожидавших казни: мужу, сыну или брату («Кто роднее всех?» [121, 257]). Женщина не знает, как ей быть. Сказка рассказывает как загадка; после долгого раздумья слушатель паходит мотивированное решение: женщина должна спасти брата, поскольку мужа она еще может найти заново, сына может родить другого, только брат незаменим. Очевидно, в Китае, где конфуцианство, ссылаясь на древние традиции, установило безусловную иерархию семейных отношений, подобные ситуации уже не могли представить проблемы.

В то же время ср. приводимое П. А. Гринцером мнение А. Йоллеса о так называемой форме казуса в древнеиндийской литературе, где поставленная перед царем в форме вопроса юридическая и этическая проблема передко остается без ответа, несмотря на характерную для древней Индии развитую систему регламентации и квалификации самых различных сторон человеческой жизни и поведения [106, 220—221] (подробнее об этом см. настоящую вступительную статью, стр. 28).

минаем об имеющихся вариантах в примечаниях к соответствующему тексту.

Учитывая специфику серии и сравнительно небольшой объем сборника, мы ограничили свой отбор лишь фольклором афро-азиатских народов, опять же лишь иногда указывая в примечаниях на соответствия из европейского фольклора.

Вообще мы руководствовались в своем отборе стремлением представить как можно больше разнообразных сюжетов как можно большего числа народов. При наличии однотипных вариантов мы предпочитали самый короткий текст, принадлежащий народу, меньше представленному в сборнике. Некоторые отступления от этого принципа мы допускали лишь в отношении рассказов, впервые переведившихся на русский язык, предпочитая их при прочих равных условиях другим.

В результате нам удалось представить на страницах этой книги около 180 легенд, сказок, басен и анекдотов более чем 80 народностей Азии, Африки и Океании. Около трети всех текстов воспроизводятся на русском языке впервые.

В сказках о судах, пожалуй, особенно ярко отразилась повседневная жизнь народов, их нравы, обычаи, моральные представления, психология, характер деловых взаимоотношений. В суд приходили с самыми разными делами: и с семейными конфликтами, и с трудовыми, и с имущественными тяжбами, и с жалобами на обиду, оскорбление и т. п. Желающему познакомиться с глубинной стороной жизни людей, которая не всегда открывается поверхностному взгляду, бесполезно провести хоть несколько дней в суде; писатели нового времени не раз подтверждали это. Конечно, сказки, легенды, басни отражают реальные отношения в образной, подчас фантастической форме; тем не менее читатель, познакомившийся с текстами этого сборника, почерпнет из них немало и реальных сведений. Он узнает, например, что в древнем Египте потерпевший сам указывал кару, которая, по его мнению, полагалась виновному (а также размер вознаграждения, которое он взыскивает), и что повинный в невыполнении денежных или иных обязательств мог быть отдан в рабство. Он узнает, что в племени ираку (Танганьика) мужчина мог развестись с женой, потребовав при этом обратно свой свадебный выкуп; женщина после этого могла выйти замуж вторично. Он узнает, что учение о посмертном перевоплощении душ существенно влияло на многие стороны повседневной жизни камбоджийцев и других народов, у которых оно было распространено. Он узнает о быте охотников, земледельцев, скотоводов, торговцев, ремесленников, о их имуществ-

венных отношениях и материальной культуре, о некоторых формах общественного устройства у разных народов. А как ярко отражены в этих рассказах самые тонкие оттенки психологии людей! Тут и самоуверенность, и трусость, заискивание перед сильными мира сего и внезапно взрывы смелости, благородство и корыстолюбие, гордость и чувство обреченности, лицемерие и хитрость, глупость и простодушие, пронзительность и лукавство, наивное суеверие и ироническое сомнение во всемогуществе «божьего суда», мстительность и великодушие, слепая ярость и спокойная рассудительность.

Многие сюжеты, варьируясь, повторяются в разных странах, каждый раз наполняясь новым содержанием. У каждого народа — свой поворот темы, свои краски, свои реалии. В хакасской сказке с кредитором расплачиваются рублями, в аналогичной сказке суахили — реалами, в сказке йоруба — раковинами каури. Во вьетнамской сказке человеку грозит леопард, в аналогичной дагестанской — волк, в нубийской — крокодил. Сути дела это чаще всего не меняет. Смысл, урок таких сказок бывает почти дословно схож, и в случаях с судами это особенно важно еще раз подчеркнуть. Ведь для того чтобы однотипные сюжеты о судах могли получить распространение у народов, стоящих подчас на самых разных ступенях общественного развития, в странах с разными обычаями, законами, нравами, с разной историей, религией, с разными системами судопроизводства, должно существовать что-то общее, более важное, чем все эти различия. Думается, что предварительный структурный разбор текстов данного типа позволяет подтвердить вывод о принципиальном сходстве логического мышления разных народов; это и есть тот каркас, на котором живет плоть сказки, своеобразной и неповторимой. Кому-то может показаться диким и чрезмерным наказание, которому подверглась изменившая мужу женщина в сказке бурунди «Изменница Хантиру», но все согласятся с мыслью, что всякое действие имеет свои последствия и что каково преступление — таково бывает и наказание (хотя все, наверное, вспомнят и ситуации, подтверждающие возможность обратного вывода). Об этом на свой лад говорит и бирманская сказка «Почему у баклана нет хвоста», и амхарская «Приговор мудрого нежуса», и сказка хауса «Торговец и мальчик», и многие другие.

8

До сих пор мы говорили о фольклоре. Между тем сюжеты о судах с самых древних времен получили распространение и в литературе.

Видное место «судебная» (т. е. связанная с разбором споров и тяжб) тематика занимала в древнеиндийской литературе. П. А. Гринцер в своей

работе о древнеиндийской прозе обращает, например, внимание на форму обрамленной повести, к которой применим термин «казус», предложенный А. Йоллесом, автором известного исследования о простейших повествовательных формах, получивших литературное воплощение. Специфику «казуса» Йоллес видит в стремлении соотнести рассказанное событие с нормой морали или закона (A. Jolles, *Einfache Formen*, Halle, 1956, стр. 143 и сл.). В качестве примера А. Йоллес приводит санскритские «Двадцать пять рассказов Веталы», каждый из которых заканчивается вопросом, предлагающим царю разрешить какую-либо этическую или юридическую проблему. Хотя содержание «казуса» сводится к вопросу, однако — и в этом характерная черта «казуса» — вопрос этот не содержит ответа, вернее, не предполагает однозначного ответа, как, например, в загадках (ср. «Суд Соломона»). Проблема остается нерешенной, ответ иногда вообще не дается в рассказе, иногда варьируется в зависимости от вкусов и взглядов рассказчика. Так, например, во втором рассказе Веталы предлагается определить, кто по закону должен быть мужем воскресенной девушки, при этом в рецензии Джамбхаладатты Викрамадитья отвечает, что ее муж тот, кто охранял на кладбище ее прах, а у Шивадасы он определяет, что охранитель праха должен быть рабом девушки, а супругом — тот, кто удалился домой.

А. Йоллес справедливо указывает, что форма «казуса» зародилась и оформилась в Индии, «где стремление регламентировать и квалифицировать самые различные стороны человеческой жизни и поведения нашло свое воплощение в огромном количестве сборников кодексов и правил».

«Если это так, а это, видимо, действительно так,— считает П. А. Гринцер,— то в тех случаях, когда мы встречаем в Европе сказки или рассказы в форме „казуса“, их истоки следует искать в Индии» [106, 220—221]; (см. также прим. к сказкам «Прорицатель, стрелок, рыльщик и знахарь», стр. 291, «Как нашли вора», стр. 294).

Рассказы о судебных делах были весьма популярны и на Дальнем Востоке с XI—XII вв. В Китае сложился особый тип произведений, получивший название «гунъань» (букв. «общественное или судебное дело»). Произведения могли быть написаны в жанре драмы (так называемые судебные драмы, получившие широкое распространение в период династий Юань и Мин), но чаще всего были прозаическими. Д. Н. Воскресенский в работе о китайской судебной повести гунъань отмечает, что «элементы судебной прозы можно обнаружить в литературе дотанского периода, в прозе эпохи Шести династий. В книге Гань Бао „Записки о поисках духов“... есть немало рассказов, сюжетики которых основана на судебной практике той эпохи. В одном из них говорится о некоей вдове, жившей во времена династии Хань. Вдова с необычайной почитательно-

стью относилась к своей свекрови. Свекровь, видя, что невестке трудно одной справиться с многочисленными обязанностями по дому, да еще смотреть за старухой, решила уйти из мира и покончила с собой. Дочь умершей обвиняет вдову в убийстве. Начинается суд. Несчастливая, не выдержав пыток, принимает на себя вину. В этой нехитрой истории есть все элементы, присущие более поздним судебным историям: смерть, подозрение человека в убийстве, судебное расследование, наказание... После казни невинной женщины в округе начинается засуха» [10а, 108].

Позднее, как уже было сказано, судебная повесть оформилась в самостоятельный тип прозы. «До наших дней дошли повести и рассказы судебной тематики, многие из которых уже в конце Минской династии (XVI—XVII вв.) стали объединяться в циклы — так называемые судебные романы (гунъань сяошо). Из них наиболее известен цикл о благородном и мудром судье Бао-гуне, появившийся в конце династии Мин. Несколько позднее сложился цикл рассказов о справедливом судье Хай Жие. В XVIII—XIX вв. значительной популярностью пользовались циклы рассказов о судьях Пыне, Ши, о деятельности чиновника-патриота Линь Цзэ-сюя и т. д.» [10а, 107].

Д. Н. Воскресенский отмечает, что основным источником сюжетов для сочинителей юаньских и минских судебных повестей был фольклор, хотя авторы охотно использовали и литературные источники, разного рода исторические книги, летописи, сборники судебных казусов.

Характерно, что произведения эти, как и фольклорные рассказы, повествуют о самых разных судах; соответственно и судьбы в них выводятся мудрые и глупые, справедливые и несправедливые. Нередко образы судей идеализированы. «Как правило, это мудрый, прозорливый чиновник, умело раскрывающий преступления и справедливо карающий злодеев. Самыми многочисленными достоинствами наделяется прежде всего судья Бао-гун — личность столь же историческая, сколь и легендарная. Предание изображало его как судью реального и потустороннего миров». В то же время «многие судебные рассказы содержат богатый обличительный материал... Уже в ранней повести о Лю Гие мы видим чиновника-судью, человека ограниченного и злого. Он равнодушен к судьбам людей, не старается вдуматься в существо дел» [10а, 114].

Существенно для нашей темы наблюдение Д. Н. Воскресенского над структурой судебных повестей. Они содержат пролог, две основные части: в первой рассказывается о преступлении (часто предполагаемом), во второй — о расследовании и выяснении его обстоятельств, — а также концовку, содержащую наиздание. «Заключительная часть — морализующая концовка — в судебной повести играет особую роль, так как общественная деятельность людей, их поступки, оценка этих поступков и

вообще квалификация всего нравственного облика человека чрезвычайно важны для авторов» [10а, 111].

Близкие по характеру произведения можно найти и в корейской, и в японской литературе.

В ранней западноевропейской литературе судебная проза, оформившаяся в столь самостоятельный жанр, как это имело место в Китае, отсутствует. Однако с античных времен рассказы о судах можно найти у самых разных авторов. В баснях Эзопа, Федра, Лафонтена, Крылова мы встретим много знакомых сюжетов: тут и щука, брошенная в реку, и трутни, которые притягают на мед пчел, и многие другие. Чаще всего основа этих сюжетов — также фольклорная. То же можно сказать и о теме суда у крупнейших европейских писателей разных веков — от Шекспира и Сервантеса до Брехта. В фольклоре широко распространена знаменитая история о ростовщике, захотевшем вырезать у должника фунт мяса (см. аварскую сказку «Ростовщик и бедняк»); в научной литературе этот мотив известен как «мотив Шейлока» (AaTh 890) — по имени героя драмы Шекспира «Венецианский купец» (1600). Ростовщик Шейлок дает займы крупную сумму денег купцу Антонио и берет с него расписку, что в случае неуплаты долга в срок он, Шейлок, имеет право вырезать фунт мяса из тела должника. Разорившийся Антонио не может уплатить долг, взятый им для своего друга Басанио, в назначенный срок, и Шейлок неумолимо требует выполнения договоренности. Невеста Басанио, переодетая адвокатом, доказывает на суде, что Шейлок имеет право только на фунт мяса из тела Антонио, но ни на каплю его крови; если он прольет хоть каплю крови, то ответит за убийство. Шейлок проигрывает иск.

Богатейший набор историй о судах предлагает Сервантес в «Доп Кихоте». Это знаменитые суды Санчо Пансы, получившего пост «губернатора» на острове Баратария. Один из них имеет соответствие в нашем сборнике: это спор займодавца и должника. К Санчо явились два старика; один из них утверждал, что дал займы другому десять золотых; второй заявил, что если и брал когда-либо эти деньги, то давно их возвратил. Оба клятвой подтверждают свои слова (клятва во многих системах судопроизводства считалась достаточным доказательством); однако, произнося присягу, должник на время передавал свой посох первому старику. Санчо догадался, что в этом посохе и находятся деньги.

В нашем сборнике аналогичный сюжет имеет бирманская сказка «Волшебные щипцы из Пагана», но здесь он связан с темой «божьего суда»: клятва произносится перед волшебными щипцами, которые должны стиснуть руку лжеца. Однако известны фольклорные тексты, более близкие суду Санчо, обходящиеся и без волшебного вмешательства. Сам Санчо говорит, что слышал о подобном случае от приходского свя-

щенника. А. Н. Веселовский [10] упоминает об аналогичных талмудических легендах, а также о мусульманских легендах на библейские темы. Он приводит мнение Буслаева (подвергая его, правда, сомнению) о том, что в условиях Испании источник, из которого эта история могла прийти и до Санчо, и до священника, мог быть как раз мусульманским [10, 73]; (см. также прим. к сказке «Волшебные щипцы из Пагана», стр. 296).

Не менее интересны и другие суды Санчо. Он разоблачил женщину, утверждавшую, что ее изнасиловали: заставил обвиняемого отдать ей деньги, а потом предложил ему забрать их у нее. Мужчине это не удалось. «Как бы не так! — воскликнула женщина. — Да я скорей с жизнью расстанусь, нежели с кошельком! Нашли какую малолеточку!.. Никакие клещи и гвоздодеры, никакие отвертки и стамески, никакие львиные когти не вырвут у меня из рук кошелек: легче мою душу из тела вытрясти!»

Санчо забирает у нее кошелек, вынося свой приговор:

«Вот что, милая моя: выкажи ты при защите своего тела хотя бы половину того воинственного духа и бесстрашия, какие ты выказала при защите кошелька, то и Геркулес со всею своею силою не мог бы учинить над тобой насилия»²⁷.

В двух других случаях Санчо наказывает обоих тяжущихся. По делу портного, который из данной ему материи сшил, как было заказано, пять колпаков, но крошечного размера, «губернатор» постановил: материи заказчику не возвращать, но и денег портному не платить, а колпаки пожертвовать заключенным. По делу об игроке, который выиграл с помощью нечестного судьи, но не захотел с ним расщедриваться: деньги помогавшему уплатить, но самого его изгнать с острова.

Из писателей новейшего времени активно пользовался фольклорными источниками Бертольд Брехт. В новелле «Аугсбургский меловой круг» и в пьесе «Кавказский меловой круг» он обрабатывает фабулу Соломонова суда. Действие «Аугсбургского мелового круга» происходит во время Тридцатилетней войны. Спасаясь от врагов, мать бросает ребенка на произвол судьбы; служанка берет его себе и с большим трудом выхаживает. Впоследствии, когда выясняется, что ребенку оставлено богатое наследство, мать находит его и предъявляет на него права. Аугсбургский судья велит начертить на полу меловой круг и предлагает женщинам тянуть ребенка к себе; кто перетянет, та настоящая мать. Родная мать тянет ребенка изо всех сил; служанка, жалеючи, отпускает его. Эксперимент, по сути, аналогичен эксперименту Соломона (ср. также камбоджийскую

²⁷ Мигель де Сервантес Сааведра, Дон Кихот, ч. 2, пер. Н. Любимова, М., 1955, стр. 358. Мы бы отнесли этот рассказ к первому разделу II части нашего сборника: к историям, подтверждающим, что виновный сам себя выдает.

сказку «Спор о ребенке», прим. к «Суду Соломона», стр. 290); результат не в пользу родной матери.

При общем сходстве сюжетов литературные рассказы о судах по сравнению с фольклорными, как правило, более обстоятельны, детализированы. Но любой из них мог бы занять свое место в одном из разделов нашего сборника.

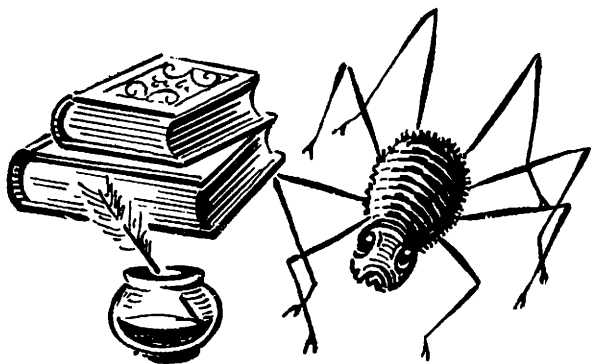
В заключение — несколько слов о пользовании книгой. В приложении к основному тексту приведены короткие анекдоты и пословицы о судах и судьях, вине и наказании, справедливости и несправедливости. В Примечаниях даны некоторые комментарии и пояснения к текстам. Кроме того, в конце книги дан список непереведенных слов и указатель использованной литературы. В тексте звездочка отсылает к Словарю непереведенных слов, цифра — к Примечаниям. В Указателе текстов по народам даны краткие сведения о некоторых малых народах.

Заглавия, заключенные в квадратные скобки, принадлежат составителю. Иногда в первоисточнике текст вовсе не имел заглавия, но в некоторых случаях его приходилось менять, чтобы избежать повторения множества одинаковых названий («Справедливый суд», «Несправедливый суд», «Мудрое решение» и т. п.).

Некоторые тексты приведены в сокращенном виде, как правило, в тех случаях, когда из многопланового сюжета требовалось выделить лишь ту часть, где речь шла о суде. Сокращения обозначены многоточием, заключенным в квадратные скобки. Кроме того, тексты иногда подвергались незначительной обработке, например в тех случаях, когда в сюжете, вырванном из широкого контекста (серии однотипных сюжетов, целого рассказа), некоторые места могли стать непонятными, а также в ряде других.

Автор благодарит Г. Л. Пермякова и Б. Л. Рифтина за помощь и ценные советы.

М. С. Харитонов

книга о судах и судьях

І. РАССКАЗЫ О СПОРАХ И ТЯЖБАХ

СПОРЫ О ДЕТЯХ

1. [Суд Соломона]

[...] Пришли две женщины блудницы к царю и стали перед ним.

И сказала одна женщина: о господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две и были в доме;

и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди;

утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила.

И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так перед царем.

И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын — живой.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его: она — мать.

И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь. И стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость божия в нем, чтобы производить суд¹.

древнееврейск., 23, 3. 16—28

2. Птичник и царь

[...] Однажды настал голодный год. Не только люди умирали от голода, но и птицы.

У одной вороны было пять птенцов. Ворона-мать уже не в силах была кормить своих птенцов, беречь их. Она оставила птенцов и улетела в далекую страну, чтобы спасти себя от голода. К птенцам прилетела другая ворона и стала за ними ухаживать. Все, что добывала, она приносила птенцам и кормила их. С большими трудностями вскормила их ворона, спасла от смерти.

Когда голодный год прошел и наступил урожайный, возвратилась ворона-мать и говорит вороне, спасшей ее птенцов:

— Ты должна мне вернуть моих птенцов.

Но та ответила ей:

— Если тебе нужны были твои птенцы, надо было за ними смотреть, кормить их. А теперь, когда я их вырастила, они мне самой нужны.

Спор ворон затянулся. Каждый день они прилетали к воротам царского дворца, пищали, кричали, жаловались друг на друга царю, но царь не понимал причину их шума. Однажды он созвал всех приближенных и говорит им:

— Большой подарок сделаю тому, кто мне скажет, чего хотят эти вороны, которые кричат около моих ворот...

[И привели в покои царя молодого птичника, знавшего язык птиц.]

— Если ты знаешь язык птиц, то должен мне рассказать, о чем спорят вороны,— сказал царь юноше.

Долго слушал юноша ворон, потом говорит царю:

— Посмотри, царь, вон те пять ворон сидят вместе — это птенцы. А та ворона, которая сидит недалеко от них,— кормилица. В прошлом году, когда у нас был голод, мать не нашла сил прокормить своих птенцов и улетела в такую страну, где

могла спастись. А другая ворона стала их растить, кормить. Теперь, когда наступил урожайный год, прилетела ворона-мать и требует, чтобы ворона, вскормившая и спасшая птенцов, вернула их ей. А она говорит вороне-матери: «Я взрастила этих птенцов, и теперь они мои. Если они тебе нужны были, то надо было их растить, а не бросать на произвол судьбы». Вот уже сколько дней они прилетают к тебе с жалобой, наш царь. Они от тебя требуют правосудия: кому же должны принадлежать птенцы, той, которая их вскормила, или той, которая их вывела, но потом бросила на произвол судьбы.

Созвал царь своих мудрецов и говорит им:

— Нам надо вынести правильное решение: кому должны принадлежать эти птенцы?

Первое слово было предоставлено самому царю.

— Вот мое решение,— сказал царь: — ту ворону, которая оставила своих птенцов, считать мертвой, ту же, которая спасла их, считать их настоящей матерью.

— Мы согласны с твоим решением,— заявили в один голос мудрецы.

Царь вышел из дворца и сообщил воронам свой приговор. Юноша перевел слова царя на птичий язык. Вороны взмахнули крыльями и улетели. Мать птенцов улетела одна, а вскормившая птенцов ворона вместе с ними улетела в другую сторону [...]

осетинск., 59, 293

3. Чей ребенок?

В одной деревне жил человек по имени Мавунгу. Во всех делах ему сопутствовала удача. Он был достаточно богат, чтобы иметь двух жен. Звали их Кенги и Гунга. Мавунгу дал каждой свой участок земли. Обе возделывали маис, бобы и маниок и ни в чем не знали недостатка. Хоть жили они вместе и еду делили на всю семью, каждая из женщин гордилась своим участком и ревниво оберегала свой урожай.

Однажды Гунге понадобилось немного бобов, чтобы приготовить еду. Своих у нее в тот раз не оказалось, и она взяла бобы с участка Кенги. Узнав про это, Кенги очень рассердилась и стала ругать вторую жену. Та ответила, что сожалеет о случившемся, но не считает свою вину такой уж большой. Ведь обе они замужем за одним человеком, все едят вместе одну и ту же

пищу — не такая уж разница, откуда взяты бобы. Однако Кенги ничего подобного признавать не желала, и наконец они договорились: впредь все, что родится на поле одной из них, принадлежит только ей, другая не вправе ничего у нее брать. Порешив на этом, женщины продолжали жить мирно и больше ни разу не ссорились.

Случилось так, что однажды, когда обе они работали на своих полях, у Кенги в чреве зашевелился ребенок, и она поняла, что приближается время рожать. Чтобы облегчить свои страдания, она решила закурить, но не нашла при себе табака и направилась к полю Гунги — попросить у нее. Гунга встретила ее радушно, пригласила сесть, отдохнуть и дала курить свой табак. Тут же, на чужом поле, у Кенги и родился сын.

Гунга сама приняла ребенка, обрезала пуповину, смазала маслом его тельце — словом, сделала все, что требовалось новорожденному. Как только Кенги смогла говорить, она поблагодарила ее.

— Ты мне очень помогла, Гунга, спасибо тебе. Ты была так добра с моим ребенком — как со своим собственным. Я тебе очень благодарна.

— Но это ведь и вправду мой ребенок, — ответила Гунга. — Вспомни о нашем договоре. Сын родился на моем поле и принадлежит мне. Я не собираюсь его тебе отдавать.

Кенги горько плакала, но Гунгу не трогали ее слезы. Единственное, на что она согласилась, — пойти в город к вождю Маниломби и передать дело на его суд. Слава о мудрости и справедливости Маниломби разнеслась далеко вокруг; каждая из женщин надеялась, что он решит дело в ее пользу.

Они пришли к Маниломби, приветствовали его и отдали подарки, после чего он спросил их, о чем между ними спор.

Первой заговорила Кенги:

— Я родила ребенка, а Гунга хочет забрать его у меня. Я носила сына в своем чреве, я терпела боль, рожая его, значит, это мой сын. Больше мне незачем говорить. Мой довод гораздо весомей, чем все слова Гунги. Я жду справедливого решения.

Гунга ответила на это:

— Ребенок мой, и вот почему. Когда я однажды взяла немного бобов с поля Кенги, она была очень зла на меня, и мы договорились, что впредь все, родившееся на моем поле, будет принадлежать только мне, а все, родившееся на ее поле, будет принадлежать ей. Кенги пришла ко мне незваная, ее ребенок

родился на моем поле; значит, согласно нашему договору этот ребенок мой, и она не имеет права забирать его у меня.

Маниломби внимательно выслушал обеих и решил, что Гунга действовала правильно — ребенок должен принадлежать ей.

Но многие были недовольны судом Маниломби. Дело не в том, где случайно родился ребенок, говорили они; главное, кто его родил. Приговор Маниломби показался людям сомнительным.

лома, 105, 117

4. Охотник и его сын

Послушайте историю об охотнике и его сыне.

Жил-был охотник, и был у него сын по имени Цинна. Как-то раз отправились они вдвоем в лес. Охотились, охотились все утро и ничего не добыли, кроме маленького зайца. Отец отдал зайца нести Цинне, но тот решил, что это нестоящая добыча, и бросил зайца в лесу. Больше, однако, им ничего не удалось подстрелить в тот день. К полудню они проголодались.

— Зажарь-ка нашего зайца,— сказал Цинне отец.— Хоть чем-нибудь да подкрепимся.

Когда он услышал, что сын бросил зайца в лесу, его охватил необычайный гнев. В ярости он ударил Цинну топором и ушел, оставив юношу одного.

Поздно вечером Цинна очнулся, поднялся и пошел домой. Он дождался, пока все заснут, взял свои вещи и ушел из дома. Он направился в сторону Квенде, большой деревни, поздно ночью добрался до нее и пришел к дому вождя.

Вождь не спал. Он увидел юношу и спросил его:

— Откуда ты?

— Оттуда-то и оттуда,— ответил Цинна.

— А почему ты покинул дом? — спросил вождь.

Цинна сказал:

— Мы с отцом ходили в лес охотиться и не добыли ничего, кроме маленького зайца. Отец дал мне его понести. Но я подумал, что этот заяц слишком мал, и бросил его в лесу. Когда мы проголодались, отец велел мне зажарить зайца. Я ответил, что у меня его нет. Тогда отец пришел в ярость и ударил меня топором. Я упал без чувств. Вечером я очнулся, встал и пришел сюда. Вот что со мной случилось.

А надо сказать, что несколько лет назад вождь потерял на войне своего единственного маленького сына. Его взяли в плен и там убили. Теперь вождю пришла на ум одна мысль.

— Ты умеешь хранить тайну? — спросил он.

— Какую тайну? — спросил Цинна.

— У меня нет сына, — сказал вождь. — Его взяли в плен на войне. Когда наступит рассвет, я скажу всем, что ты мой сын, что ты убежал из плена и вернулся домой.

Цинна согласился.

— Это не так уж трудно, — сказал он.

Тогда вождь вошел в дом и выстрелил из ружья. Бум! — раздалось в ночи. Проснулась жена вождя и, прибежав, спросила:

— О великий вождь, что заставило тебя стрелять среди ночи?

Вождь ответил ей:

— Мой сын вернулся!

Тут и жена его подняла шум. Проснулась вся деревня.

— Что случилось в доме вождя? — спрашивали люди друг друга. — Почему там палат из ружей среди ночи?

Посланные к дому вождя принесли весть, что сын его, плененный во время войны, неожиданно вернулся. Одни радовались, но были и такие, что с сомнением спрашивали: «В самом деле?»

На рассвете юноша умылся, переоделся в красивые одежды, вождь дал ему подарки, и он пошел по деревне, радостно приветствуемый всеми. Но некоторые старейшины, глядя на него, продолжали с сомнением качать головами.

— Это не его сын, — говорили они.

Другие возражали:

— Нет, это его сын.

Сомнения росли, и вот однажды кто-то придумал:

— Давайте проверим, действительно ли это его сын.

Старейшины позвали своих сыновей, велели им одеться в лучшие одежды и оседлать коней. А потом сказали им:

— Езжайте к дому вождя и позовите его сына с собой на прогулку. Проскакав некоторое время вместе, остановитесь, спешитесь и убейте каждый своего коня. А потом возвращайтесь домой.

Они дали своим сыновьям острые мечи, и те отправились к дому вождя.

Между тем нашелся доносчик, который подслушал разговор старейшин и все передал вождю. Поэтому вождь был уже готов к испытанию.

— Что ж,— сказал он,— и голый может танцевать, а одетый тем более.

Он позвал Цинну и наказал ему:

— Когда поедешь с детьми старейшин, следи за всем, что они делают, и поступай точно так же.

Тут как раз подъехали и они звать сына вождя на прогулку. Проскакав некоторое время, дети старейшин вдруг остановились, спешили и мечами убили своих коней. Цинна увидел это и сделал то же самое со своей драгоценной лошадью.

Вернувшись, сыновья рассказали все старейшинам, и те признали, что Цинна выдержал испытание. Только сын вождя способен проявить столь великолепное пренебрежение к драгоценному имуществу. Но чтобы убедиться в этом окончательно, решили устроить еще одно испытание.

На другой день старейшины опять позвали своих сыновей и сказали им:

— Позовите его с собой еще раз. Мы дадим вам самых красивых рабынь. Вы приведете их в лес и там убьете на его глазах.

Но доносчик опять обо всем предупредил вождя, и тот дал Цинне двух рабынь.

— Поедешь с остальными,— сказал он.— Делай все то же, что будут делать они.

Так оно и произошло. Цинна повторил за юношами все их действия, и старейшины были наконец удовлетворены.

— Это действительно его сын,— признали они.— Только сын вождя может так презирать богатство и жизнь.

Время шло. Цинна жил в доме вождя как его сын. Но вот однажды в Квенде пришел охотник, отец Цинны. Он увидел своего сына и, расспросив людей, узнал о том, что произошло. Тогда охотник пришел к дому вождя и застал его сидящим рядом с Цинной. Охотник приветствовал вождя и сказал юноше:

— Пойдем со мной, сын. Не поохотиться ли нам опять вместе?

Цинна молчал. А вождь сказал охотнику:

— Пришелец, не раскрывай моей тайны. Ты получишь все, что пожелаешь, но Цинну оставь со мной.

Однако охотник был глух к его мольбам и упорно стоял на своем.

Тогда вождь велел оседлать трех коней и дать Цинне меч. Все трое: охотник, вождь и Цинна — сели на коней и поскакали в лес. Там они остановились, и вождь обратился к Цинне:

— Слушай меня, Цинна,— сказал он.— Мы двое безоружны, и лишь одному тебе дан меч. Нам остался единственный выход. Или убей меня, возьми все мое имущество и возвращайся со своим отцом к себе — или ты убьешь отца, а мы с тобой вернемся и будем жить как прежде.

Юноша не знал, что делать. А вы на его месте — кого бы убили вы: охотника или вождя?

Подумайте на свежую голову!

хауса, 105, 90

ТЯЖБЫ ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ДОБЫЧЕ

5. Как старуха продавала тыкву

Жила одна старуха. Посадила она тыкву, из которой делают звонкострунные садиеу *. Когда над землей появились два первых листочка, зашел к старухе один человек и предложил продать ему тыкву на корню. Заплатил он вперед один кахапана * и ушел. Когда появилась завязь, наведаясь к старухе другой человек и тоже пожелал купить у нее тыкву на корню.

— Как же я могу продать эту тыкву,— сказала старуха,— когда она давным-давно куплена?

— Когда же ее купили?

— Когда над землей два первых листочка появились.

— И сколько же тогда за нее дали?

— Один кахапана.

— Тогда могли купить только стебель. Ведь были видны листья, а плода еще не было. Я же покупаю этот плод и даю за него два кахапана.

Обрадовалась старуха деньгам и продала тыкву. Второго покупателя каждый день заходил к старухе и ухаживал за тыквой, а когда она созрела, сорвал ее и сделал садиеу.

Услышал первый покупатель чарующие звуки музыки, зашел к соседу и спросил:

— Где ты взял тыкву для садиеу?

— Купил,— ответил сосед и продолжал наигрывать.

— У кого купил?

— У старухи.

— Значит, ты украл мою тыкву. Я давно ее купил.

— Я купил тыкву у старухи и, как полагается, за нее заплатил. Как ты смеешь обвинять меня в воровстве? Идем к старухе и спросим ее обо всем!

Отправились оба покупателя к старухе. Первый спросил:

— Правда ли, что ты продала тыкву этому человеку?

— Конечно, правда.

— Как же ты могла продать тыкву, которую уже я купил?

Стали оба покупателя спорить и ругаться. Спорили они, спорили и пошли к королю. Король выслушал спорщиков и решил:

— Первый из вас купил тыкву, когда был только стебелек, и больше не появлялся. Он не ухаживал за тыквой, а посему тыква должна достаться второму из вас.

камбоджийск., 67, 294

6. Как четыре брата охотились на слона

Жили некогда четыре брата, звали их Меткий, Зоркий, Длиннорукий и Большезадый.

Собрались однажды братья охотиться на слонов. Было у них одно ружье и один патрон. Однако Меткий сказал:

— Я с первого выстрела убью слона, не сомневайтесь.

Сели они в лодку, положили ружье и патрон на скамеечку и поплыли вверх по реке. Плыли они, плыли, и тут Большезадый качнул лодку. Единственный патрон скатился со скамейки и пошел на дно. Один Зоркий заметил это.

— Стойте! — сказал он братьям. — Мы уронили в реку наш патрон. Я вижу его на дне реки.

Остановили лодку. А что дальше делать? Тут Меткий и говорит:

— Длиннорукий, это твоя забота! Достань патрон. Иначе нам охотиться не с чем.

Сунул Длиннорукий руку в воду и достал патрон со дна реки. Подул на него и положил на солнце сушиться. А братья взялись за весла и поплыли дальше.

Вдруг Зоркий сказал:

— Братья, смотрите! Вон на том берегу в кустах стоит слон. Меткий охотник зарядил ружье, вскинул его к плечу, прицелился и выстрелил. Слон упал, пораженный насмерть.

И тут Зоркий заметил большую толпу охотников из чужого

племени. Они бежали к слону, размахивали копьями и что-то кричали.

— Братья! — сказал Меткий. — Надо перетащить слона на другой берег и спрятать, а то у нас отнимут добычу. Длиннорукий, это твоя забота!

Привстал Длиннорукий, схватил слона левой рукой за хобот, дотащил до лодки, а потом правой рукой бросил его на другой берег.

Но охотники уже были близко. Они кричали, что это их слон, потому что он жил на земле, где они охотятся. Они кричали, что братья воры, потому что убили слона и перетащили его на тот берег.

— Какой слон? — ответил Большезадый. — Где вы видите слона? Переправляйтесь, ищите. Если найдете, слон ваш.

Но пока охотники переправлялись через реку, братья успели причалить к берегу. Длиннорукий оттащил слона в яму среди кустов, а Большезадый сел сверху и накрыл своим задом и яму и слона.

Долго рыскали вокруг охотники из чужого племени. Знали они, что братья убили слона, но найти его не могли. А братья сидели вокруг Большезадного и посмеивались.

Наконец устали охотники и ушли ни с чем [...]

Вернулись братья к себе в деревню и заспорили: кто из них сделал больше всего, кому лучший кусок от слоновой туши достанется.

— Я заметил патрон на дне реки, я увидел на берегу слона и чужих охотников, — сказал Зоркий. — Без меня ничего бы вы не добыли!

— Я достал патрон со дна реки, я перенес слона на другой берег, — сказал Длиннорукий. — Без меня бы вам ничего не досталось.

— Я убил слона одной пулей, — сказал Меткий. — Если бы не я, вам нечего было бы и делить.

— А я сел на слона и спрятал его, — сказал Большезадый. — Если бы не я, охотники из чужого племени отняли бы нашу добычу, и тогда выходит, Зоркий зря смотрел, Длиннорукий зря тратил силы, а Меткий зря стрелял. Остались бы мы ни с чем!

Долго спорили братья и наконец решили пойти к вождю. Каждый доказывал, что сделал больше других. Выслушал вождь всех братьев и сказал:

— Все вы сделали, что могли, на этой охоте. Но слон — са-

мый большой зверь на земле, и тот, кто сумел сесть на него и скрыть его от глаз охотников своим задом, — сделал больше всех. Такое не каждый может!

мандинго, 80, 162

7. Чье дерево манго?

Пришел к Бирбалу крестьянин по имени Кешав и пожаловался:

— Господин вазир! Я посадил манговое дерево, поливал его много лет. И вот, божьей милостью, в этом году дерево уродило. Увидал плоды мой сосед Пемла, пожадничал и затеял ссору со мной — говорит, будто это его дерево. Можно ли надеяться, ваша милость, что вы рассудите нас по справедливости и накажете соседа за жадность?

С большим вниманием слушал крестьянина Бирбал, затем отпустил и приказал опять прийти завтра. Тут же Бирбал велел позвать крестьянина Пемлу.

— Пемла! Чье это манговое дерево на полянке? Оно в этом году первый раз зацвело и принесло плоды.

— Ваша милость! Это дерево — мое. Семь лет подряд я его поливал, выхаживал, а когда нынче появились плоды, то староста Кешав позарился — мое, говорит, дерево. Вы для нас как отец родной, решите дело по правде.

— Так. Теперь скажи, кто сторожит дерево?

— Защитник бедных! Мы оба вместе наняли сторожа, он и сторожит, да и сами мы все время ходим туда, поглядываем.

Бирбал отпустил Пемлу и призвал к себе сторожа.

— Кто нанял тебя сторожить манговое дерево?

— Защитник бедных! Я только два месяца сторожу. Наняли меня двое — Кешав и Пемла, а кто из них хозяин, я не знаю.

Бирбал продержал весь день сторожа у себя, а вечером сказал ему:

— Ступай сейчас к Кешаву, а потом к Пемле и каждому скажи так: «К твоему манговому дереву пришли грабители, хотят обобрать все плоды, иди спасай дерево». Но, — добавил Бирбал строго, — гляди! Ни слова лишнего не вымолви. Скажешь, что велено, и тотчас иди домой. Для проверки я пошлю с тобой двух человек.

У сторожа от сердца отлегло, от радости он ног под собой не

чуял. Беднягу весь день трясло от страха — кто знает, что с ним вазир сделает?

Бирбал приставил к сторожу двух солдат и наказал им тайком приметить, что он скажет Кешаву и Пемле, что те ответят, что станут делать, а потом прийти и про все ему, Бирбалу, рассказать.

Сперва все трое пошли к Кешаву, но не застали его дома. Тогда сторож позвал его жену и сказал:

— Когда Кешав придет, скажи ему: «К манговому дереву пришли разбойники, хотят обобрать плоды, иди спасай дерево».

— Ладно, — ответила жена Кешава, — как он придет, сразу же скажу, что вы велели.

Один солдат спрятался возле дома Кешава.

Сторож пошел к Пемле, но его дома не было, и сторож повторил те же слова его жене, а потом ушел домой. Другой солдат незаметно пролез в какой-то закуток и стал ждать Пемлу.

Вскороости Кешав воротился домой, и жена повторила ему наказ сторожа.

— Пропади оно пропадом, это дерево, — сердито отозвался Кешав. — Что мне до него? Мое оно, что ли? Я нарочно завел эту свару, хотел позлить Пемлу, выгорит — хорошо, а не выгорит — ну и ладно! Охота была ночью, в потемках, бежать и ввязываться в драку из-за дерева.

Солдат ни слова не пропустил из речей старосты и поспешил к Бирбалу, чтобы поведать обо всем, что услышал. Пока он был в пути, воротился домой Пемла. Только ступил ногой на порог, как жена пересказала ему слова сторожа. Пемла схватил оружие и — за дверь. Жена хотела подать ужин, но он и слушать не стал.

— Я тут буду рассиживаться, а там разграбят мое добро — ведь семь лет трудился, дерево выхаживал, — сказал он жене. — Нет, побегу скорей, поесть успею, когда справлюсь и приду домой. А коли пропадет мое манго, то и кусок в горло не полезет.

Побежал Пемла к дереву и не вспомнил, что на дворе ночь, ни зги не видно.

И другой солдат вышел из потайного места и заспешил к Бирбалу. Оба солдата рассказали вазиру подробно про все, что видели и слышали.

Назавтра пришли оба крестьянина к Бирбалу.

— Братцы, расследовал я ваше дело и узнал, что оба вы — хозяева того дерева, и потому решение мое таково: соберите с него плоды, разделите поровну меж собой, а потом дерево сру-

бите и дрова тоже разделите на двоих — пополам. Ступайте исполняйте, что сказано.

Обрадовался Кешав такому приговору, а Пемла даже в лице переменялся.

— Ох, ваша милость! — сказал он с обидой в голосе. — Да разве можно так делать! Ведь плоды манго еще маленькие, совсем неспелые, что пользы их срывать? И зачем вы хотите убить дерево? Уж раз такая ваша воля — отдайте его хоть Кешаву, только не губите манго понапрасну...

Больше Пемла не мог ни слова вымолвить, комок подкатил к горлу.

Тут вазир сделал знак солдатам — дать плетей Кешаву. Староста струсил и взмолился:

— Господин советник! Не бейте меня, винюсь — дерево не мое, а Пемлы.

Так Кешав сам признался в обмане. А Бирбалу только того и надо было. Он вынес решение, что дерево — Пемлы, Кешаву же велел дать наказание по заслугам¹.

индийсм., 37, 234

8. Торговец Мима и жулик Бяньба

Не было в городе такого человека, который не знал бы торговца Мима. Это был честный человек, всегда готовый услужить людям. Бедняков он не раз выручал из беды, и жители всегда добром платили Мима. Кто товар поможет ему перевезти на своем осле, кто воды принесет домой, кто чайсуму* для него приготовит.

И только мелкий воришка Бяньба ненавидел Мима. Вы хотите узнать, за что ненавидел он торговца Мима? И на это в сказке найдется ответ. Был Бяньба как две капли воды похож на Мима. И ростом, и походкой, и лицом. Только Мима все в городе любили и уважали, а жулика разве могли уважать добрые люди? И решил Бяньба отомстить своему двойнику.

Как-то раз собрался Мима в соседний город шелковые ткани продавать. Заметил его Бяньба, быстро переделся в халат — точь-в-точь как у торговца — и пошел следом за ним. А когда показались дома соседнего городка, Бяньба подбежал сзади к Мима и сорвал с его плеча корзину с рулонами шелка.

— Держите его, люди, держите! — изо всех сил закричал Мима.

А Бяньба и не думал убегать. Собралась толпа. Окружили их люди, смотрят и ничего не могут понять. Один говорит:

— Это моя корзина. Он хотел отнять ее у меня! Я торговец Мима!

Другой говорит:

— Не верьте ему, это он сорвал с моего плеча корзину!

Вышел тут из толпы старик и говорит:

— Не знаем мы вас. Вы похожи как две капли воды в нашей реке. И роста одного, и голоса одинаковые, и халаты не отличить друг от друга. Есть у нас судья, пусть он решит, кто из вас прав, а кто виноват.

И повели их к судье.

Внимательно выслушал старый судья Мима и Бяньба и так сказал:

— Положите один рулон шелка на стол. И когда я взмахну этим жезлом, вы оба разом его хватайте. Кто захватит больше, тот и есть настоящий Мима.

Сказал и взмахнул своим жезлом.

Бросился Бяньба на шелк, крепко схватил его и так потянул, что даже материя затрещала. А Мима лишь осторожно руку положил на шелк — боялся порвать красивую материя!

— Теперь я вижу, кто из вас настоящий Мима. Шелк никогда не был твоим,— обратился судья к Бяньба,— ты не пожалел материя и порвал ее. Значит, ты никогда и не звался Мима. А ты, почтенный торговец Мима, пожалел свой товар, не стал его рвать. Забирай корзину и иди с миром, торгуй в нашем городе.

Позвал судья стражу и велел посадить Бяньба в сырой подвал.

тибетск., 69, 46

9. Охотники на слонов

Охотник Кинджунджу собрался на охоту. Он взял ружье, пошел в лес и выследил стадо слонов. Он подкрался к стаду и застрелил одного слона.

Другой охотник из той же деревни, Нгала, был в это время в лесу. Он увидел, что Кинджунджу преследует слонов, и прокрался за ним. Услышав выстрел Кинджунджу, Нгала бросился к тому месту, где лежал убитый слон, выстрелил в него и закрычал:

— Это мой слон!

Кинджунджу подошел к Нгала и сказал:

— Это мой слон. Я выследил его. Я убил его. Когда ты пришел, он был уже мертв. Почему же теперь ты кричишь, что слон твой?

Охотники поссорились. Кинджунджу говорил: «Это мой слон!», Нгала говорил: «Это мой слон!»

Наконец они решили:

— Пойдем в деревню. Там рассудят, кто прав.

Они вернулись в деревню, и Кинджунджу пошел к вождю. Он обвинил Нгала. Вождь послал за Нгала, а когда тот пришел, оба охотника рассказали о том, что случилось в лесу.

Кинджунджу сказал:

— Я выследил стадо слонов. Я долго шел за ним. Куда шло стадо, туда шел и я. Наконец я подкрался и убил слона. Потом пришел Нгала. Он увидел на земле убитого слона, выстрелил в него и утверждает, что это его слон.

Нгала сказал:

— Слона выследил я, и убил его я. Он мой. Почему Кинджунджу хочет забрать моего слона?

Вождь сказал:

— Мне трудно решить, кто из вас прав. В лесу не было свидетелей. Давайте подождем. Я решу ваше дело завтра.

Они расстались. Солнце село, наступила ночь.

Кинджунджу пошел в лес к тому месту, где лежал слон.

Нгала шел за ним. Кинджунджу начал громко кричать:

— Этот слон — мой слон! Этот слон — мой слон!

Нгала кричал так же только один час. Но скоро устал и ушел.

А Кинджунджу оставался в лесу всю ночь и кричал:

— Это мой слон! Это мой слон!

Наступило утро. Вождь послал за Кинджунджу и Нгала. Когда охотники пришли, он попросил их снова рассказать о случившемся в лесу. Кинджунджу повторил свой рассказ, и Нгала повторил свой рассказ. Тогда вождь обратился к людям:

— Кто пробыл со слонем всю ночь в лесу и кричал: «Этот слон — мой слон»?

Люди ответили:

— Кинджунджу всю ночь провел в лесу около слона. Нгала же пробыл там всего один час, а потом ушел.

Вождь вынес решение:

— Кинджунджу прав, а Нгала — нет. Кинджунджу охотил-

ся, убил слона. Нгала хотел получить слона легким путем. Кинджунджу всю ночь прокричал: «Этот слон — мой слон!». Нгала же — только час. Он хотел присвоить чужого слона. Слон принадлежит Кинджунджу.

мбака, 22, 34

10. [Девятый мешок]

Некий человек возвращался с рынка верхом на быке. По дороге он увидел слепого. Тот сидел на солнцепеке и плакал.

— О Аллах, сжался надо мной, — причитал слепой, — я ничего не вижу, а солнце палит так нещадно. Если бы я видел, я нашел бы место в тени под деревом и отдохнул бы от зноя.

Человек спешился и сказал слепцу:

— О смертный, иди, я посажу тебя на быка.

— Да будет Аллах милостив к тебе, — ответил слепой и с помощью зрячего влез на быка.

И они отправились верхом на быке: зрячий впереди, слепой сзади.

Сидя в седле, слепой стал ощупывать покупки зрячего, навьюченные на быка.

— Что это? — спросил слепой.

— Соль, — ответил зрячий.

— А это?

— Плоды пальмы дорава ¹.

— А это?

— Сода.

— А это?

— Перец.

— А это?

— Приправа к соусу.

— А это?

— Перец кимба ².

— А это?

— Имбирь.

— А это?

— Зернистый перец.

Не нащупал слепой только небольшого мешка, привязанного ниже остальных.

Приехали они в город, и хозяин быка сказал:

— Ну, слепой, слезай. Мы приехали, ты отдохнешь тут, а я поеду дальше.

Но слепой отказался слезать и стал звать на помощь. Сбежались люди.

— Этот зрячий хочет отобрать у меня быка! — кричал слепой.

— Что ты говоришь, слепой? Ради Аллаха ты должен рассказать все как было! — возмутился зрячий.

— Я говорю правду, — ответил слепой, — ты хочешь отобрать у меня быка.

Послушали все это люди и решили отвести их к эмиру.

— Зрячий, — сказал эмир, — ты будешь отвечать первым.

— Нет, — попросил тот, — пусть говорит слепой.

— Слепой, — спросил эмир, — что у вас случилось?

— Я просил милостыню и получил в подарок быка, — начал слепой. — Отправился я на базар и купил там соль, плоды пальмы дорава, перец, приправу к соусу, соду, перец кимба, имбирь и зернистый перец. Все это я сложил в мешки и навьючил на быка. Посмотрите, разве тут не восемь мешков с названными мною покупками?

Люди посмотрели и увидели, что мешков девять. Тогда эмир сказал:

— Идите оба отдыхать, а завтра мы во всем разберемся.

И эмир приказал принести два больших блюда, наполненных просяной кашей, жиром и вареным мясом, сосуды с кислым молоком, медом, жидкой мучной болтушкой и два блюда с жареным мясом.

— Все это отнесите зрячему и слепому, каждому свое. Постарайтесь незаметно подслушать, что скажет тот и другой, — сказал эмир слугам.

Те, кто принесли пищу слепому, услышали, как он сказал: «Хорошее начало! Я съем кашу, и жир, и мясо, выпью болтушку, кислое молоко и мед, а утром получу еще и быка». Слуги вернулись и доложили эмиру.

— Подождите, послушаем тех, кто носил пищу зрячему, — сказал он.

Слуги пришли и сообщили:

— Эмир, послушай, что сказал зрячий: «Зачем мне еда? Разве есть такая еда, которую я смогу сейчас съесть? Ведь у меня отбирают быка».

— Хорошо, — ответил эмир, — идите домой и приходите утром.

Утром, когда все собрались, эмир приказал принести те блюда и сосуды с угощением, которые слуги относили слепому и зрячему. И тут все увидели, что слепой ничего не оставил, а зрячий и не притронулся к пище.

— О люди, хозяин быка — зрячий, — заключил эмир. — То, что у него хотят отнять быка, так расстроило его, что он не прикоснулся к еде. Слепой же съел все. Идите и позовите их. Запомните, слепой сказал, что он сложил покупки в восемь мешков, мы же видели девять.

Привели слепого и зрячего. У зрячего спросили:

— Что у вас случилось?

— Я отправился на рынок и сделал покупки, — отвечал тот. — Слепой сказал, что мешков восемь, а я говорю, что их девять. Девятый мешок с травой тазаргаде³. Он был подвешен ниже остальных, и слепой не нацупал его, а про другие он спрашивал меня, и я рассказал ему, что в них лежит.

— Ты лжешь, — закричал слепой, — мешков восемь!

— Да продлятся дни эмира, — сказал зрячий, — пусть развяжут девятый мешок и посмотрят.

Мешок развязали. И все увидели, что там действительно трава тазаргаде.

— Ты, слепой, лжешь, — сказал эмир. — Слуги, которые относили тебе пищу, слышали, как ты сказал, что это хорошее начало, что ты съешь все угощение, а утром получишь быка. Зрячий же и не притронулся к пище. Стража, схватите слепого и убейте, он вор.

Но зрячий попросил:

— Эмир, прости его. Он хотел обмануть меня, но я не хочу, чтобы ты его наказывал.

— Хорошо, — согласился эмир, — оставьте его. А ты, зрячий, забирай своего быка.

• | хауса, 89, 55

11. Хозяин и жилец

Один человек только что построил новый дом. К нему подошел незнакомец и попросил приюта. Хозяин дома согласился. Так они и стали жить вместе. Жилец тщательно пересчитал, сколько в доме балок, сколько в полу досок, сколько на крыше листьев. Все это он записал, чтобы не забыть.

Прошел месяц. Хозяин дома сказал:

— Пожил ты в моем доме, пора и честь знать. Прошу тебя, переселись куда-нибудь. Сюда переезжает моя семья.

— Как так? — возразил жилец. — Это мой дом. Ты не смеешь гнать меня из моего собственного дома.

Спорили-спорили хозяин с жильцом и пошли к судье. Хозяин дома сказал:

— Я построил новый дом и пустил к себе этого человека пожить. Жил он в моем доме целый месяц. И вот теперь, когда я попросил его переехать, он отказывается, да еще утверждает, что дом принадлежит ему.

Жилец сказал:

— Наоборот, я построил новый дом и пустил к себе этого человека. Если дом действительно твой, то назови мне, сколько в нем балок, сколько половиц, сколько листьев на крыше.

— Я не считал. Но ведь дом все-таки мой.

Тут вмешался судья и спросил жильца:

— Если ты продолжаешь утверждать, что дом твой, то сможешь ли ты сам назвать количество балок, половиц и листьев на крыше?

Жилец с готовностью назвал все числа, которые он давно записал.

«Наверное, он и есть хозяин дома. Откуда еще знать ему все эти числа?» — подумал судья и решил дело в пользу жильца. Хозяин не согласился с таким решением и повел жильца к королю.

«Неспроста запомнил он такие подробности», — подумал король, выслушав жильца. Затем он спросил:

— А скажи-ка мне, что под сваями лежит?

— Ничего не лежит, — отвечал с поклоном жилец.

— В юго-восточном углу земля была очень сырой, поэтому я подложил под сваю деревянные чурки, — вмешался хозяин.

Король послал слуг проверить, правду ли сказал хозяин. Когда в юго-восточном углу под сваей действительно оказались чурки, король вынес решение:

— Значит, ты и есть хозяин этого дома. А тот, кто пересчитал все листья на крыше, но не знает, что под сваями, — явный обманщик, и его следует наказать по закону.

камбоджийск., 67, 326

12. Украденный конь

Однажды некий человек ехал верхом. Вдруг на половине пути его конь захромал и не мог бежать.

А в это время на дороге появился другой человек, также на коне. Когда он подъехал ближе, первый всадник сказал ему:

— Дай мне твоего коня!

Но тот отказался.

Тогда первый всадник выхватил свой меч и сказал:

— Либо ты дашь мне коня, либо я отрублю тебе голову!

Владелец отдал ему коня, а сам поехал следом на хромом.

На другой день они встретились на рынке в городе. И тот, у кого увели коня, побежал к кади *, стал ему жаловаться на обидчика и рассказал, как все было.

Кади призвал обвиняемого и спросил его:

— Чей это конь, о человек?

Тот ответил:

— Это мой конь. Он принадлежал мне, когда был еще крошечным жеребенком.

Тут владелец коня сорвал с себя рубашку, накинул ее на голову коня и сказал своему обидчику:

— А на каком глазу у него бельмо?

Обвиняемый быстро ответил:

— На правом.

Тогда владелец сдернул рубашку с головы коня и сказал:

— Никогда не было у него бельма на правом глазу!

И кади возвратил ему коня ¹.

арабск., 79, 266

13. [Спор о клубке]

Две женщины пришли к судье Иясу с одним клубком веревки, и каждая утверждала, что веревка ее.

Судья развел их по разным углам и спросил у каждой потихоньку, на что намотана веревка.

— На щепку, — сказала одна.

— На тряпку, — сказала другая.

Судья велел размотать клубок.

Из клубка выпала щепка, и судья приказал отдать веревку той женщине, что сказала правду.

А той, что солгала, он повелел дать плетей.

персидск., 14, 114

14. Дело о дороге

Все знают, как трудолюбива белка. С утра до ночи она работала на своем поле и вырастила прекрасный урожай. Она была так занята, что не удосужилась даже проложить дорогу к своему полю, а добиралась до него, просто прыгая по деревьям.

И вот случилось так, что в этих местах охотился паук. Увидел он поле белки, где уже созрел урожай, и очень оно ему понравилось. Поискал он дорогу к полю, не нашел — и в его хитрой голове тотчас созрел коварный план.

На другой день паук вернулся на поле вместе со всей своей семьей, и они стали прокладывать к нему свою тропу, завешивая ее паутиной так, чтобы казалось, будто они часто пользуются этой дорогой. Потом паучья семья принялась убирать зрелые колосья и уносить их. За этим занятием застала их белка.

— Кто вам позволил убирать урожай с моего поля? — в негодовании закричала она.

— С твоего поля? — спросил паук. — Почему ты называешь это поле своим?

— Потому что я работала на нем, — ответила белка. — Я расчистила участок, я возделала его, засеяла и заботилась об урожае. А теперь приходишь ты и хочешь его забрать. Это мое поле.

— Тогда покажи, где твоя дорога к нему, — сказал коварный паук.

— Мне не нужна дорога, — ответила белка, — я могу скакать и по деревьям.

— Ах, вот как! Где это слыхано, чтоб кто-то не прокладывал к своему полю дороги? — презрительно возразил паук.

Белка передала дело в суд. Но суд решил, что не может быть поля, к которому не проложено дороги. А так как дорога, несомненно, проложена пауком, значит, и поле принадлежит ему.

Паук с семьей собрал весь урожай и повез его продавать на базар. В пути их настигла ужасная буря. Они бросили свою

кладь на дороге и убежали искать укрытия от ливня. Как только буря прошла, они вернулись к дороге — и что же там увидели? Большой черный ястреб сидел на их добре и, широко раскинув крылья, укрывал его от дождя.

— Спасибо тебе, чужеземец, что ты охранял наше имущество, — сказал ему паук.

— Ваше? — возразил ястреб. — Как бы не так! Где это слыхано, чтобы такое добро оставляли без присмотра посреди дороги? Вздор! Это мой урожай, я везу продавать его на базар. Будь здоров, паук, и не вадумай мне дерзить.

Сказав это, ястреб поднялся, унося с собой добычу.

фанти, 105, 218

15. Как бедняк подражал богачу

Жила-была одна семья — муж, жена и дочь. Была эта семья бедной-пребедной, еле концы с концами сводила. Стали муж с женой думать, как бы им разбогатеть.

— Живем мы сейчас в нищете. Давай разыщем какого-нибудь богача, поселимся с ним рядом, поглядим, что он делает, и будем во всем подражать ему.

Так они и сделали. Сломали свою хижину и построили новую рядом с домом богатого сетхэя*. Сетхэй заставлял своих работников обрабатывать поле и огород, а потом посылал их продавать урожай. Бедняки старались подражать сетхэю, в чем могли, работали в поле, а потом часть урожая продавали на базаре. Постепенно дела у них пошли все лучше и лучше, достаток рос.

Муж с женой решили отблагодарить сетхэя, у которого они тайком научились вести хозяйство. Муж взял горсть золота и отправился к богачу.

— Для чего ты принес мне золото? — удивился сетхэй.

— Был я бедняком. Решили мы с женой сломать нашу хижину, поселиться рядом с вашим домом и подражать вам во всем. Наши дела быстро пошли на лад, семья разбогатела, и вот мы из благодарности просим принять наш подарок.

— Раз ты сам считаешь, что приобрел все свое богатство благодаря мне, значит, это мое богатство. Ты должен отдать мне все свое состояние, а уж я сам решу, какую долю тебе выдать.

— Но я же не остался неблагодарным и принес вам золото. Если бы я знал, что вы потребуете все мое состояние, то не принес бы вам ничего.

Долго спорили сетхэй и бывший бедняк. Наконец обратились к судье. Судья их спор разрешить не смог и повел обоих к королю. Бывший бедняк поклонился и сказал:

— Ваше величество, я поселился рядом с домом сетхэя, наблюдал, как он ведет хозяйство, как посылает работников своих обрабатывать поле и торговать на базаре. Стал я подражать сетхэю, в чем только мог, и добился благополучия и удачи в делах. Из благодарности я принес золото сетхэю, который помог мне, сам того не ведая, но сэтхэй требует все мое состояние. Прошу вас, ваше величество, разобраться в этом деле по справедливости.

Король обратился к сетхэю:

— Правильно ли изложил дело этот человек?

— Все правильно, ваше величество.

Понял король, что сетхэй жаден не в меру, и сказал:

— Сетхэй, у тебя есть дети?

— Сын, ваше величество.

— А у тебя? — обратился король к бывшему бедняку.

— Дочь, ваше величество.

— Чтобы между вами не было раздоров, я повелеваю обеим семьям породниться. Тогда и делить вам будет нечего.

Сетхэй и бывший бедняк низко поклонились королю и удалились, чтобы последовать мудрому королевскому решению¹.

камбоджийск., 67, 277

16. Слепой и безногий

Дело было не у нас и не с нами, а совсем в других краях.

Жили в одной хижине слепой да безногий. Время было голодное, и оба бедствовали вместе со всеми. Однажды из своей хижины безногий увидел стаю обезьян. Он сразу представил себе тушеное мясо, облизнул губы и тяжело вздохнул.

— Ты что вздыхаешь? — спросил его слепой. — Тебе нездоровится?

— Здоров-то я здоров, — ответил безногий, — только очень есть хочется. Надо бы сейчас подстрелить хоть одну обезьяну. Я б приготовил отличное мясо.

Слепой засмеялся:

— Я смеюсь, чтоб не закричать от голода,— сказал он.— Мой живот пуст, как пусты заросли вокруг. В них совсем не осталось дичи. Охотники из нашей деревни каждый день возвращаются ни с чем. Где ты найдешь обезьяну?

— Совсем рядом с нашей хижиной,— ответил безногий.— Если ты ничего не видишь, не думай, что и все слепы. Мне бы только добраться до них.

Тут слепой поверил ему.

— Забирайся на мои плечи,— сказал он,— и говори мне, куда идти и где остановиться. Я поднесу тебя вместе с ружьем, а ты подстрелишь обезьяну.

Так они и сделали. Безногий сел на плечи слепого, сказал ему, куда идти, и они приблизились к обезьянам на расстояние выстрела. Бум! — громыхнуло ружье. Одна обезьяна свалилась с дерева, а остальные разбежались.

Они принесли добычу к хижине, безногий развел огонь и стал варить мясо. Он помешивал мясо в горшке, а слепой то и дело спрашивал:

— Еще не готово?

— Нет еще,— отвечал безногий.

Он добавил в горшок пальмового масла и перца и продолжал помешивать.

— Не готово еще? — опять спросил слепой

— Нет, не готово,— ответил безногий.

Он все помешивал мясо да помешивал и то и дело брал кусочек на пробу — так он был голоден. Каждый раз, когда слепой спрашивал: «Не готово еще?» — безногий поскорей проглатывал очередной кусок, чтобы ответить своему товарищу. Скоро в горшке ничего не осталось, только кости да слабый навар.

— Готово? — опять спросил в это время слепой.

— Да, теперь готово,— ответил безногий и протянул ему миску с костями и жидкостью. Слепой попробовал эту еду и закричал:

— Что ты мне даешь? Тут одни кости! Ах ты, негодный товарищ! Ты воспользовался моей слепотой и съел один все мясо! Разве нам не полагалось разделить добычу поровну? Разве я не вправе был съесть столько же мяса, как и ты? Ведь если бы не мои ноги, ты не смог бы убить эту обезьяну!

Безногий отвечал ему:

— Я увидел дичь. Я подстрелил ее. Я ее сварил. Это большая часть дела, поэтому мне следует получить большую часть еды.

От тебя потребовалось только физическое усилие. А от меня — и острота взгляда, и мастерство охотника, и поварской талант. Это намного больше! Если бы я первым не увидел обезьян, в нашем горшке вообще бы ничего не было.

Так они спорили долго и все больше злились друг на друга. Слепой вышел из хижины на дорогу и стал просить каждого встречного рассудить их и наказать безногого. Безногий же из хижины продолжал кричать свое и требовал, чтобы правым признали его.

Но никто из встречных не знал, как их рассудить. А по-вашему — кто из них прав?

гно, 105, 75

17. Два путника

Два путника с наступлением ночи пришли в одну деревню и, как того требует обычай, явились к вождю, чтобы приветствовать его и попросить о ночлеге.

— Добро пожаловать, о чужестрапцы,— сказал им вождь.— Мы приветствуем вас. У нас найдется и дом, где вы сможете переночевать, и пища, которой вы сможете подкрепиться. Но знайте, что в нашей деревне есть один обычай, сохранившийся с давних времен. Любой может остановиться здесь на ночлег, но под угрозой смерти он не должен храпеть во снс. Запомните это хорошенько. Если вы станете храпеть, вас убьют.

Сказав это, он велел проводить обоих к месту ночлега, и вскоре усталые путники улеглись спать.

Но едва они заснули, как один из гостей начал храпеть: «Во, во, во». Его товарищ проснулся. Он услышал звуки храпа: «Во, во, во». И тут же услышал другие звуки: «Чик, чик, чик». Это жители деревни точили свои ножи. Путник сразу понял, что это значит: они готовились убить храпевшего. В тот же миг он сообразил, как спасти своего товарища. В такт звукам храпа: «Во, во, во» — он стал петь песню:

Во, во, лио во! Во, во, лио во!
Мы шли по дороге.
Мы пришли в деревню.
Нам сказали: «Добро пожаловать».
Во, во, лио во!
Во, во, лио во!

Он пел громко, и людям уже не слышен был храп — только песня. Они отложили в сторону свои ножи и стали танцевать. Появились барабаны, зазвучала музыка. Песня сменяла песню, танец шел за танцем. Все жители деревни: женщины, дети, сам вождь — включились в общее веселье.

Всю ночь один чужестранец храпел, другой пел, а жители деревни плясали и веселились.

Утром чужестранцы пришли попрощаться с вождем. Тот пожелал им доброго пути и дал большой кошелек с деньгами.

— Это вам в награду за ваше прекрасное пение, — сказал он. — Благодаря вам, чужестранцы, мы провели ночь в танцах и веселье. Мы вам очень признательны за это.

С подарком вождя путники покинули деревню. Но в дороге между ними начался спор: как разделить деньги?

— Мне должна достаться бóльшая часть, — сказал тот, что храпел. — Без моего храпа тебе бы и в голову не пришло затевать пение, и мы бы не получили никакого подарка.

Но тот ему ответил:

— Верно. Если бы ты не захрапел, я бы не стал сочинять песню. Но если бы я не запел, тебя бы убили. Жители деревни уже точили свои ножи. Поэтому бóльшая часть должна, конечно, достаться мне.

Так они спорили, спорили, но никак не могли прийти к согласию. И к кому из встречаемых они ни обращались, никто не мог их рассудить. А вы можете?

менде, 105, 43

18. Любовь или богатство

В одной деревне умер очень богатый человек. Никто из родственников не пришел оплакать его смерть. Плакал один воробей, да поугай в своем красивом оперении прилетел из зарослей принять участие в похоронах.

После похорон возник вопрос, кто должен унаследовать имущество умершего. Тут из разных мест набежало множество народу, и все стали доказывать свои права на наследство. Но вождь и его советники быстро их осадили.

— Как у вас совести хватает являться за имуществом покойного! — сказали они. — Оплакать его смерть никто из вас не пришел. Вы даже не знали о его болезни. Что ж вы за род-

ответники, если раньше не заботились о нем, а теперь, как стая хищников, набрасывается на его наследство?! Вы не вправе ничего требовать. Отправляйтесь обратно!

И все разошлись, пристыженные и злые. Остались только воробей да попугай. Они предъявили совету свои права на наследство.

Воробей сказал:

— всю жизнь мы с человеком жили бок о бок. Куда он, туда и я. Он переселится в другое место — и я лечу вслед за ним. Моя песня будила его по утрам, указывала ему дорогу, когда он возвращался издалека, подбадривала его в минуты печали. Я был его товарищем в поле и на реке, я помогал ему в работе. Часто я ел его пищу и пил воду из его колодца. Он дарил мне все это бескорыстно, а я в ответ старался доставить ему радость. Когда он умер, горе мое было неподдельным, и я один оплакивал его, покуда не прилетел попугай.

Совет выслушал воробья и признал его доводы весьма основательными. Затем обратились к попугаю, спросили его, какие права он может предъявить на наследство умершего человека.

Попугай сказал:

— Я вправе считать себя его наследником, ибо началом всего своего богатства этот человек был обязан мне. Однажды он увидел прекрасные перья в моем хвосте. Они ему понравились, и он забрал меня с моего дерева и заставил жить с ним. Он выдернул мои перья, украсил ими плащ, а потом продал его. Полученные от продажи деньги позволили ему дать достаточный выкуп за хорошую жену. Жена родила ему нескольких дочерей, которых он выдал замуж, получив за каждую богатый выкуп. Дочери, в свою очередь, родили детей, и все они увеличивали богатство этого человека. Но разве не я помог ему получить жену, разве не благодаря мне он заложил основу всего своего богатства? Я не прожил с ним всей жизни, но, чтобы воспользоваться моими перьями, он лишил меня моего дома, он унес меня с дерева. Разве я не вправе потребовать за это возмещения? Я, и никто другой, должен теперь считаться наследником этого человека.

Совет долго обсуждал доводы попугая и нашел, что они тоже обоснованны.

— Воробей вправе требовать наследство, потому что они с покойным жили душа в душу и любили друг друга, — так рассуждали советники. — Попугай не может про себя этого сказать, но он положил начало всему богатству покойного. Оба они

по-своему имеют право на наследство. Но кто из них прав больше?

Думали, думали да так и не смогли прийти ни к какому решению. А вы можете?

фанг, 105, 72

19. Как разделить находку?

Однажды, давным-давно, встретились на дороге три человека и пошли дальше вместе. Один нес в свертке из больших пальмовых листьев вареное мясо, другой — хлеб из маниоки, завернутый в такие же листья. А у третьего ничего с собой не было, только собака, которая трусила рядом. Шли они, шли, наконец устали и остановились. Двое стали разворачивать свои свертки.

— Есть у меня мясо, да нет к нему хлеба, — сказал один.

— У меня есть хлеб, да нет к нему мяса, — сказал другой.

А третий сказал:

— У меня нет ни хлеба, ни мяса, только вот этот пес. Но когда трое идут одной дорогой, принято делить между собой еду.

Они уселись все вместе и стали есть вареное мясо с хлебом из маниоки. Довольно скоро от еды у них остались одни листья, в которые она была завернута. Листья эти были брошены подалеже в кусты, и пес, который сидел в сторонке, дожидаясь, пока люди кончат есть, кинулся вслед за ними, чтобы облизать и подчистить остатки еды.

Люди отправились в путь дальше. Они прошли некоторое расстояние, и тут владелец собаки сказал:

— Пес мой куда-то запропастился. Боюсь, он не может нас найти. Вернусь поищу его. Подождите меня.

Те согласились:

— Иди за своей собакой. Мы подождем, — сказали они и уселись у дороги.

Человек вернулся к месту, где они ели, но собаки там не нашел. Он направился дальше в кусты, куда были брошены листья, и тут увидел свою собаку. Она сидела на остове слона. Человек согнал ее оттуда, вытащил слоновий бивень и вернулся к ожидавшим его товарищам.

— Моя собака нашла слона, умершего в лесу, — сказал он

им.— Как только мы дойдем до ближайшей деревни, я продам этот бивень и расплачусь с вами за ваше мясо и ваш хлеб.

Но тот, у кого было мясо, ответил сердито:

— Ты не имеешь права продавать этот бивень. Он — часть слона, который принадлежит мне. Если б я не нес с собой вареного мяса и не бросил в кусты листьев, ни ты, ни собака никогда бы не нашли слона. Так что этот слон мой!

Тогда второй сказал:

— Откуда ты знаешь, за чьими листьями побежала собака, за моими или твоими? Конечно, за моими, в которые был завернут хлеб из маниоки. Нет, ты не имеешь прав на слона. Он мой!

А третий ответил:

— Оба вы говорите не дело. Слона нашла собака, собака моя, а зачем она побежала, не имеет значения. Слон принадлежит мне.

Но двое других не захотели с ним соглашаться.

— Мы поделились своей едой с тобой и твоей собакой,— сказали они,— и не требовали никакой платы. Если б мы тебя не накормили, ты бы вообще не смог идти дальше, а мы, конечно, нашли бы слона и без тебя. За то, что ты съел, мы с тебя ничего не требуем, но и ты не имеешь никаких прав на слона.

Так они спорили все сильнее и сильнее и ни до чего не могли договориться. Не смог их никто рассудить и в ближайшей деревне. А вы могли бы сказать, кому из трех должен принадлежать слон?

булу, 105, 61

20. Спор о родстве

Крокодил Нгандо был богат и знатен. Когда окончился срок его жизни, он умер, окруженный общим уважением. Весть о его смерти распространилась по окрестностям, и многие пришли его оплакивать.

Когда все погребальные обычаи были исполнены, вспомнили о наследстве крокодила. Его должны были разделить между собой родственники Нгандо. Но кто были его родственники? Тут-то и разгорелся спор.

Птицы сказали:

— Крокодил Нгандо — из нашего рода. Его имущество должно перейти к нам.

Но звери с этим не согласились.

— Какие же вы родственники Нгандо? — сказали они. — Посмотрите на себя! Разве вы на него похожи? Он носил чешуйчатые доспехи, а на вас перья.

— Верно, — ответили на это птицы, — перьев у него не было. Но надо судить не по тому, каким крокодил был всю жизнь, а по тому, с чего он начинал. Он начинал с яйца. Он был таким, как мы. Вот главное! Мать родила его таким же, как нас. Значит, он наш родственник, и мы его наследники!

Но звери никак не хотели с этим соглашаться.

— Это неверно! — кричали они. — Родственники Нгандо — мы, и нам положено разделить его имущество!

Тогда из числа тех, кто пришел оплакивать крокодила, собрался совет, чтобы выслушать доводы птиц и зверей и решить, кому должно принадлежать наследство.

Первыми начали звери.

— Может быть, и верно, — сказали они, — что искать родство надо в самом начале. Но яйцо тут ни при чем. Жизнь началась не с яйца. Сходство тут только внешнее. Когда крокодил Нгандо появился на свет, у него уже было четыре ноги, как у всех нас. Если уж искать доказательства, то вот оно. Поэтому мы заявляем, что родственники крокодила — мы, и имущество Нгандо следует отдать нам.

Тут птицы не выдержали.

— Вы, звери, говорите то одно, то другое! — закричали они. — То вы отказывались признавать нас родственниками Нгандо, потому что на нас перья, а не чешуйчатые доспехи. Но посмотрите сами на себя! У вас ведь у самих шерсть да шкура, и ни у кого нет чешуи. Теперь вы опять рассуждаете неверно. Жизнь маленького Нгандо началась не тогда, когда у него выросло столько ног, сколько вы говорите. Она началась раньше, в яйце! И яйцо это было похоже на наши, а не на то, что вы называете своими яйцами. Вы не родственники крокодила. Он наш!

Но звери все продолжали спорить, каждый стоял на своем, и совет никак не мог решить, кто же из них прав. А вы можете?

фанг, 105, 46

21. Две повозки на мосту

Ехали друг другу навстречу два человека. Одип спешил на помощь к своему благодетелю, а другой торопился на праздник. Повстречались оба на узком мосту и не хотели уступать друг другу дорогу. Спорили они, спорили и обратились к судье. Судья в их деле разобраться не сумел, повел обоих к королю.

Король спросил:

— Объясните мне, почему вы не хотели уступить друг другу дорогу?

Один из спорщиков отвечал:

— Ваше величество, я торопился на праздник, встретился на мосту вот с этим человеком, но он не пропустил меня.

Второй спорщик сказал:

— В свое время один человек оказал мне большую услугу. Теперь он попал в беду. Я спешил к нему на помощь. Поэтому я и не уступил дорогу.

Король вынес следующее решение:

— Тот, кто спешил на праздник, должен возместить убытки тому, кто торопился на помощь к своему благодетелю.

камбоджийск., 67, 303

22. Утонувший верблюд

Когда Афанди был казием * в Вобкенте, к нему явились два караванщика и обратились с просьбой разобрать их спорное дело.

— Мы купили верблюда. Я заплатил десять золотых, а мой товарищ — тридцать. Много лет мы возили поклажу разных нанимателей. Я получал четвертую часть платы, а он — три четверти. И все было хорошо. Да вот при переправе через Зеравшан верблюд утонул, и теперь мой компаньон требует возмещения убытков.

— Да, да, — закричал второй караванщик. — Я заплатил за верблюда в три раза больше. Пусть он мне уплатит десять золотых, и мы будем квиты.

— Но, — возражал первый караванщик, — ты же всегда по-

лучал в три раза больше за перевозку грузов, чем я. Ты заплатил за верблюда в три раза больше, но и доход твой с него был втрое выше, чем мой.

Они спорили и кричали. Тогда Афанди задал вопрос:

— Когда верблюд потонул, были ли на нем вьюки?

— Нет, мы возвращались порожняком.

— Верблюд утонул не от тяжести груза, а от собственной тяжести, — решил Афанди. — В весе верблюда три четверти принадлежит жалобщику. Именно эта часть погубила верблюда, а посему ты сам виновник гибели животного.

И Афанди вынес приговор, чтобы второй, богатый караванщик немедленно уплатил первому его долю стоимости верблюда — десять золотых.

узбекск., 40, 104

23. Восемь лепешек.

Шел по дороге юноша и увидел двух людей, которые закусывали, расположившись под деревом. У одного было три лепешки, а у другого — пять. Увидели они юношу и пригласили закусить вместе с ними. Юноша с радостью согласился. Когда они съели все лепешки, юноша поблагодарил этих людей, дал им восемь рупий и удалился.

Начали тут люди делить деньги, а поделить-то никак не могут. Один говорит:

— Мне причитается пять рупий, потому что я дал пять лепешек.

— Нет, — отвечает второй. — Надо все разделить поровну.

Спорили они так, спорили и до того доспорились, что пошли к судье. Тот выслушал их и сказал:

— Ты возьми себе пять рупий, а ты — три.

— Я не согласен! — возразил тот, у кого было три лепешки. — Пусть он возьмет себе четыре, и я — четыре.

— А если так, — рассердился судья, — тогда тебе вообще полагается одна рупия.

— Почему?

— Вас было трое? Трое. Лепешек восемь? Восемь. Если лепешки разделить, то получится двадцать четыре порции и на долю каждого выйдет по восемь порций. Из трех твоих лепешек вышло девять порций. Восемь из них ты съел сам. Значит,

отдал всего одну. А из его пяти лепешек вышло пятнадцать порций. Восемь он съел сам — значит, отдал семь. Вот и выходит, что он должен получить семь рупий, а ты — всего одну!

афганск., 78, 133

24. Суд Джебага

Жил некогда мудрый человек по имени Орый. Он умел находить справедливое решение по всякому делу, и люди всегда советовались с ним.

Однажды Орый услышал, как на улице мальчики спорят о чем-то. Спор был очень шумный, ребята все более горячились, но тут они увидели подходившего к ним сверстника и вдруг прекратили спор.

— Джебаг идет к нам, он нас рассудит.

Мальчик согласился.

— Хорошо, — сказал он, — охотно разберу ваш спор. Хотите, как Орый, неправильно разберу, а хотите, справедливо разберу?

Орый услышал это и удивился. «Что же неправильного и несправедливого усмотрел он в моем разбирательстве?» — подумал он [...] Вернувшись к себе, он послал за Джебагом, и его привели к нему.

— Когда ребята, играя, заспорили и попросили тебя рассудить их, ты сказал им, мой мальчик: «Хотите, как Орый, неправильно разберу, хотите, справедливо разберу?» Почему ты так сказал? Когда я несправедливо судил? — спросил Орый мальчика при людях.

— Нет, я этого не говорил никогда. Где мне взять столько ума? — отказывался Джебаг.

Но люди настаивали, и он сказал им правду.

— Сознаюсь, что говорил это, и скажу, почему так говорил. Два пчеловода имели пасеку в поле. Они построили там шалаш и жили в нем. Как-то они нашли одного заблудившегося козленка и поделили его поровну. Они согласились, что одна половина — и головы, и туловища по всей длине, включая одну переднюю и одну заднюю ногу, — будет принадлежать одному из них, а вся вторая половина — другому. Однажды днем, когда козленок находился на пасеке, он споткнулся и сломал ногу.

Хозяин этой половины козленка наложил на большую ногу деревянные накладки и обвязал ее сверху тряпками.

Вечером пасечники развели огонь, приготовили еду, поели и легли спать, не потушив огня. Козленок нечаянно прыгнул в огонь, и тряпка, в которую была завернута его нога, загорелась. Перепугавшийся козленок побежал по пасеке. На пасеке был стог соломы, солома вспыхнула от горящей тряпки, и все пчелы ночью погибли в огне.

Утром оба пчеловода пришли к Орыю, попросили рассудить их. Орый разобрал их дело и решил так: пасека сгорела по вине того, кто обвязал поломанную ногу тряпками, поэтому хозяин этой половины козленка должен возместить стоимость сгоревших пчел. Вот то несправедливое решение, которое вынес Орый.

— Что же ты видишь в этом несправедливого? — спросил Орый.

— Ты не должен был, Орый, обвинять хозяина, которому принадлежала половина со сломанной ногой. Ты должен был признать виновным хозяина другой половины, — сказал Джебаг.

— Почему?

— Орый, твой ум несравненно больше моего, и ты понимаешь, что если бы козленка не понесли его здоровые ноги, поломанная нога никуда бы не смогла пойти. А если так, то виноваты здоровые ноги¹. Поэтому я считаю твой суд несправедливым.

— Верно, мой мальчик, признаюсь, что я неправильно решил. С сегодняшнего дня передаю тебе права судьи, — сказал Орый.

Джебаг долго отказывался, говоря: «Я не могу справиться», — но народ решил, что он подходит для этого дела, и в конце концов Джебаг согласился.

Так Казаноко Джебаг стал судьей [...]

адыгейск., 13, 42

25. Как трое потопили лодку

Как-то раз три приятеля упросили купца подвезти их на лодке. Когда лодка отчалила от берега, один из приятелей взял палку и давай напевать и пальцами перебирать, будто в руках

у него садиеу оказалось. Услыхал веселую песню другой приятель, принялся хлопать в ладоши в такт музыке. А третий не выдержал, вскочил и начал отплясывать — уж больно лихо у них получалось. Перевернулась лодка, и все товары купца потонули. Стали приятели вину друг на друга сваливать. Один говорит другому:

— Дернула тебя нелегкая вскочить и заплясать. Вот лодка и перевернулась. Тебе и расплачиваться.

А плясун в ответ:

— Ну нет, лодка перевернулась потому, что он стал хлопать в ладоши. Если бы не он, я бы и не подумал плясать.

Тот, кто хлопал в ладоши, говорит:

— Как же так? Ведь я хлопал в ладоши потому, что он напевал, игре на садиеу подражал. Если бы не он, не стал бы я хлопать в ладоши. Он кругом виноват. Пусть платит за товары.

Спорили они, спорили и пошли к судье. Стали перед судьей друг друга обвинять. Судья сам ни к какому решению прийти не смог и повел всех к королю. Король выслушал их и сказал:

— Тот, кто подражал игре на садиеу, уплатит одну шестую часть стоимости товаров. Тот, кто хлопал в ладоши, — две шестых. Тот, кто плясал, — три шестых.

Приятели согласились с этим мудрым решением, успокоились и перестали ссориться.

камбоджийск., 67, 264

26. Ученый и крестьянин

Один крестьянин всю жизнь работал на своем поле. Как-то раз он заметил, что посевы его хиреют, и понес на поле удобрения. Навстречу ему шел ученый; он шагал в своих прекрасных одеждах, задрал голову и ничего вокруг не замечая, — да и столкнулся с крестьянином. Вонючие удобрения вылились прямо на него. Оба стали ругаться и требовать возмещения убытков. Спорили, спорили, ни к чему не пришли и отправились к судье.

— Господин судья, — начал крестьянин, — вот из-за этого человека пропали все мои удобрения. Как мне теперь быть? Как кормить семью? Я должен был удобрить ими поле. А теперь

урожай мой совсем захиреет, и моя семья должна будет умереть с голода.

Судья выслушал его и решил, что он прав. Затем он дал слово ученому.

— Как вы думаете, — сказал ученый, — сколько стоит эта одежда? А теперь он ее всю испачкал.

«Да, — подумал про себя судья, — она стоила тебе много денег и долгой работы. Ты дорого заплатил, чтобы иметь возможность шагать, высокомерно задрвав голову. И теперь ты хочешь, чтобы этот бедный крестьянин возместил тебе убытки?»

А вслух он сказал:

— Да, крестьянин должен тебе за это заплатить.

— Откуда я возьму деньги? — возмутился крестьянин. — Разве я не объяснил, что вся моя семья кормится благодаря урожаю, который теперь пропадет без удобрений?

— Тогда дай ему сто пощечин, — сказал судья ученому, — и это зачтется тебе как возмещение.

Стал ученый бить крестьянина по щекам. Но когда счет дошел до восьмьдесят второй пощечины, судья вдруг спросил:

— Постой-ка, ты являешься военным чиновником или штатским?

— Военным, — ответил ученый.

— Ах, — сказал судья, — на сто пощечин имеет право только штатский чиновник, а военному разрешается лишь пятьдесят¹. Сколько ты уже получил? — спросил он крестьянина.

— Восемьдесят две.

— Тогда за излишек можешь дать ему сдачи.

Крестьянин очень обрадовался и влепил ученому тридцать две пощечины, да таких, что у того лицо сразу распухло и покраснело. Потом каждый пошел восвоюся.

китайск., 113, 139

27. Мешки

Когда Насреддин Афанди служил казием в Багдаде, к нему явились два араба, Селим и Касем, и начали жаловаться друг на друга.

Оказывается, они купили где-то на юге финики и каждый сложил свою покунку в свои ковровые дорогие мешки. Возвращаясь в Багдад, они питались этими финиками. Но вместо

того чтобы есть свои, Селим по ночам таскал финики из мешка Касема, а Касем — из мешка Селима.

Прибыв в Багдад, они обнаружили, что их мешки пусты.

Афанди решил:

— Касем брал мешки Селима. Пусть Селим отдаст свой мешок Касему и заберет в возмещение убытков его мешок себе.

Селим и Касем так и поступили.

— А теперь,— продолжал Афанди,— в возмещение судебных издержек предлагаю отдать мешки мне.

Касем и Селим удалились без фиников и мешков.

узбекск., 40, 104

СПОРЫ О НЕВЕСТАХ И ЖЕНИХАХ

28. Трое судей

Жили когда-то трое судей, которых бог отметил мудростью; жили они дружно и мирили людей, когда те ссорились. Двое из этих седобородых с особым почтением относились к третьему, так как он был самым мудрым из них. Когда они не могли принять решение, то, бывало, шли к нему за советом. Но он давал советы не только им; немного было людей, которые не обращались бы к нему за помощью. Слава о нем разошлась по всей стране. У него была одна дочь, а у его друзей — по сыну. Дети росли вместе и очень любили друг друга. Так они и жили, пока юношам не подошло время жениться. Задумались отцы юношей, но в этом деле они не стали советоваться друг с другом. Отец одного юноши послал слугу сказать отцу девушки:

— Отдай твою дочь за моего сына.

Выслушал отец девушки эти слова, велел накормить слугу, а ответа не дал. Пока этот слуга ел, появился посыльный другого судьи с подобным же поручением. Приказал отец девушки:

— Накормите и этого слугу, не говорите ему ничего; пусть он встретится с первым посыльным.

Когда второй посыльный начал есть, первый уже насытился и вышел попрощаться с хозяином. Тот сказал:

— Очень хорошо... Почему бы нет?.. Я назначаю срок три месяца. Скажи своему хозяину, чтобы за это время он приготовился.

Первый посыльный ушел. За ним ушел и второй, получив точно такой же ответ. А отцы юношей тайли друг от друга свои замыслы, и каждый надеялся, что девушку отдадут за его сына.

Вернулись посыльные домой и передали хозяевам ответ почтенного судьи, отца девушки.

— Разве почтенный судья сказал так, что я не могу распознать его хитрость?! — воскликнул отец одного юноши и приказал своему сыну: — Мальчик мой, три месяца — не долгий срок; покупай земли и строй на них дома попросторнее, чтобы вам с женой самим жить удобно да и гостей принять можно было хорошо...

А отец другого юноши сказал так:

— Нет предела хитроумию ловкого человека, но не бывало еще, чтобы я в таких делах не разобрался. Сын мой, возьми деньги и немедленно отправляйся в путь. Расширяй круг своих друзей; тех, что у тебя до сих пор были, недостаточно. В этом и есть тайный смысл слов: «чтобы приготовился».

Настал наконец долгожданный день.

Один из судей послал слугу сказать отцу девушки:

— Назначенный день пришел. Я готов.

То же самое сделал и другой судья.

Отец девушки созвал к себе в гости стариков и устроил пир, а затем сказал:

— Позовите двух моих друзей.

Отцы юношей пришли. Тогда почтенный судья попросил совета у старцев:

— У меня есть одна-единственная дочь. Друзья мои просили меня порознь об одном и том же: «Отдай твою дочь за моего сына». Я не могу разделить девушку на две части. Посоветуйте, которому же юноше отдать ее.

Старцы ответили так:

— Дело это не простое. Когда мы в каком-либо затруднении, то приходим за советом к тебе. Какого же ты ждешь совета от нас?!

Увидел он, что от них ничего не добиться, и продолжал:

— Тогда слушайте еще. Я назначил им день, и теперь они пришли. Один из них купил земли, построил на ней просторные дома для себя и для гостей. Другой расширил круг знакомств своего сына. Вот как обстоит дело. Каково же будет ваше решение?

Старцы снова ответили ему:

— Мы уже сказали один раз, что не можем разрешить этот вопрос.

Тогда отец девушки сказал так:

— Что толку от изобилия земли? Стоит только раз ошибиться, и все пропадет; буря может снести все дома, пожар или наводнение может поглотить их. Все — дело случая. Но если у тебя много друзей, то хоть один да сумеет помочь тебе в трудную минуту. Сыну этого человека я и отдаю свою единственную дочь. Нравится вам это или нет, но я так решил.

И старцы опять признали его правоту и сказали:

— Ведь мы тебе сразу сказали, что не можем разобраться в этом деле.

амхарск., 79, 298

29. Волк, ворон и горный баран

Собрался старый волк со своей сестрой кочевать на другое место. В это время ворон и горный баран приехали сватать его сестру.

— Пришли! — сказал волк гостям.

— Ага! — ответили оба жениха.

— Хорошо. Я кочевать собрался, вот вы мне и помогите.

Приехали они на новое место. Поставили ярангу. Волк и говорит:

— Сходи, ворон, в тундру, принеси дров, будем чай пить.

Принес ворон одну веточку, оставил у входа, а сам в полог пошел.

— Принес дрова? — спрашивает волк.

— Принес, у входа положил.

Пошел волк, смотрит — нет дров!

— А где твои дрова?

Вышел ворон, показал на веточку, которую принес.

— Ты принес очень мало дров, костер не разведешь.

— Чай сварить хватит! — сказал ворон и ушел в полог.

— Кто еще пойдет по дрова? — спрашивает волк.

— Я иду по дрова, — сказал горный баран.

Принес баран много сухих дров. И волк сказал:

— Вот хорошие дрова, и много их.

— У меня тоже было много дров! — сказал ворон.

Стали варить чай, а ворон лег спать.

— Когда чай вскипит, разбудите меня! — велел он.
Вот и чай сварился, сели волк с бараном и выпили весь.

Проснулся ворон и спрашивает:

— Чай сварился?

— Да.

— Ну давайте чай пить!

— Уже кончили!

— А что вы меня не разбудили? Я вам говорил.

— Мы не слышали.

Наутро волк сказал:

— Кто хочет взять мою сестру в жены?

— Я! — закричал ворон.

— Нет, ты плохо работаешь, она у тебя умрет с голоду!

— Я бы хотел взять женушку! — сказал горный баран.

— Возьми, ты хорошо работаешь! — сказал волк и отдал сестру горному барану.

Заплакал ворон и улетел в тундру.

чукотск., 91, 25

30. Оживший охотник

У охотника Матенды было три жены, и каждая из них была наделена чудесной способностью. Уже сами их имена говорили об этом. Одну звали Ндозанту, что значит «Видящая во сне», другую Сонганзила, что значит «Указывающая путь», а третью Фулла Фулла — «Оживляющая мертвых».

Матенда был великий охотник, и у его жен всегда было в достатке мяса. Но однажды настали плохие времена, всюду была засуха и голод. Люди в тех местах терпели великую нужду. Не стало еды и у жен Матенды. Они исхудали и с плачем просили Матенду добыть им мяса.

Матенда пошел на охоту в ближний лес, но не встретил там никого и отправился дальше, в места, которые еще не так оскудели. Там охотник напал на след буйвола и пустился за ним в погоню. После долгого пути он увидел зверя. Матенда осторожно подкрался к буйволу на достаточное расстояние, выстрелил и убил его. Но не успел охотник перезарядить свое ружье, как из чащи выскочила буйволица и убила Матенду.

Жены в деревне долго ждали возвращения Матенды да так и не дождались. Тогда Ндозанту заснула и во сне увидела лес, а в лесу мертвого Матенду рядом с убитым буйволом. Она рас-

сказала про этот сон другим женам. Те знали о ее чудесной способности видеть во сне правду и поняли, что Матенда в самом деле убит.

— Пойдемте,— сказала тогда Сонганзила,— я покажу вам дорогу к нашему мужу.

Они пустились в путь и шли весь день, через леса, через реки и горы. Ночью они добрались до места, где Матенду настигла смерть.

Тогда Фулла Фулла собрала корешки и травы, зажгла их, стала ворожить над телом мужа — и Матенда ожил.

Но едва это случилось, как между тремя женщинами разгорелся спор: кому должна достаться большая часть мяса. Дальше — больше: речь зашла о том, кто больше сделал для Матенды и кто теперь его главная жена.

— Если бы я не увидела во сне, что он умер, мы бы до сих пор плакали, дожидаясь его возвращения,— сказала Ндозанту.

— А если бы я не привела вас к месту, где он лежал мертвый, мы бы оплакивали его смерть дома,— так сказала Сонганзила.

— Но ни от чего этого не было бы проку, если б не я,— возразила Фулла Фулла.— Не верни я ему жизнь, мы бы сейчас хоронили нашего мужа.

Спорили они, спорили и решили сделать так: пусть каждая сварит по горшку мяса, и у кого из них Матенда возьмет еду первой, та будет его главной женой, и ей достанется большая доля добычи. Так они и сделали: взяли одинаковые куски буйволового мяса и сварили их каждая в своем горшке. Когда еда была готова, они пришли к Матенде.

Тот долго думал, наконец взял горшок, который протянула ему Фулла Фулла, и сказал:

— Хоть ты и увидела меня во сне, Ндозанту, но ты бы не смогла дать мне мяса, пока меня не нашли. И когда ты нашла меня, Сонганзила, я все равно не мог ничего есть, потому что был мертв. Но Фулла Фулла вернула мне жизнь, и теперь я могу есть мясо, которое она дает мне. Значит, дар ее драгоценнее всех.

На том дело и кончилось, и многие говорили потом, что Матенда рассудил правильно. Но женщины нашли его суд несправедливым. Единственно правильным, говорили они, было бы для Матенды взять мясо у всех трех и съесть, смешав его. Так и осталось неясно, что было бы лучше¹.

31. Три жениха

Жили три друга: Тамме, Домбеу и Камбеу. Тамме был из племени тесугу, Домбеу — гиндо, а Камбеу — тоголезец из Капи-Бонсо. И хоть происходили они из разных племен, дружбе их это не мешало.

И вот как-то, не сговариваясь, посватались они к одной и той же девушке. Звали ее Йелле. Йелле была девушка работающая, и приданое за ней было большое, жениться на ней был бы рад каждый.

Они стали наведываться к Йелле и носить ей подарки. Тамме всегда приносил ей корзину, полную плодов хлебного дерева. Домбеу — корзину земляных орехов. А Камбеу каждый раз приносил ей корзину раковин каури. Так прошло немало времени, но ни одному из них не удалось добиться благосклонности Йелле.

Однажды мать сказала ей:

— Все трое — славные мужчины. Каждый день они приносят тебе богатые подарки. Они хотят на тебе жениться. Выбери одного из них. Любой будет тебе прекрасным мужем.

Йелле ответила:

— Я не могу решить, кто из них лучше. Выбери сама.

— Это не мое дело, а твое, — ответила мать. — Я не хочу, чтобы в случае чего ты мне потом говорила, что это я выбрала тебе плохого мужа.

Дочь сказала:

— Но я не могу выбрать. Решай ты.

Пошла тогда мать к одной мудрой старухе и попросила ее:

— Не можем ли ты дать мне совет? Есть три юноши, и каждый из них хочет получить в жены мою дочь. Каждый, проходя, дарит богатые подарки. Но мы не можем решить, кого из них выбрать. Не дашь ли ты нам совет?

— Это дело нетрудное, — сказала старуха. — Когда женихи придут в следующий раз, спрячь свою дочь и скажи им, что она умерла. После этого предложи вернуть им их подарки. И ты сразу узнаешь цену всем трем.

— Хорошо, — ответила мать, — я так и сделаю.

Спрятала она свою дочь и послала вестников к Тамме в племя тесугу, в гиндо — к Домбеу и в того — к Камбеу. «Приходите ко мне, — велела она передать им. — Моя дочь умерла, и я хочу вернуть вам то, что вы подарили ей».

Пришли все трое. Тамме низко опустил голову и сказал:

— Я согласен, верни мне мои подарки. Йелле умерла, но есть еще полсотни девушек, к которым я могу посвататься. Подарки мне пригодятся для них.

Сказав это, он взял свои подарки и ушел.

Домбеу низко опустил голову и тоже произнес:

— Я согласен. Верни мне мои подарки. Йелле умерла, но есть еще полсотни девушек, к которым я могу посвататься. Подарки мне пригодятся для них.

С тем он и ушел.

Камбеу стоял, низко опустив голову.

— Ну а ты? — спросила его мать Йелле.

— Что мне с этих раковин каури? — ответил Камбеу. — Йелле была одна. Я бы мог посвататься к другой девушке. Но мне была нужна только Йелле.

И он ушел.

Прошло четыре месяца. И вот мать Йелле опять позвала всех трех и сказала им:

— Йелле не умерла. Йелле жива!

Она показала им девушку и сказала Домбеу и Тамме:

— Вы любили не мою дочь Йелле, а богатое приданое, которое я обещала за ней. Вот что вас интересовало.

А Камбеу она сказала:

— Для тебя Йелле действительно была дороже твоих раковин. Тебе я отдаю мою дочь.

Так тоголезец Камбеу получил Йелле в жены.

того, 119, 298

32. Превращенная трубка

Как-то раз один человек попросил другого одолжить ему трубку. Тот одолжил. Человек набил трубку табаком и зажег ее. Но только он закурил, как трубка превратилась в прекрасную женщину.

— Эта женщина принадлежит мне, — заявил владелец трубки, — потому что трубка была моей.

— Ни в коем случае, — возразил другой. — Ты курил из этой трубки ежедневно, но ни разу она не превращалась в женщину. Я же сделал всего одну затяжку, и, как видишь, трубка сразу обернулась женщиной. Так что это моя заслуга!

Но первый не уступал. Они долго спорили и наконец реши-

ли пойти к богу, чтобы он рассудил их. Ньямье все внимательно выслушал и сказал:

— Женщина принадлежит тому, кто дал трубку.

Поэтому, когда кто-нибудь что-нибудь просит, надо обязательно дать ему это. Кто знает, может, от такой услуги давший сам получит большую выгоду!

бауле, 20, 63

33. Чья невеста?

Жил в одной стране богатый купец по имени Дханапал, и хоть занимался он торговлей, но славился своей честностью и добротой. За то и люди его уважали, и богиня богатства Лакшми поселилась в его доме. А когда в семье родилась дочь, красотой и достоинствами она превосходила саму богиню с ее тридцатью двумя благородными качествами. Поэтому нарекли ее в честь богини Лакшми-деви. Кроме маленькой дочери у Дханапала было трое взрослых сыновей, которые помогали ему в торговом деле. Долго семейство купца жило дружно и счастливо, не зная никаких бед. Только стала с некоторых пор жена Дханапала вдруг худеть и бледнеть, будто грызла ее злая тоска.

Долго купец допытывался у своей жены, что тревожит бедную женщину, и призналась она ему, что беспокоит ее судьба единственной дочери. Вот если бы Лакшми-деви вышла счастливо замуж, материнское сердце перестало бы страдать.

Дханапал, очень любивший свою жену, обещал ей без промедления устроить судьбу дочери. И, верный своему слову, на следующее же утро велел своим сыновьям ехать на север, восток и запад подыскивать жениха для сестры, а сам с той же целью отправился по южной дороге.

Стали отец и братья повсюду искать жениха для Лакшми-деви. Слава о красоте ее гремела по всей стране, поэтому в женихах недостатка не было. Все молодые люди только и мечтали о такой прекрасной невесте. Гораздо труднее было подыскать ей самого достойного. Но в конце концов и отец и братья каждый остановил на ком-нибудь свой выбор и договорился о дне свадьбы. И по воле случая все назначили один и тот же день.

Первым вернулся домой сам купец. Он радостно сообщил жене, что жениха подыскали и день бракосочетания уже назначен, поэтому в доме тут же начались приготовления к свадьбе [...]

К этому времени вернулись из своих странствий и сыновья купца. Они увидели, что в доме во всем разгаре свадебные приготовления и свадьба эта должна состояться в назначенный ими день, и никому из братьев даже в голову не пришло, что родители еще не знают об их выборе. Как и все в доме, занятые по горло, они не удосужились выбрать времени поговорить между собой. И никто из них не ведал, что в назначенный день в дом придут сразу четыре жениха с четырех сторон света.

Наконец все было готово: собрались соседи, прибыли родственники и знакомые; особое угощение поджидало жениха и его родню... И вот в один и тот же час с четырех сторон света к дому купца стали приближаться свадебные процессии — джанти. Отовсюду слышались звуки музыки. Процессии остановились, и в дом вошли четыре жениха, каждый в окружении своей свиты.

Что делать? Растерялись и родители, и братья. Первой пришла в себя невеста. Она приказала подать угощение и для женихов, и для гостей, и для всех, кто прибыл издалека. Чего-чего, а угощать в доме умели, так что все пока шло гладко. Но близилось время свершения свадебного обряда. По обычаю, невесту должны отдавать жениху перед священным огнем. И вот разложили брахманы костер; начали читать священные гимны и бросать в огонь рисовые зерна. Теперь оставалось только связать священной нитью пальцы жениха и невесты. Но не могла же Лакшми-деви стать женой четырех женихов! Между тем никто из них не хотел уступать обещанной ему девушки. Тогда невеста сказала:

— О достойные юноши! Только одному из вас мой отец может отдать меня в жены. Но собралось вас тут четверо, а я ведь одна. Подумайте хорошенько и попытайтесь решить миром, кому из вас я достанусь. Если никто не хочет отказаться от меня, дозвольте мне самой поискать выход и сделать то, что я считаю самым благоразумным.

Но разве откажется кто-нибудь добровольно от такой красавицы! И попросили женихи девушку поступить так, как она считает разумным. А невеста уже все обдумала и решила.

Поклонилась Лакшми-деви отцу с матерью и старшим братьям, обошла вокруг костра и прыгнула в огонь.

Потрясенный гибелью невесты, один из женихов подумал: «Как можно жить на свете, когда знаешь, что невольно стал причиной смерти другого. Теперь собственная жизнь станет мучением. Единственный выход — пойти вслед за невестой. Коль

не суждено на земле мне соединиться с ней, так найду я ее на том свете». И он тоже прыгнул в огонь.

Другой жених после смерти Лакшми-деви решил вечно странствовать по свету и посвятить свою жизнь памяти покойной невесты.

Третий жених преспокойно отправился домой и женился на другой девушке,— какие могут быть обязательства перед умершей, коль она не стала его женой?

И только последний жених не хотел уступать судьбе и решил вырвать у нее свою невесту, каких бы трудов и лишений ни стоило ему это. Преисполнившись столь благостным намерением, юноша отправился в путь. Однажды он попал к одному ученому-брахману, а тот давно намеревался посетить святые места, да никак не мог собраться, потому что не на кого было оставить дом. Принял он молодого странника и попросил его вести хозяйство, пока они с женой будут по святым местам ходить; обещал вернуться через четыре месяца и посоветовал изучить по его книгам тайные заклинания — мантры.

Однажды юноше в руки попала книга, где было написано, как даровать второе рождение умершему. Несказанно обрадовался он, надеясь вернуть свою невесту к жизни. Через четыре месяца, когда возвратился домой брахман, он вручил ему ключ от дома и тут же отправился на родину Лакшми-деви. Он отыскал то место, где в день свадьбы горел огонь священного костра, и принялся читать магические заклинания. Как только он произнес последнее слово заклинания, перед ним предстала Лакшми-деви, но вместе с девушкой из мертвых восстал и жених, который прыгнул вслед за нею в огонь.

И снова разгорелся спор за невесту, теперь два жениха не могли решить, кто же из них достоин ее руки? Тот, кто отдал свою жизнь за девушку, или тот, кто оживил ее? Пока они спорили, появился и третий жених, который странствовал по свету, повторяя имя Лакшми-деви. Претендентов на невесту было уже трое. Сами они, конечно, опять не могли решить свой спор. И Лакшми-деви на сей раз не знала, как ей поступить. Решили они тогда пойти на суд к радже княжества Горкха.

Когда раджа узнал о случившемся, он приказал собрать во дворце всех судей своей страны. Рассказали им о своем споре женихи Лакшми-деви и попросили рассудить их по справедливости.

Долго совещались судьи и наконец объявили женихам:

— О юноши! Нет ничего неестественного в том, что вы трое

хотите жениться на такой красивой девушке, как Лакшми-деви, и уже многим пожертвовали ради нее. Если бы вы обратились к нам раньше, когда Лакшми-деви советовала вам поладить между собой, вам не пришлось бы напрасно страдать. Но только теперь вы призвали на помощь суд, и мы, судьи, исходя из нынешнего положения, выносим такое решение.

Первое. Жених, который следом за невестой прыгнул в огонь и отправился на тот свет, мог претендовать на руку Лакшми-деви только в первом рождении. Во втором же рождении они связаны между собой родственными узами. Теперь они близнецы, а закон запрещает брак между братом и сестрой.

Второе. Человек, который дал вторую жизнь Лакшми-деви, также не может стать ее мужем, поскольку теперь он является ее отцом. И судьи раджи княжества Горкха не могут дать свое разрешение на такой брак.

Третье. Исходя из всех этих обстоятельств, судьи пришли к единодушному заключению, что женихом Лакшми-деви может стать лишь единственный из трех претендентов, который посвятил свою жизнь памяти погибшей и странствовал по свету, пронося имя Лакшми-деви. Этим он доказал свою верность и преданность законной невесте.

Все сочли решение суда справедливым, и прекрасная Лакшми-деви вышла наконец замуж¹.

непальск., 36, 318

34. Прорицатель, стрелок, ныряльщик и знахарь¹

Отправились как-то четыре друга в город Таксилу², к мудрецу. Один научился предсказывать будущее, другой — стрелять без промаха, третий — нырять на дно морское, а четвертый — воскрешать мертвых. Распрошались все четверо со своим учителем и пустились в обратный путь. Вышли они на склоне дня к морю, заночевали на берегу, а утром прорицатель возвестил:

— Друзья мои, к нам благоволит судьба. В королевском дворце орел похитил прекрасную королеву и несет ее сюда.

Не успели все четверо в кустах спрятаться, как увидели: летит громадный орел, в когтях девушку держит.

Натянул стрелок свой лук и поразил меткой стрелой орла

прямо в сердце. Разжались орлиные когти, и упала королева на море. Бросился в воду ныряльщик и вынес бездыханное тело на берег. Настал черед знахаря показать свое искусство, и ожила королева. И так была девушка прекрасна, что все четверо влюбились в нее с первого взгляда.

Стали они спорить, кто из них заслужил такую супругу. Спорят, спорят, а к соглашению никак не придут. Обратились к судье. Судья не смог разрешить их спор и повел их к королю.

Король выслушал спорщиков и вынес мудрое решение:

— Прорицатель — достойный наставник королевы, стрелок заменит ей отца, знахарь — мать, а ныряльщик станет ее мужем, ибо он обнимал королеву, когда выносил ее из морской пучины.

Скоро старый король умер, и ныряльщик, который женился на королеве, унаследовал престол. О трех своих товарищах он не забыл и заботился о них всю жизнь.

камбоджийск., 67, 260

35. Зять

У одного старика была дочь по имени Сангба. Она была очень красива, и за нее сваталось много мужчин. Но когда женихи приходили просить руки Сангбы, отец отвечал каждому, что он получит его дочь лишь в том случае, если сначала сумеет поймать и принести живого оленя. Одни сразу отказывались от невесты, другие отправлялись за оленем, но даже самые быстрые и умелые охотники каждый раз терпели неудачу и тоже уходили ни с чем.

Но однажды к дому старика пришли два друга, два юноши из дальней деревни и сказали:

— Мы пришли к человеку, у которого есть дочь по имени Сангба.

Старик вышел к гостям и приветствовал их.

— Я отец Сангбы, — сказал он. — Чего вы хотите?

Один из юношей, которого звали Ныла, сказал:

— Я пришел просить в жены вашу дочь.

Другой юноша, Сефу, сказал то же самое.

Отец им ответил:

— У меня только одна дочь. Вы же пришли за ней вдвоем. Я отдам ее в жены тому из вас, кто принесет мне живого оленя.

Отправились юноши в лес на поиски оленя. Вскоре они попали на след, потом увидели и самого оленя и что было сил помчались за ним.

Сефу, не такой быстрый, как Ныла, скоро отстал от друга и, обессиленный, опустился под деревом.

«С меня хватит,— сказал он сам себе.— Я не собираюсь больше гнаться за оленем ради женщины. Почему я должен доводить себя до изнеможения и вгонять себя в гроб из-за Сангбы? На свете есть и другие женщины, можно найти себе жену гораздо проще. И вообще, что это за сватовство с живым оленем? Я никогда прежде ничего подобного не слыхивал. Останусь здесь и подожду, пока вернется Ныла».— И он заснул.

Проснувшись, Сефу увидел своего друга. Ныла нес за спиной связанного живого оленя и в восторге кричал:

— Вот он, живой олень для старика! Я догнал его и поймал, потому что мне очень нравится Сангба!

Они вместе пошли в деревню и принесли оленя отцу Сангбы. Тот велел его убить и приготовить еду для юношей. Когда олень был готов, старик сказал обоим:

— Берите мясо, друзья. Ешьте, пожалуйста. А потом мы обсудим ваше сватовство.

Когда они поели, отец собрал на совет старейшин деревни и обратился к ним:

— Вы знаете, что у меня есть единственная дочь Сангба, которая мне дороже жизни. Теперь я должен выбрать себе зятя, хорошего, благородного сердцем человека. Эти юноши пришли ко мне и попросили мою дочь в жены. Я велел им сначала принести мне живого оленя. И вот они вместе принесли оленя, но только одного. Почему один из них вернулся без оленя? Старейшины, я передаю это дело вам. Решите, кому из двоих быть нашим зятем.

Старейшины обратились к юношам.

— Вы пришли сюда вместе,— сказали они,— и оба попросили в жены Сангбу. Но оленя поймал один из вас. Почему другой вернулся без оленя?

Первым ответил Ныла.

— Мы пришли в лес,— сказал он,— и стали искать оленя, а когда нашли, пустились за ним в погоню. Сефу, мой друг, отстал от меня. Я же был так пленен красотой Сангбы, что продолжал гнаться за оленем, пока не поймал его. Я связал оленя и понес его назад. Потом я встретил своего друга. Он очень устал и ждал меня, чтобы только проводить сюда.

Потом заговорил Сефу.

— Я никогда еще нигде не слышал, чтобы для сватовства требовался живой олень,— сказал он.— Но все-таки я отправился со своим другом поискать его, а может, и поймать, если удастся. Но он так скакал, что я выбился из сил и подумал: не очень-то мне надо загонять себя до смерти. Женщин много, и получить их в жены легче, чем Сангбу. Я сел под деревом и стал дожидаться Ньилу, чтобы вернуться с ним вместе. Скоро я увидел его с оленем и пришел сюда, просто сопровождая его. Я не собираюсь больше просить в жены вашу дочь.

Старейшины посовещались и наконец решили:

— Ты, Сефу, который не стал гнаться за оленем,— ты будешь нашим зятем. Ньила поймал оленя, он упорный человек. Если он захочет кого-то убить, его ничем не остановишь, пока он не исполнит свое желание. Он не обратит внимания ни на упреки, ни на советы. Если мы отдадим ему нашу дочь и она что-нибудь сделает не так, он станет ее бить, не слушая ничьей мольбы. Мы не хотим его в зятя. Сефу — другое дело. Он способен прислушаться к голосу рассудка. И если он посорится с нашей дочерью, а мы придем их примирить, он сумеет проявить благоразумие. Как ни велик будет его гнев, он сможет себя сдерживать. Он добр и кроток. Он наш зять!

бура, 105. 68

36. Три брата

Давным-давно жил в одной деревне богатый человек, и было у него три сына: Суан, Илой и Амбо. Человек этот очень ценил образование, поэтому всех трех сыновей он послал в город учиться. Но те не слишком утруждали себя учебой, им больше нравилось бездельничать и веселиться. Когда наступили каникулы, братьям стало стыдно возвращаться домой к отцу — они ведь не могли похвастаться никакими знаниями. Вместо этого все трое решили отправиться в странствия, поискать счастья.

Так они и сделали. В пути встретилась им старуха, согнутая годами.

— Внучки, не купите ли вы эту книгу? — остановила она братьев.

— А что в ней особенного, бабушка? — спросил Амбо.

— О внучек,— ответила старуха,— эта книга может оживать умерших. Стоит только ее раскрыть над телом, и человек встанет.

Амбо, не раздумывая, тут же купил эту книгу, и все трое продолжали свой путь.

Вскоре им встретилась еще одна старуха. Она продавала циновку. Илой, которому тоже хотелось иметь какой-нибудь чудесный предмет, спросил ее, что это за циновка.

— На этой циновке можно летать по воздуху,— ответила старуха.— Только ступи на нее — и она вмиг перенесет тебя, куда пожелаешь.

Илой, не задумываясь, тотчас купил циновку.

Теперь только у Суана не было ничего чудесного. Но едва они прошли некоторое расстояние, как он увидел на земле два камня: они сближались друг с другом, превращались в один круглый черный камень, а потом вновь разъединялись. Суан подобрал их; он решил, что это волшебные камни, они могут точно так же соединять и другие предметы. Как мы увидим, он не ошибся.

Теперь у каждого из братьев было по чудесному предмету. Все трое были счастливы. Радостные, они продолжали свой путь. Вдруг они увидели группу людей, плачущих над телом прекрасной девушки. Амбо сказал родителям девушки, что он может ее оживить, если они ему как следует заплатят. Те с радостью согласились. Амбо раскрыл над телом умершей свою книгу, и девушка ожила. Но едва он получил свое вознаграждение, как Илой расстелил на земле циновку и крикнул братьям, чтобы они ступили на нее, захватив с собой девушку. Те так и сделали, и в мгновение ока все четверо оказались на морском берегу.

Там они достали корабль и поплыли в другую страну. Но на середине пути их настиг жестокий шторм. Волны разбились судно, и быть бы им всем на дне морском, если бы не чудесные камни Суана. С их помощью он из разбитых досок восстановил корабль, и они благополучно доплыли до берега.

Но едва они вышли на берег, как между ними разгорелся спор: кому из них должна принадлежать девушка.

Амбо сказал:

— Она должна быть моей: ведь это я вернул ее к жизни!

Илой возразил:

— Но если бы не я, ее бы сейчас не было с нами.

А Суан сказал:

— Да если бы не я, вы все бы уже погибли, и она никому бы не досталась.

И поскольку они не могли прийти к согласию, все трое решили передать свое дело на суд короля. Король вынес решение: разделить девушку на три части и дать каждому из братьев треть. Приговор этот был исполнен. Каждый получил свою часть. Илой и Амбо не были этим довольны — им не нужны были эти части, и они их выбросили. А Суан подобрал выброшенные части и соединил их со своей. Девушка вновь оказалась живой, и они с Суаном счастливо зажили. Так в конечном счете самым удачливым из всех оказался Суан.

пангасинан., 121, 118

37. Девушка Нсиа

Жили-были три друга, три юноши из Бонтуку. Каждому из них достался в наследство от предков чудесный предмет. У одного было зеркало, в котором можно было увидеть любого человека и любое место, какое только захочешь. Другой владел веером из чудесных перьев. Стоило взмахнуть этим веером, как он мгновенно переносил человека, куда только ни пожелаешь. А у третьего был чудесный хлыст из коровьего хвоста. Стоило трижды взмахнуть им над телом умершего, как к нему возвращалась жизнь.

Все три юноши были влюблены в прекрасную девушку Нсиа, дочь вождя. Все трое сватались за нее, и каждому из трех она отвечала:

— Нет, я не выйду за тебя замуж. Хоть ты и выглядишь мужчиной, но это пока только видимость. Ты еще не сделал ничего особенного, ничем себя не показал. К тому же вас трое, и я не знаю, кто из вас любит меня сильнее. Когда вы сумеете доказать свою любовь, я выберу себе мужа.

Тогда все трое отправились из Бонтуку на побережье, чтобы там найти работу и испытать себя. Они вместе проделали весь дальний путь, вместе достигли побережья и поселились в одном доме.

Каждый вечер, закончив работу, один из юношей доставал свое чудесное зеркало, чтобы посмотреть на свое родное Бонтуку и на возлюбленную Нсиа. И обо всем, что видел, он рассказывал своим друзьям.

Однажды, взглянув в свое зеркало, он увидел, что Нсиа умерла. Она лежала на открытой веранде отцовского дома, и люди оплакивали ее.

— О братья,— закричал он своим друзьям,— наша Нсиа умерла! Она лежит на веранде в доме вождя, и все плачут по ней. Мы должны тотчас отправиться в Бонтуку, чтобы принять участие в трауре и похоронах.

И он заплакал, и друзья его в горе присоединились к нему.

Они стали собираться в путь, но тут другой юноша сказал:

— Мы доберемся до Бонтуку слишком поздно, Нсиа похоронят без нас. Если хотите еще раз увидеть ее лицо, ухватитесь-ка покрепче за мой плащ, да не отпускайте.

Они вцепились в его одежду, он взмахнул над головой своим чудесным веером — и в то же мгновение они оказались в Бонтуку, рядом со своей любимой.

Тут третий юноша достал свой хлыст из коровьего хвоста. Он трижды провел им над телом девушки, повторяя: «Нсиа, проснись!» — и девушка встала.

То-то было радости! А потом юноши попросили Нсиа выбрать одного из трех своим мужем.

— Мы испытали себя и доказали свою любовь,— сказали они.— Нсиа, ты должна репить, кто из нас сделал для тебя больше всех и чью любовь ты считаешь самой сильной, за того ты и выйдешь замуж.

Но ни Нсиа, ни люди Бонтуку не смогли этого решить. А вы? ¹.

ашанти, 105, 49

СПОРЫ О ПРЕВОСХОДСТВЕ

38. [Лахар и Ашнан]

Жизнь бессмертных была скудной и бедной. Ануннаки ¹ питались травой и кореньями и не знали, что такое хлеб; они пили воду из канав и не имели представления о молоке и вине; они не умели ткать и покрывались гирляндами листьев и циновками из тростника. И вот задумали боги улучшить жизнь на земле, сделать ее богаче и разнообразнее. Семь величайших богов, ре-

шающих судьбы бытия, и пятьдесят богов и богинь, подающих советы, собрались в зале творения, в доме Дуку², и слепили из глины божественного юношу Лахара, кроткого пастыря, и его сестру, прилежную и заботливую богиню зерна Ашнан.

Лахар пригнал с небес на землю стада овец и коз и стал пасти их на безбрежных привольных лугах земного диска. Для Ашнан мудрый Энки³ создал мотыгу, и она провела на полях первые борозды и засеяла их зернами ячменя и полбы⁴. Вскоре поднялись и зашелестели первые кудрявые колосья. Обрадованные боги построили для Ашнан великий дом, где хранились мотыги, а потом Энки смастерил первый плуг и запряг в него пару ослов. Ашнан растерла зерна на плоском камне и испекла первые хлебы. Она выжала сок из зерен сезама, из плодов финиковой пальмы и из винограда и приготовила для богов три сорта хмельного напитка.

В это время Лахар устраивал загоны для овец и коз, выдаивал полные ведра молока и стриг густую овечью шерсть [...]

Сперва юный Лахар дружил со своей сестрой Ашнан, но затем стали они завидовать друг другу и спорить о первенстве. Лахар говорил: «Без меня великие боги и ануннаки не имели бы вкусного молока и теплых одежд и прозябали бы в голоде и холоде». Ашнан возражала: «Что делали бы боги и ануннаки без хлеба и вина?»

И собрался совет великих богов, и выслушал брата и сестру, и вынес решение: «Только хлебом можно насытиться, ибо он укрепляет тело, а вино веселит сердце. Хлеб и вино важнее для жизни, чем молоко и шерсть. Ашнан, питающая богов и богинь, должна занимать первое место, и брат ее Лахар не смеет равняться с нею, а должен чтить ее и признавать ее старшинство».

шумерск., 70, 31

39. Кузнец и плотник

Царь Александр, когда ему строили дворец, более возвеличил кузнеца, чем плотника.

И зависть возымели к кузнецу плотник и земледелец; один говорил, что он создает жилище, а другой — пишу.

Царь услышал об этом и, сам мудрец, призвал еще и других мудрецов, чтобы решить, кому же из спорящих отдать почет. И ответили: «Сказано ведь, что Адам впервые возделывал зем-

лю, но кузнечество установлено раньше, так как кузнец делает орудия и для себя, и для плотника, и для земледельца. Поэтому первый в почете — кузнец, а земледелец нуждается в обоих». И убедили плотника и земледельца не завидовать.

армянск., 57, 98

40. Прошлое и будущее

Два человека шли по дороге. Повстречался им разносчик пальмового вина.

— Не дашь ли ты нам немного вина? — попросили они. — Нам очень хочется пить.

Разносчик ответил:

— Прежде чем я дам вам пальмового вина, скажите мне ваши имена.

— Меня зовут Откуда-Мы-Идем, — сказал первый.

— Меня зовут Куда-Мы-Идем, — сказал второй.

— У тебя прекрасное имя, Откуда-Мы-Идем, — сказал разносчик пальмового вина. — Я угощу тебя вином. Но у тебя, Куда-Мы-Идем, имя плохое. Должно быть, ты нехороший человек. И ты не получишь пальмового вина.

Они заспорили. И решили найти человека, который бы рассудил их. Нашли — рассказали, в чем дело. Судья выслушал и сказал:

— Разносчик неправ. Прав Куда-Мы-Идем потому, что мы не можем взять больше ничего из того, что оставили сзади. А новое мы находим только там, куда мы идем.

Разносчик согласился:

— Да, это так.

И дал пальмового вина Куда-Мы-Идем.

мбака, 22, 33

41. Злой человек не желает добра даже себе

Оказались трое мужчин попутчиками. Каждый стал расспрашивать, куда идут другие и почему покинули свой дом.

Один рассказал, что решил покинуть свою страну, так как в

их роду очень много красивых юношей и он не может видеть их красивую одежду, кольца, чалмы, туфли. Другой ответил, что он покидает дом по той же причине.

Третий сказал:

— Вы оба разгадали мое горе. У нас у всех одна причина.

Когда выяснилось, что положение их одинаково, они пошли вместе. Шли они по дороге и нашли кошелек. Решили: «Давайте разделим его содержимое и вернемся домой». Но никто из них не хотел, чтобы остальные получили свою долю. Они никак не могли разделить деньги, но не могли и расстаться с кошельком и уйти. Так и сидели они день и ночь без сна и еды, не замечая ничего вокруг.

Вдруг оказался в том месте падишах той страны со своими эмирами и везирами. Увидал людей и спросил, кто они и что здесь делают. Они рассказали ему все: как они сюда пришли, как нашли кошелек, а сейчас ждут, что кто-нибудь придет и разрешит их спор.

— Пусть каждый откроет мне меру своей злобы, и, когда я узнаю все, я приму решение, — сказал падишах.

Один из сидящих сказал:

— Я хочу, чтобы никто из-за меня не радовался, чтобы я никогда никому не сделал никакого добра.

— Ты очень хороший человек, — сказал второй, — ты совсем не злой. Вот я — очень злой: если кто-нибудь сделает другому добро, то я долго печалюсь и расстраиваюсь.

Третий сказал:

— Вы оба — благородные люди, хотя в ваших сердцах и есть злость. А я вот настолько зол, что думаю, хоть бы мне никто никогда не делал добра, пусть бы добро и милость навсегда исчезли с лица земли!

Услышал падишах эти слова, разинул рот от удивления и задумался. Долго он думал и наконец приказал первого человека изгнать из страны и отобрать у него все имущество — раз он не делает добра другим, то и ему не нужно делать добро.

Второго он приказал убить, так как тот очень страдает, когда кто-то делает добро другому. Поэтому лучше убить его, чем обречь на страдание.

Третьего он приказал заковать в цепи и бросить на солнце, чтобы тот умер в мучениях.

Все трое получили по заслугам за свое зло!

Приказ падишаха был тотчас выполнен.

афганск., 21, 248

42. Суд Муладевы ¹

Есть на земле место сожжения трупов, называемое Бхутаваса ². И жили там два бхуты — Карала и Уттала. Жену одного из них звали Дхумапрабха, а другого — Мегхапрабха. Оба бхуты все спорили, чья жена лучше. Однажды они, гуляя со своими женами, увидели человека по имени Муладева, схватили его за руки и спросили: «Какая из этих двух женщин прекраснее? Если скажешь неправду, убьем тебя». А обе бабы были безобразные ведьмы, страшные, старые. Если сказать мужьям правду, то сожрут. Как же ответить! Муладева сказал:

«Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная, и никакая другая».

Когда царь хитрецов это сказал, его сейчас же отпустили.

индийск., 66, 223

43. Два дурака

На улице около мечети сидели два муллы. Мимо проезжал всадник. Поравнявшись с ними, он поздоровался. Оба они ответили ему на приветствие.

Когда всадник отъехал немного, приятели заспорили.

— Почему ты ответил на его приветствие? Ведь он со мной поздоровался! — сказал один другому.

— Да нет же, он поздоровался со мной, — возразил ему другой.

Спорили-спорили муллы и наконец решили спросить всадника, кому он поклонился, но тот отъехал уже далеко. Тогда муллы бросились вдогонку. Запыхавшись от быстрого бега, они остановили всадника среди дороги и, еле переводя дух, спросили в один голос:

— Скажите нам, с кем вы поздоровались?

«Вот дураки-то», — усмехнулся проезжий, а вслух сказал:

— Кто из вас дурак, с тем я и поздоровался.

Тогда один из мулл поспешно сказал:

— Я дурак.

— А вот я дурак так дурак! Совсем не такой, как он, — похвастался другой мулла.

Всадник, еле сдерживая смех, сказал:

— В таком случае расскажите мне о своей глупости, только по порядку, сначала один, а потом другой.

И тогда первый мулла начал рассказывать:

— Когда-то я был в школе учителем. Однажды дети, заглянув в корчагу с водой, увидели там свое отражение. Подбежав ко мне, они сказали: «Смотрите, господин учитель, какие-то мальчишки залезли в корчагу и испоганили воду». Я рассердился и пригрозил: «Вот я им сейчас задам. Пойду и отлуплю их, а вы караульте здесь. Если только кто-нибудь высунет голову из корчаги, налетайте на него и бейте». Подошел я к корчаге, посмотрел — сверху ничего не видно. Воды было мало, я засунул голову в отверстие, смотрел, смотрел — нет никого. Но как только я поднял голову, ребята налетели на меня и давай бить чем попало. Вот я все время теперь думаю: «Дурак я, что не сказал тогда детям: „Ведь я же ваш учитель!“»

Когда он закончил свой рассказ, приезжий обратился ко второму мулле.

Тот сказал:

— Однажды я заболел. Пришел лекарь, осмотрел меня и сказал: «Вам нельзя есть ни мяса, ни яиц, воздержитесь. Сорок дней кушайте только легкую пищу». Тридцать девять дней я строго выполнял наказ лекаря, воздерживался, терпел. На сороковой день домашние сварили на завтрак яйца и уговорили меня поесть. Я соблазнился, облупил яичко и только что положил его в рот, как вдруг приходит к нам лекарь. Я с перепугу заложил яйцо за щеку и сижу ни жив ни мертв. «Что это у вас щека распухла?» — спрашивает лекарь. Я испугался и подумал: «А вдруг лекарь узнает, что я нарушил сокровенное воздержание, вот будет стыдно!». — «У меня зуб разболелся, и от этого щека распухла», — ответил я ему. «Ай-ай-ай! Плохо дело!» — сказал лекарь, вынув из футляра острый ножик, и, не глядя уже в рот, он разрезал у меня десну так, что кровь брызнула. Теперь, как вспомню, так и ругаю себя: «Какой я дурак! Почему я тогда не сказал лекарю, что у меня за щекой было яйцо?»

Выслушав обоих мулл, всадник сказал:

— Оказывается, вы оба — и тот и другой — настоящие дураки!

Стегнул коня плеткой и поехал прочь¹.

узбекск., 29, 53

44. Кто кого переспит

Не далеко отсюда и не близко, в одной деревне жили два знаменитых лентяя. Слава об их лености разнеслась далеко по окрестностям. Каждый из них считал самым ленивым себя. Однажды они поспорили, кто из них крепче спит. Спорили-спорили и решили устроить состязание: кто кого переспит. В судьи позвали старейшин деревни.

Первый лентяй пошел к себе домой и стал готовиться ко сну. Чтобы не замерзнуть, он разжег огонь, лег рядышком и тут же крепко заснул. А искры от огня попали на сухую соломенную крышу. Крыша загорелась, за ней загорелись стены дома. Но лентяй продолжал спать, ничего не чувствуя. Языки огня уже лизали ему пятки, уже задымилась на нем одежда, а он все спал. Тут люди встревожились, что он так сгорит, вытащили его спящего из пламени и стали катать по земле, чтобы затушить тлеющую одежду.

— Проснись, проснись! — тормошили они его.

Наконец он проснулся и сонно пробормотал:

— Дайте мне немного подремать! Я еще не выспался.

На следующий день отправился спать второй лентяй. Он улегся на дороге у своего дома. Тем временем собрались тучи, хлынул ливень, и дорога превратилась в бурный поток. Вода подхватила лентяя и унесла в море. Он даже и не проснулся. В море спящего увидела большая рыба и проглотила его. Рыбу поймали деревенские рыбаки. Они принесли тяжелую добычу в деревню и там вскрыли ей брюхо. В брюхе лежал лентяй и мирно спал. Люди вытащили его и стали тормошить:

— Проснись, проснись!

Лентяй потянулся и жалобно заныл спросонья:

— Я только успел вздремнуть! Зачем вы меня будите?

Судьи думали, думали и никак не могли решить, кто же кого переспал. А вы что скажете?

ваи, 105, 88

45. Испытание ловкости

Вот вам рассказ об испытании ловкости. Слушайте!

У одного вождя было три сына, все трое прекрасные юноши и знаменитые наездники, один лучше другого. Вождь решил разделить между ними свое имущество. Но кому из сыновей от-

дать большую часть? Собрал вождь своих советников и сказал им:

— Я призываю вас в судьи. Пусть мои сыновья покажут вам свою ловкость в верховой езде. Они оседлают своих коней и встретятся у большого баобаба, что растет за деревней. А вы смотрите, и кого вы признаете самым ловким, тот получит большую часть моего имущества.

Трое юношей оседлали своих коней и прискакали к назначенному месту.

Первым начал старший. Он пустил своего коня в галоп, направил его к баобабу и с разгону метнул в дерево копьё. Копьё пробило баобаба насквозь, а юноша прыгнул в возникшее отверстие вслед за своим копьём.

Советники и вождь одобрительно захлопали в ладоши. Юноша поклонился им и ускакал.

Настала очередь второго сына. Он пустил своего коня к дереву, потом натянул удила и перескочил через баобаба, не задев ни единой веточки. И его ловкость тоже была отмечена рукоплесканиями. Юноша поклоном поблагодарил всех и ускакал.

Что мог сделать младший сын, чтобы превзойти своих братьев? Он крепче уселся на коне, помчался к баобабу и мощным рывком выдернул все дерево вместе с корнями. Потом, помахивая им, вернулся к отцу и его советникам. Взрыв рукоплесканий приветствовал его. Юноша положил вырванное дерево перед советниками, поклонился им и ускакал.

И советники никак не могли решить, кто же из трех братьев превзошел других в ловкости. Я спрашиваю вас: кого из них назвать первым?

хауса, 105, 54

О ХИТРОСТИ И КОВАРСТВЕ В СПОРАХ

46. Правда и Кривда ¹

Рассказывают, что жили некогда два брата. Старшего брата звали Правда, а младшего брата — Кривда.

Был Правда прекрасен всем телом своим, и не было ему равных во всей стране. Завидовал ему Кривда. И решил он его по-

губить. И вот достал Кривда красивый кинжал в красивых ножнах, взял с собою десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и пришел к хранителю утвари Правды.

И сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но сохрани мой кинжал, пока я не вернусь из города.

Прошло много дней, и хранитель утвари Правды решил почистить кинжал, который оставил ему Кривда. Он сел на берегу пруда и стал его чистить. И вот кинжал выскользнул из его рук и упал в пруд. Сколько его ни искали, найти не смогли.

Услышал Кривда, что хранитель утвари Правды потерял его кинжал. Пришел он к хранителю утвари и сказал ему:

— Где мой кинжал? Верни мне его!

И ответил ему хранитель утвари:

— У меня его нет, я его потерял. Но вот тебе все кинжалы Правды, и все они — твои. Возьми себе какой хочешь.

Тогда сказал ему Кривда:

— Разве есть второй такой кинжал, какой был у меня? Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара².

Сказал тогда ему хранитель утвари:

— Может ли быть такой большой кинжал, как ты говоришь?

Но Кривда схватил его и потащил за собою туда, где была Правда. И он привел Правду на суд к Эннеаде³ и сказал:

— Доверил я Правде свой кинжал. А он потерял его. А кинжал тот был необыкновенный! Клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара. Не может он мне его возместить!

И еще сказал Кривда Эннеаде:

— Пусть схватят Правду, и пусть ослепят его на оба глаза. И да будет он привратником дома моего!⁴

И боги Эннеады сделали все, как говорил Кривда.

[Далее следует рассказ о злоключениях Правды, спасшегося от смерти, о его женитьбе и рождении сына. Сын Правды узнает от отца историю его слепоты.]

Тогда стал мальчик собираться в путь, чтобы отомстить за отца своего. Нашел он быка самой красивой масти, взял десять

хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч и отправился к пастуху Кривды. Сказал он ему:

— Возьми себе эти десять хлебов, посох, пару сандалий, бурдюк и меч, но постереги моего быка, пока я не вернусь из города.

Прошло после этого много дней. Много месяцев пас быка пастух Кривды. И вот однажды отправился Кривда в поля, чтобы взглянуть на своих быков. И увидел он быка, который был самой прекрасной масти. Сказал тогда Кривда своему пастуху:

— Отдай мне этого быка! Я хочу его съесть.

Но ответил ему пастух:

— Этот бык не мой. Не могу я отдать его тебе.

Тогда сказал ему Кривда:

— Посмотри, вот мои быки, и все они у тебя. Любого из них отдай хозяину того быка!

И вот услышал мальчик, что Кривда взял его быка. Пришел он к пастуху Кривды и сказал ему:

— Где мой бык? Я не вижу его среди твоих быков.

Ответил ему пастух:

— Вот все быки Кривды, и все они — твои. Возьми себе какого захочешь.

Тогда сказал ему мальчик:

— Разве есть второй такой бык, какой был у меня? Когда стоит он на Острове Амона⁵, кисть хвоста его лежит в Зарослях Папируса; один рог его покоится на Западной горе, а другой рог — на Восточной горе⁶, ложем ему служит Великая Река⁷; шестьдесят телят рождается от него ежедневно.

Сказал ему пастух:

— Может ли быть такой большой бык, как ты говоришь?

Но мальчик схватил его и потащил за собой туда, где был Кривда. И привел он Кривду на суд к Эннеаде.

Выслушали его боги Эннеады и сказали:

— Неправда то, что ты говоришь. Мы никогда не видели такого большого быка!

Тогда сказал Эннеаде мальчик:

— Но разве есть такой большой кинжал, как вы говорили прежде? Вы говорили, будто клинок его — гора Эль, рукоятка его — ствол дерева Коптоса, ножны его — гробница бога, а обвязка ножен — все стада пастбищ Кара!

И еще сказал он Эннеаде:

— Рассудите между Правдой и Кривдой. Я — сын Правды, и я пришел отомстить за него.

Тогда Кривда поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона⁸ и жизнью повелителя, неправда это! И если найдут Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и пусть сделают меня привратником дома его!

Но мальчик тоже поклялся именем фараона, да будет он жив, здоров и могуч, и сказал:

— Клянусь вечностью Амона и жизнью повелителя, это правда. И если найдут отца моего живым, пусть жестоко накажут Кривду! Пусть дадут ему сто простых ударов и нанесут ему пять рваных ран. А потом пусть его ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме Правды. И да служит он ему вечно!

Так отомстил мальчик за отца своего, и так решился спор между Кривдой и Правдой.

древнеегипетск., 77, 68

47. [Как аукнется, так и откликнется]

Жил в одном городе купец по имени Надука. Истратив свое состояние, он задумал отправиться в другую страну. А дома у него были весы, сделанные из тысячи пал* железа, доставшиеся ему в наследство от предков. И, отдав их на хранение начальнику купцов Лакшмане, он отправился в другую страну. Долго бродил он по собственному желанию в других странах и, снова вернувшись в свой город, обратился к тому начальнику купцов: «О Лакшмана! Верни мне весы, отданные на хранение». Тогда Лакшмана ответил: «О Надука! Твои весы съели мыши». Услышав это, Надука сказал: «Не виноват ты, Лакшмана, в том, что их съели мыши¹. Таков ведь круговорот этой жизни. Ничто здесь не вечно. Однако я пойду к реке совершить омовение. Так пошли со мной своего сына по имени Дханадева, чтобы он понес принадлежности для омовения». А этот Лакшмана, обеспокоенный своим мошенничеством, сказал сыну Дханадеву: «Дитя! Этот Надука, брат твоего отца, пойдет к реке совершить омовение. Иди же вместе с ним, захватив принадлежности для омовения».

И вот обрадованный сын Лакшманы пошел вместе с Надукой к реке, захватив принадлежности для омовения. А Надука, омывшись в реке, посадил сына Лакшманы Дханадеву в горную пещеру, загородил вход в нее большим камнем и вернулся в

дом Лакшманы. Тогда Лакшмана спросил его: «О Надука! Скажи, где остался сын мой Дханадева, который ушел с тобой?» Надука ответил: «О Лакшмана! Сокол унес его с берега реки». Лакшмана сказал: «О лживый Надука! Как мог сокол унести Дханадеву, который велик телом?» Надука сказал: «О Лакшмана! Неужели мыши съели весы из железа? Так верни мне весы, если тебе нужен сын». Так, споря, оба они подошли к воротам дворца. Там Лакшмана громким голосом произнес: «Увы! Несправедливость, несправедливость совершается! Этот Надука похитил у меня сына Дханадеву». Тогда судьи сказали Надуке: «Эй, верни сына Лакшманы». Надука ответил: «Что мне делать? На моих глазах сокол унес его с берега реки». Они сказали: «О Надука! Неправду ты говоришь. Как может сокол похитить пятнадцатилетнего мальчика?» Тогда Надука сказал, смеясь: «О, послушайте мои слова:

Где может маленькая мышь сожрать весы железные,

Там сокол унесет слона, а мальчика — тем более».

Те спросили: «Как это?» И Надука рассказал им историю с весами. Услышав ее, они со смехом вернули одному весы, а другому — мальчика.

индийск., 62, 126

48. Неудавшаяся проделка Лай

Лай все время разыскивал ульи и воровал у людей мед. Однажды во время странствий он увидел богатые ульи. Тут же находился и их хозяин.

— Здравствуй, — сказал Лай. — Как твои дела?

— Чего тебе нужно, Лай? — ответил человек.

— Твоя мать послала меня к тебе.

— Что она тебе сказала?

— Она сказала, чтобы ты дал мне горшок меду. Я помогал ей в работе.

— Это правда? — спросил человек.

— Да, правда, — ответил Лай. — А если ты думаешь, что я вру, подожди, пока придет твоя мать. Но когда она придет, я пожалуюсь ей, что ты обьявил меня лгуном. Твоя мать очень на тебя рассердится.

Человек дал ему горшок меду, и Лай пошел своей дорогой [...]

Шел он, шел и пришел в дом, где было много коров¹. Хозяин дома тоже был вор.

— Можно войти? — спросил Лай.

— Входи, — ответили ему из дома.

Лай вошел и поставил свой горшок поближе к коровам². Хозяин увидел это и сказал про себя: «Подожди, посмотрим, кто кого перехитрит». Когда Лай заснул, он взял горшок и спрятал его.

Рано утром Лай проснулся и спросил:

— Где мой горшок?

— Какой горшок?

— Я поставил возле коров горшок, полный меду.

— Кто же ставит горшок с медом возле коров? Я ничего не видел.

— Я был усталый с дороги, — сказал Лай.

— Такой усталый, что не в силах был сказать мне даже слова про горшок?

— Оставь разговоры и найди мой горшок с медом!

Но хозяин твердил:

— Не было у тебя никакого горшка. Ты просто хочешь меня обмануть...

Наконец Лай сказал:

— Нет, я этого так не оставлю. Пусть это дело разберет султан.

Хозяин согласился, и они оба пошли к султану.

— Мой султан, — начал первым Лай. — У меня был горшок меду. Я пришел в дом этого человека переночевать, а горшок поставил неподалеку от коров. От долгого пути я очень устал и скоро заснул. А когда я утром проснулся, горшка с медом уже не было на месте.

— Что было дальше? — спросил султан. — Что ты сказал хозяину?

— Я спросил у него: где мой горшок? А он стал со мной спорить и говорить, что у меня не было никакого горшка.

Султан подумал-подумал, потом сказал:

— В этом деле нельзя разобраться, пока ты, Лай, не объяснишь, почему ты поставил мед возле коров.

— Я думал так, — ответил Лай: — я поставлю горшок возле коров, они разобьют горшок, а я за это потребую от хозяина козову.

Услышав такие слова, султан очень рассердился.

— Ты большой мошенник, Лай, — сказал он. — Если ты еще

раз затеешь такое, я велю тебя побить. Иди подобиру-поздорову и не приближайся больше к дому этого человека.

Ушел Лай с пустыми руками, а сам думает: «Наверно, его дети сейчас едят мой мед. Пойду посмотрю». Подошел он к дому и, в самом деле, увидел, что дети хозяйина едят мед.

— Откуда у вас мед? — спросил он.

— Это мед нашего отца, — ответил старший.

— Покажи-ка мне горшок, — сказал Лай.

Дети показали ему горшок, и Лай увидел, что горшок тот самый. Он очень рассердился и хотел побить детей, но тут вернулся их отец и закричал на Лая:

— Эй, что ты тут делаешь?

— Смотри, — сказал ему Лай, — это мой мед. Твои дети ели мой мед!

— Это не твой мед, — ответил тот. — Слышал, что сказал султан? Иди своей дорогой!

— Пойдем опять к султану! — воскликнул Лай. — Я покажу ему свой горшок, хоть он теперь и пуст. Этот мед достался мне с таким трудом, а твои дети его съели!

Пошли они вновь к султану.

— Зачем вы опять явились? — спросил их султан.

— Я нашел свой мед, — сказал Лай. — Я застал его детей, когда они ели мой мед.

— О Аллах! — воскликнул султан. — Ты опять приходишь к дому этого человека?

— Султан, — позволь мне дать ему пощечину! — вмешался хозяин.

— Почему ты хочешь меня бить? — изумился Лай. — Твои дети насладились моим медом, теперь я хочу, чтобы ты расплатился за него. А ты, султан, рассуди нас по закону.

— Кто знает законы, ты или я? — рассердился султан. — Ты уйдешь отсюда с пустыми руками. А если не уйдешь, тебе придется худо.

— Значит, я должен уйти с пустыми руками? — запричитал Лай. — И это теперь называется законом? Видно, ты, султан, стал плохим судьей! Мне этот мед достался с таким трудом!

Тогда султан приказал своим людям:

— Прогоните его из моего дома!

Лай заспешил прочь, думая про себя: «Сегодня у меня был неудачный день. Но, может быть, завтра мне улыбнется счастье. И уж тогда я не выпущу его из рук».

праку, 107, 16

49. Лай и пастух

Однажды Лаю очень захотелось меду. Он решил отправиться на поиски, но подумал: «Если я уйду, кто же будет пасти моих коров?»

Позвал он к себе одного человека и сказал ему:

— Я должен отлучиться, а мои коровы останутся без присмотра. Не мог бы ты их постеречь?

— Могу, — ответил тот. — А что я за это получу?

— Я дам тебе за это меду, — сказал Лай.

— Хорошо, — согласился тот. — Только возвращайся поскорей.

Лай отправился искать мед. Он раздобыл два горшка, вечером вернулся и весь мед съел сам, а пастуху не дал ничего.

— Где же мой мед? — спросил его пастух.

— Я сегодня раздобыл только один горшок, — ответил Лай, — и взял его себе.

— А мне? — рассердился тот.

— Подожди, завтра я опять пойду за медом, и ты получишь свой горшок.

Пастух ничего не ответил. Но когда Лай на другой день опять отправился в путь, он загнал его коров к себе домой.

Ночью Лай вернулся, не нашел своих коров и отправился к пастуху.

— Где мои коровы? — закричал он.

— Какие коровы?

— Мои коровы остались у тебя.

— Нет, я не видел твоих коров, — ответил пастух.

Лай вернулся к себе домой и стал думать: что делать? Утром он опять пошел к пастуху и спросил его:

— Где мои коровы?

— Твои коровы у меня, но ты их не получишь, — ответил тот.

— Почему?

— Потому что ты не дал мне меду. Я пас твоих коров два дня, а меду не получил.

Тогда Лай пошел к султану и попросил их рассудить. А султан знал, что Лай большой хитрец. Он выслушал Лая, велел позвать пастуха и спросил его, как было дело. Тот ответил:

— Я два дня пас его коров. Он обещал мне за это меду, а сам не дал ничего.

Султан подумал и сказал:

— Коровы принадлежат тому, кто их пас. А ты, Лай, можешь есть тот мед, которого не заплатил пастуху. На этом и кончим дело.

— Ты плохой судья! — закричал на султана Лай.

Тут его прогнали из дома султана, и он пошел своей дорогой, а коровы его остались у пастуха.

ираку, 107, 47

50. Бедняк

Жил-был бедняк. Всю свою жизнь работал у богачей. Нанялся он как-то к одному богачу за четверть десятины хлеба. Пришло время сеять, засеял и он свое маленькое поле. Когда зерно наливаясь стало — упал иней и четверть десятины хлеба заморозило у бедняка, а у богатого хлеб целым остался. Год бедняк бесплатно работал на богатого.

На другой год он опять нанялся. Хозяин его с ближним соседом-богачом поспорил:

— Мой батрак может четверть хлеба выжать до заката солнца. Если он не выжнет, возьмишь его на весь год работать бесплатно.

Призвал хозяин батрака и говорит:

— До захода солнца обязательно кончи жать четверть десятины у моего соседа-богача. Если не кончишь, тогда на этого богача год бесплатно работать будешь.

Пошел бедняк. Пришел, смерил свою четверть десятины, давай жать. Жал, жал, один только сноп остался — тут солнце закатилось. Пришлось ему год бесплатно работать.

На третий год опять нанялся — с условием, что за работу получит пегого жеребенка. Когда три дня осталось до конца срока — жеребенка волки задрали. И третий год он на хозяина бесплатно работал.

Подумал бедняк:

«Надо отсюда уйти. Что-то мне не везет. Пойду в другие края, буду там работать, может, счастье мне улыбнется».

Решил так и пошел. По непроходимой тайге шел. Перед рассветом попал он к большому озеру. Лег там на берегу и уснул.

Проснулся, видит: девять лебедей летят. Прилетели, спустились на берег, крылья сняли, положили, нижнюю одежду тоже сняли, положили — и превратились в девять прекрасных

девушек. Самая младшая из них была всех красивей. Стали они купаться. Бедняк вышел, взял у младшей одежду и спрятал под камень. Вернулся в кусты и думает: «Что будет, то будет».

Вскоре девять девушек из воды вышли, стали одеваться. А у младшей нет крыльев и одежды. Искали, искали — не могли найти. Восемь девушек превратились в лебедей и улетели, а младшая осталась.

— Отец твой Эсэгэ-малан говорил, что муж у тебя будет, — сказали ей, улетая, остальные. — Наверно, одежду твой муж земной спрятал.

Осталась девушка одна, плачет, ищет, бегаёт. Подошла к кустам, а там бедняк сидит в изорванной одежде, страшный. Спрашивает она:

— Одежду ты спрятал?

— Нет, — говорит.

— Если одежду отдашь, я тебе все богатство отдам.

— Нет, — говорит, — я не прятал.

Эсэгэ-малан ночью спустился с неба и сказал своей дочери:

— Теперь ты своего мужа нашла, будешь на земле жить.

Дал ей долю богатства и ушел.

На другое утро встали они. Красавица девушка пищу готовит, бедняка кормит. Так прошла вторая, третья ночь. На четвертое утро встали, бедняк себе домик сделал. Так они и остались здесь жить. Восемнадцать лет жили. За восемнадцать лет у них шесть сыновей родилось и шесть дочерей.

Бедняк уже стариком стал. Сыновья большие стали, и дочери большие стали. Однажды он говорит:

— Пойду я к своему тестю, к Эсэгэ-малану. Ведь за целых восемнадцать лет, как я на тебе женился, двенадцать ребят у нас родилось, а я еще и в гостях не бывал у своего тестя[...] Как к нему идти?

Жена отвечает:

— Прямо на восток иди. Там будет большая гора. На ту гору поднимешься, там опять гора. На той горе шелковая веревка будет. Ты ее в руки возьми и на скалу поднимись. Как поднимешься, заходи в первый дом. Там никого не будет, только стол для тебя с угощением поставлен будет. В этом доме Хирута, начальник над инеем, живет, тот, который твою четверть десятины заморозил. Потом дальше пойдешь, опять дом будет, там опять стол для тебя будет приготовлен, пища разная. В этом доме начальник над солнцем живет, который не дож-

дался тебя, когда один сноп у тебя остался. А дальше пойдешь, опять дом увидишь. Там будет последний стол для тебя же поставлен. В этом доме начальник над волками живет, которые твоего пегого жеребенка съели.

Старик собрался, пошел. Шел, шел и к горе пришел. На гору поднялся, опять дальше пошел. Шел, шел, опять гора, с этой горы спущена шелковая веревка. Он веревку взял, поднялся по ней наверх. Видит — дом стоит. В дом зашел — там стол стоит, разная еда приготовлена. Он еду съел, остатки опрокинул, одну ножку сломал у стола и дальше пошел.

Шел, шел, опять дом стоит. Зашел туда — там снова стол со всякими яствами. Он их съел, остатки опрокинул и две ножки сломал у стола.

Опять дальше пошел. Третий дом стоит. Он туда зашел. Еще лучше, красивее стол стоит, еще лучше яства на нем. Опять поел, остатки еды опрокинул, три ножки сломал у стола. Потом дальше направился.

Смотрит — недалеко стоит большой дом. Кругом собаки, чашовые у ворот[...] Вошел бедняк в дом. Увидел большой стол, за столом толстый мужчина сидит. Голова белая, борода вся седая.

— Здравствуй! — говорит бедняк.

Седой старик отвечает:

— Здравствуй, здравствуй. Ох, мой зять пришел!

Это Эсэгэ-малан сам сидел[...]

Поставил он красивый золотой стол, давай-кормить и поить зятя всякими разными закусками.

В это время заходит начальник над инеем и говорит:

— Эсэгэ-малан, я твоему зятю, как гостю, пишу приготовил, хороший стол поставил. Он без меня пришел, ел, а остатки опрокинул, у стола одну ножку сломал. Почему твой зять так бунит?..

Эсэгэ-малан спрашивает бедняка:

— Ты зачем у стола ножку сломал?

Бедняк отвечает:

— Когда я у богатого человека жил, четверть десятины сеял. За эту плату мне нужно было год работать. Начальник над инеем мой хлеб весь заморозил, а у богача не заморозил. Оттого я и ножку у стола сломал. Раз мне вред делают, я тоже так поступаю.

Эсэгэ-малан говорит начальнику над инеем:

— Я вам говорил, что бедняка и нищего надо от богатого

отличать, а ты наоборот делаешь. Раз ты первый вред сделал, то сам виноват.

Оправдался бедняк.

В это время заходит начальник над солнцем.

— Эсэгэ-малан, я твоему зятю, как гостю, стол приготовил, пищу разную. Он мою пищу ел, а остатки опрокинул и две ножки у стола сломал. На земле девять дней уже солнце не показывалось, ночь была: еле-еле эти ножки починил.

Эсэгэ-малан своего зятя спрашивает:

— Зачем ты остатки еды опрокинул да две ножки сломал?

Бедняк отвечает:

— Послал меня однажды богач к соседу сжать четверть десятины до захода солнца. Я четверть десятины отмерил, жать начал, думал: «Выжну, заработаю». Когда один сноп осталось сжать, солнце закатилось, меня не подождало. Я тогда год на богача бесплатно работал. Вот почему я две ножки сломал.

Эсэгэ-малан начальнику солнца говорит:

— Почему ты не подождал? Раз ты вред делал, сам виноват. Я вам всегда говорю, что бедняка от богатого нужно отличать, а вы наоборот делаете.

Через некоторое время заходит начальник волков и говорит:

— Я твоему зятю стол приготовил, как гостю. А он у моего стола три ножки сломал.

Эсэгэ-малан спрашивает у бедняка:

— Ты зачем три ножки сломал?

Тот отвечает:

— Я у одного богатого человека жил, за работу он мне жеребенка должен был отдать. Три дня осталось до срока, и тут моего жеребенка волки съели, а у богатого лошадей не тронули.

Эсэгэ-малан говорит начальнику волков:

— Бедняки одного жеребенка имеют, и то вы его съели. Я вам давно говорю, что нельзя бедняков трогать. Раз сами виноваты, зачем жаловаться пришли?

Так бедняк снова оправдался[...]

бурятск., 27, 388

51. Тесть и зять

Как-то вечером тесть и зять сидели возле дома, наслаждаясь вечерней прохладой. Когда стемнело, тесть поднялся со своего места и сказал:

— Слушай, зять, не пора ли нам спать. Темень такая, что имей ты хоть четыре глаза, и то ничего не увидишь.

Зять покраснел от обиды, так как он был слеп на один глаз, по промолчал.

На следующий вечер, когда тесть и зять сидели около дома, разговаривая, на небе взошла луна. Зять сказал:

— Пора спать. Луна сияет, как лысина. Не вредно ли нам тут сидеть?

Тесть обиделся, так как был лыс. Он молча ушел домой, даже не пожелав зятю спокойной ночи. Зять тоже пошел спать.

Через три дня тесть пожаловался шести старейшинам деревни:

— Меня оскорбил мой зять.

Старейшины послали за зятем, и, когда тот пришел, тесть рассказал:

— Мы с зятем сидели вечером возле дома. На небе взошла луна. Он не сказал мне просто: «Давай пойдем спать». А вместо этого произнес такие оскорбительные для меня слова: «Луна сияет, как лысина. Пора спать, тесть. Не вредно ли нам тут сидеть?» Он нанес мне оскорбление и больше мне не друг. Я — лыс. А он сказал: «Сияет, как лысина». Разве это не оскорбление? Поэтому я порываю с ним свою дружбу.

Потом рассказывал зять:

— Я не сказал бы так, если бы мой тесть не оскорбил меня первым. Однажды, когда стемнело, мы сидели около дома, разговаривая. Тесть сказал мне: «Ну, пойдем спать. Уже так темно, что имей ты хоть четыре глаза, и то ничего не увидишь». Я слеп на один глаз. Как вы думаете, разве он не оскорбил меня?

Старейшины подтвердили:

— Ты прав, он тебя оскорбил.

И обратились к тестю с такими словами:

— Почему ты обидел своего зятя? Он же, сказав, что луна сияет, как лысина, просто вернул тебе оскорбление. Твой зять был слеп на один глаз и тогда, когда ты отдавал за него дочь. Говорят, если приобрел что-нибудь, не отзывайся об этом плохо. Зная, что зять слеп на один глаз, ты все же намекнул ему об этом, а если он отплатил тебе той же монетой, можно ли считать это оскорблением?

И старейшины так закончили свою речь:

— Тесть и зять, помиритесь. У тебя, тесть, нет сына. Зять — твой сын. Ты первый оскорбил его, он же только ответил тебе. Будьте друзьями. Выбросьте из головы злые мысли. Не надо

ссориться друг с другом из-за пустяков. Подайте ром, выпьем. И закончим на этом.

Тесть и зять выпили. И стали, как прежде, друзьями.

лоанда, 22, 36

52. Изображение в зеркале

Жил-был в Дели один богач, самодур, каких свет не видывал. Часто издевался он над людьми, и все ему было нипочем. Втихую творил, что хотел, но прикидывался добрым человеком — боялся, как бы к судье не потянули.

Как-то раз задумал он новую пакость. Зазвал к себе художника и велел сделать свое изображение, но чтобы оно было точь-в-точь похоже на него, не то он не заплатит за работу. Записали они с художником свой уговор на бумаге. Пошел художник домой и с превеликим усердием принялся рисовать богача. Когда работа была закончена, он понес ее заказчику. Слуги доложили о приходе художника. Богач сперва умело изменил свое лицо, а потом вышел к художнику. Увидев его, живописец-бедняга удивился, пробормотал что-то и, пообещав нарисовать другой портрет, ушел.

Сделал он новый портрет и принес богачу, а тот опять выкинул такую же штуку — изменил лицо, и изображение оказалось неточным. Так плутовал он пять раз, и пять раз приходилось художнику заново рисовать богача. Наконец он догадался, что его обманывают, и потребовал плату за работу. Богач стал его бранить:

— Ты не сумел сделать мое точное изображение, с какой стати, спрашивается, стану я тебе платить? Понапрасну только людей обманываешь — называешь себя художником. Проваливай отсюда живо, не то я тебя проучу, будешь знать, как морочить людей!

Художник стоял на своем, и долго они спорили, ругались, но художник ничего не добился. Пришлось ему идти за помощью к Бирбалу.

Рассказал он вазиру про свое дело и показал все пять портретов. Бирбал понял, почему богачу удавалось обманывать художника: он, видно, умел изменять лицо.

— Послушайте меня, и вы непременно выиграете дело, — сказал Бирбал.

Художник, конечно, согласился.

— Купите на базаре хорошее зеркало и пойдите с ним к богачу. Как свидетели с вами пойдут два моих чиновника, но никто не должен знать, кто они. Вы скажете: «На этот раз я сделал ваше точное изображение». Богач захочет взглянуть на него, и тогда вы поставите перед ним зеркало, и тут пусть он изменяет свое лицо сколько его душе угодно. Все равно изображение будет точным. Так он и попадет к вам в руки.

Художник купил на базаре добротное, из толстого стекла, зеркало и с двумя свидетелями явился в дом богача.

— Господин, на этот раз ваше изображение совсем точное. Надеюсь, вы будете довольны, — с этими словами художник поставил перед хозяином зеркало.

— Куда как хорошо! — закричал богач. — Зачем это ты суешь мне зеркало? Покажи-ка портрет, что сейчас так хвалялся.

— Господин, это ваше изображение, здесь вы точь-в-точь такой, какой вы есть сейчас.

Богач насторожился и стал увильвать, чтобы скрыть свой обман:

— Да и когда это я заказывал тебе свое изображение?

— Зачем отказываетесь от своих слов? По вашему требованию я нарисовал вам один за другим пять портретов, а вы каждый раз отказывались от них и заставляли меня уходить не солоно хлебавши. А теперь, когда я вас все-таки припер к стене, вы пустились на новый обман — отрекаетесь от уговора. Нет, так не пойдет. Придется вам выполнить наш уговор.

«Надо все-таки его одурачить, ошлести», — подумал богач и стал от всего отпираться.

Тут вмешались люди Бирбала:

— Придется вам, господин хороший, пойти к падишаху. Вы заставили этого человека принести шесть ваших изображений, но не заплатили ни за одно. Теперь вашим плутням конец.

— А вы что за птицы? — со злостью ответил богач. — Вы кто такие, чтобы тянуть меня к падишаху?

Чиновники распахнули плащи, и богач увидел их чиновничье платье. Тут он опомнился и поневоле согласился расплатиться с художником.

Но дело зашло слишком далеко, чиновники схватили его и повели к Бирбалу.

Бирбал не раз слышал про богача-мошенника. Он стал допрашивать богатея, а тот ни на один вопрос толком не ответил.

Да и что ему было говорить? Как бы он оправдался? Разве построишь стену на песке?

При допросе были и стражники. Бирбал приказал им дать богачу плетей. Подняли они плетки, шагнули вперед. Увидел богач плетки над головой — сразу же за ум взялся и во всем повинился. Бирбал дал ему наказание по заслугам, отправил в тюрьму.

индийск., 37, 102

53. Тяжба со знахарем

Один человек пошел в пори * пасти овец и потерял там двух ягнят. Он долго искал ягнят, но найти не смог, потому что их унесла дикая собака.

Вечером человек вернулся домой и пошел за помощью к знахарю. Ведь если кто-нибудь потеряет во время пастьбы овцу, корову или козу, он всегда идет к знахарю, чтобы тот дал ему какое-нибудь снадобье. Этот обычай существует у нас и до сих пор.

— Что ж,— сказал пастуху знахарь,— я дам тебе снадобье и намажу им твой посох. Но за это ты отдашь мне теленка.

— Теленка за двух овец? — удивился пастух.— Как же это так?

— Не хочешь, тогда можешь идти своей дорогой! — закричал на него знахарь.

Пастух подумал: «Что мне делать?»

— Ладно,— сказал он,— я дам тебе теленка, если найдутся мои овцы.

Знахарь намазал снадобьем его посох и сказал:

— Придешь с этим посохом домой, воткни его в коровий навоз. Утром твои овцы сами вернуться к тебе.

Человек очень обрадовался, взял свой посох и сделал все так, как сказал знахарь. Утром он вышел на дорогу и стал ждать овец. Ждал он их до полудня и все больше беспокоился. «Где же мои овцы? — думал он.— Не съела ли их гиена?»

Мимо шел прохожий.

— Ну что,— спросил он,— нашел ты овец, которых потерял вчера?

— Нет, пока не нашел,— ответил пастух.— Но знахарь сказал, что они сами придут домой.

Прохожий засмеялся:

— Ты, в самом деле, веришь словам знахаря?

— Да, я верю ему. В его руках большая сила.

— Ты глупый и простодушный человек,— сказал прохожий.— Твои овцы не придут домой. Их наверняка уже сожрала гиена.

И он пошел дальше своей дорогой.

Тогда пастух послал к знахарю своего сына.

— Скажи ему,— велел он,— что овцы твоего отца еще не нашлись.

Сын передал знахарю слова отца. Тот ответил:

— Овцы не возвращаются, потому что твой отец еще не привел ко мне теленка. Если он хочет получить овец, пусть сначала приведет ко мне теленка.

Сын передал отцу слова знахаря.

— Ах,— сказал тот,— мне уже все равно! Отдам ему теленка.

И он привел к знахарю теленка и опять стал дожидаться своих овец. Прождал он их до вечера, но овцы так и не вернулись.

Мимо опять шел тот же прохожий.

— Ты глупый человек,— сказал он пастуху.— Пойди сам в пори и поищи своих овец там.

Пастух пошел в пори и увидел там дикую собаку. Та уже наелась досыта и теперь расправлялась с остатками. Увидев человека, дикая собака убежала.

Тут пастух понял, что произошло. Опять направился он к знахарю.

— Ну что, нашлись твои овцы? — спросил тот.

— Оставь свои разговоры,— ответил пастух,— отдай мне лучше моего теленка!

— С чего это я стану отдавать тебе теленка? — воскликнул знахарь сердито.— Ты ведь получил от меня снадобье.

— Не говори больше о снадобьях, мне нужен мой теленок! Если бы я получил обратно своих овец, все было бы в порядке, а теперь я хочу вернуть своего теленка.

— Нет, теленка я тебе не отдам,— сказал знахарь.

Тогда обманутый пастух решил пожаловаться на знахаря правителю страны. Но у нас и султаны боятся знахарей. Когда человек рассказал ему, как он отдал знахарю теленка за снадобье, чтобы вернуть потерянных овец, а овцы не вернулись, султан спросил:

— Что тебе сказал на это знахарь?

— Он сказал, что теленка мне все равно не вернет.

— Если знахарь так тебе сказал,— ответил султан,— то на этом дело и кончено. Ведь ты сам, по своей воле пришел к нему за снадобьем.

Пастух ничего не ответил. Как он мог спорить с султаном? Он вернулся к себе домой, но никак не мог успокоиться. Через два дня он пошел в пори и увидел там сына знахаря, пасшего коров. Человек подкрался к стаду и украл одного теленка, так что мальчик ничего не заметил. Но едва он привел теленка домой, как знахарь обнаружил пропажу и пустился на поиски. Пришел он в дом этого пастуха, увидел своего теленка и сказал:

— Это мой теленок. Как он попал к тебе?

— Какой-такой твой теленок?! — воскликнул пастух. — Ты, я смотрю, большой разбойник, ты обогащаешься за счет других! Сначала ты забрал у меня одного теленка, а теперь хочешь забрать и второго?

— Глупый человек! — сказал знахарь. — Неужели ты думаешь, я не узнаю своего теленка? Пойдем-ка с тобой вместе к султану, пусть он разберет наше дело.

Пошли они к султану. Знахарь забежал вперед и первым начал речь.

— Вот такой-то и такой-то,— сказал он,— похитил моего теленка!

Тем временем подошел и пастух.

— О султан,— сказал он,— выслушай меня! Знахарь уже забрал одного моего теленка взамен снадобья, которое он мне дал. Теперь он хочет за это же взять и второго. Разве это справедливо? Нет, такого уже невозможно стерпеть, лучше я с ним буду биться до смерти.

— Это правда, что ты уже взял у него одного теленка? — спросил султан.

— Да, верно, одного теленка я взял в уплату за снадобье.

— А теперь ты хочешь взять у него и второго?

— Да, этот теленок тоже принадлежит мне.

— Это мой теленок! — воскликнул человек. — Он принадлежит мне!

И спор их разгорелся с новой силой.

— Перестаньте спорить в моем присутствии! — сказал им султан. — Если вы сами разбираетесь в законах, нечего вам было

приходить сюда. Слушайте, что я скажу. Я думаю, теленок по праву принадлежит этому пастуху.

Знахарь опять начал было спорить, но султан больше не стал его слушать и велел обоим идти своей дорогой.

ираку, 106, 147

54. Старик и его дочка

Жил на свете старик с двенадцатилетней дочкой. Имел он верблюда, лошадь и ишака; пропитание добывал себе продажей дров.

Однажды навьючил он дрова на верблюда и приехал на базар. Подошел к нему неизвестный человек и спрашивает:

— Почему дрова?

— Три таньга *.

— Возьми за все десять таньга!

Старик с радостью согласился. Привез дрова во двор покупателя.

Когда старик свалил дрова и получил десять таньга, покупатель велел ему привязать во дворе и верблюда.

— Я купил дрова с верблюдом вместе. Иначе зачем бы я тебе заплатил вместо трех таньга десять?

Поспорили они и отправились к бию *, чтобы тот их рассудил.

Бий спрашивает у старика:

— Правду ли сказал покупатель, что он заплатил десять таньга за все?

— Правду.

— Тогда он прав. Отдай ему верблюда.

Заплакал старик от обиды и пошел домой.

На другой день навьючил он дрова на лошадь и опять поехал на базар. И вновь с ним случилась такая же беда: тот же человек опять обманул его хитрыми словами. Бий и на этот раз сказал, что покупатель прав: вместе с дровами он купил и лошадь.

На третий день старик навьючил ишака и собрался на базар. Подошла к нему дочка и говорит:

— Дрова повезу продавать я. Верблюда и лошадь у тебя отобрали обманом. Пусть попробуют отнять у меня ишака.

Поехала девочка на базар. Подходит к ней тот же покупатель и говорит:

— Продашь дрова со всем за пять таньга?

— Продам, если дадите деньги со всем, — ответила девочка. Тот согласился. Привезла девочка дрова, свалила и спрашивает:

— Дядя, где привязать вашего ишака?

Тот указал ей место. Потом стал рассчитываться с девочкой, протянул ей деньги, а она схватила его за руку и говорит:

— Вы обещали отдать деньги со всем, в чем они находятся, то есть с рукой вместе.

Поспорили они и пошли судиться к бию.

Бий взамен руки присудил покупателю отдать девочке пятьсот дилла *.

казахск., 43, 193

55. Как тесть признал себя побежденным

В давние времена жил-был человек, и у него была дочь. Много юношей приходило к ней свататься. Но каждому жениху отец отвечал:

— Дочь мою в жены ты не получишь, возвращайся к себе домой.

И они уходили ни с чем.

Однако нашелся среди женихов юноша, который ответил отцу:

— Я домой не вернусь, я хочу жениться на твоей дочери!

— Если ты хочешь жениться на моей дочери, — сказал отец, — тебе придется сначала выполнить одну работу. Сможешь ли ты удержать ветер, так чтобы он не сломал ни одного стебелька на моем просяном поле? Если сумеешь это выполнить, получишь в жены мою дочь.

Юноша согласился.

— Покажи мне шамбу *, где я должен буду стеречь твое просо, — сказал он. — Я буду следить за твоим полем день и ночь, ни один стебелек не поляжет.

— Если я увижу, что ты сумел удержать ветер, — отдам за тебя свою дочь!

И вот ночью юноша пошел на поле сторожить просо. А рано утром пришел тесть посмотреть, как идут дела, и увидел множество надломившихся стебельков.

— Почему так много проса полегло? — спросил он юношу.

— Подожди, дорогой тестюшка,— отвечал тот.— Все будет в порядке. Там на краю поля я увидел цесарку. Сейчас я ее подстрелю.

С этими словами он пошел к краю поля, выстрелил и вернулся с цесаркой в руках.

— Вот цесарка,— сказал он старику.— Принеси ее домой дочери, пусть она сварит ее, а потом положит немного похлебки на деревянную вилку и пришлет сюда, в шамбу,— я здесь еще долго пробуду.

Старик принес цесарку домой, дочь сварила ее и попробовала зачерпнуть вилкой немного похлебки — никак не получается!

— Разве можно взять это вилкой? — сказала она отцу.— Я не могу принести похлебку на вилке к нему в шамбу. Да и никто не сможет!

Тогда послали за юношей в шамбу и сказали, чтобы он вернулся домой. Тот пришел и говорит тестю:

— Я хочу, чтобы ты собрал всех мужчин. Пусть люди рассудят наше дело и скажут, кто из нас прав, а кто неправ!

Вот собрались все, и юноша обратился к старейшинам:

— Скажите мне, старейшины, может ли кто-нибудь на свете устеречь ветер, чтобы ни один стебелек проса не был им сломан? Ветер дует то с одной стороны, то с другой! Как с ним воевать? Я спрашиваю вас: что вы об этом думаете?

И старейшины ответили:

— Никогда мы не слышали, чтоб кто-нибудь мог устеречь ветер!

— Я в ответ попросил тестя оказать мне одну услугу,— продолжал юноша.— Я убил цесарку и сказал, чтобы он передал ее своей дочери, а она сварила бы ее и похлебку принесла на вилке мне в шамбу. Но напрасно я дождался похлебки.

Тогда старейшины спросили отца девушки:

— Почему ты оставил юношу без похлебки и заставил его голодать? Он же добыл вам цесарку.

— Подумайте сами, старейшины,— отвечал тот,— кто может принести на вилке похлебку?

— А кто из нас может удержать ветер? — спросили тестя старейшины.— Сколько мы живем, никогда такого не слышали! Птицу можно подстеречь, но ветер — никогда! Юноша прав, он рассчитался с тобой той же монетой и победил тебя. Если посылаешь удержать ветер — должен уметь принести суп на вилке!

Так сказали ему старейшины. И добавили:

— Тебе остается только одно: отдай за него свою дочь! Он ведь, и в самом деле, вышел победителем.

И старику ничего не осталось, как назначить свадьбу и отдать юноше свою дочь в жены.

бурунги, 109, 74

56. Покупатель бороды

Как сказывают-пересказывают, один человек ходил и все твердил:

— Если бы кто-нибудь дал мне в долг тысячу рублей, я бы вернул их через сутки.

Люди не могли понять, почему он так говорит, и удивлялись. Наконец один бай решил: «Будь что будет, дам ему тысячу рублей. Отдаст — очень хорошо, не отдаст — накажу его как-нибудь». И дал ему эти деньги.

Получив тысячу рублей, человек стал говорить:

— Куплю бороду, если кто хочет продать.

И, повторяя эти слова, он отправился искать, кто бы продал ему бороду.

Долго ли, не долго ли он так ходил — подошел к нему один человек и сказал:

— Я продам бороду.

— Хорошо — я куплю ее, но с условием: я могу делать с ней все, что захочу.

Продавец согласился.

— Тогда пойдем составим договор, — сказал покупатель.

И записали в договоре, что он покупает бороду за тысячу рублей и имеет право делать с ней что захочет, а продавец бороды точно так же имеет право использовать эту тысячу рублей как пожелает.

Зашли в дом. Продавший бороду дал покупателю бритву и сказал:

— Возьми и сбрей бороду.

Тот ответил:

— Я купил право делать что захочу с твоей бородой, а не с волосами, которые растут на твоём подбородке. Поэтому я отрежу и унесу всю твою голову.

И он взял продавца за шею, будто собирался отрезать ему голову.

— Что ты делаешь?! — вскрикнул тот и вскочил с места. — Мы же не так договаривались!

— А что же ты думал, я даром тебе тысячу рублей дал? — ответил покупатель.

— Нет, на это я не согласен, — сказал продавец и передал дело в суд.

Судья решил, что покупатель прав, так как он покупал не волосы, а бороду с той частью лица, на которой она растет.

— Тогда я не хочу твоей тысячи рублей и возвращаю их тебе! — сказал продавец. — Не согласен продавать бороду.

— Но у нас ведь условлено, что нельзя отказываться от договора. А если ты теперь отказываешься, то должен прибавить к моей тысяче рублей еще тысячу. Иначе я унесу твою голову, — возразил покупатель.

— Ну, раз так, что мне остается делать! — сказал продавец и отдал покупателю еще тысячу рублей.

Хитрец отнес долг баю и хотел прибавить еще пятьсот рублей. Но бай подумал: «Раз он так хитер, он, наверно, хочет выманить у меня еще тысячу рублей». И не взял у него этих денег.

адыгейск., 13, 50

57. История о Ма Тане

Жил некогда человек по имени Ма Тан. Однажды он очень проголодался и никак не мог найти, чем бы ему утолить голод. Наконец он заметил павильон, где некий торговец продавал землянику. Ма Тан зашел туда, сел и сказал торговцу:

— Дай мне одну теплую ягоду и одну холодную.

Купец дал ему две ягоды, и Ма Тан опять попросил одну теплую и одну холодную. Так он опустошил целый поднос. Торговец смотрел на него и удивлялся.

Расправившись с ягодами, Ма достал из своего мешка четыре медные монеты, положил их на стол и пошел своей дорогой. Торговец поспешил за ним.

— Эй, гость! — сказал он.

— Что? — обернулся Ма Тан.

— Ты слишком мало мне заплатил.

— А сколько стоит у тебя одна ягода? — с улыбкой спросил Ма.

— Два цента.

— Тогда все в порядке. Я съел две штуки и уплатил четыре монеты.

— Как две? — изумился торговец. — Разве ты съел только две?

— А сколько же?

— Сколько? Одну теплую, одну холодную, — начал перечислять торговец, — одну теплую, одну холодную...

— Незачем тебе повторять столько раз одно и то же, — перебил его Ма, — я ведь говорю то же самое.

Тогда торговец потащил его в суд. Судья велел торговцу рассказать, как было дело.

— Он съел одну теплую ягоду и одну холодную, одну теплую, одну холодную... — начал свое торговец, но хитрый Ма опять перебил его:

— Зачем ты все время повторяешь одно и то же? И судья, и я — все мы хорошо слышим. Одна теплая да одна холодная — всего две штуки. Разве четыре монеты — несправедливая цена?

Судья признал, что Ма Тан прав, велел торговцу замолчать и наказал его.

китайск., 113, 117

58. [Хитрец и глупцы]

В давние времена жил-был один хитрец. Однажды, когда он пас свою корову, на дерево рядом с ним села птица и принялась петь.

— Кто это там наверху кричит? — спросил хитрец.

— Это я кричу, — ответила птица.

Хитрец схватил ком земли и бросил в птицу. Но птица поймала ком и кинула обратно в человека. Тот успел отпрыгнуть в сторону, ком попал в его корову, и она замертво упала на землю.

Пришлось человеку снять со своей коровы шкуру. Мясо он съел, а шкуру понес к озеру и там провел весь день. Вечером он вернулся домой и застал у себя двоих гостей.

— Где ты был сегодня? — спросили они его.

— Я был у озера, — ответил хитрец, — продавал коровью шкуру водяному черту, Нетлангу. Еле спас свою жизнь. Нетланг сказал мне, что завтра я должен умереть, а вместе со мною те двое, которых я встречу в своем доме.

Услышав такие слова, гости испугались.

— Что же нам теперь делать? — спросили они.

— Я сделал так, — ответил хитрец. — Я отдал Нетлангу шкуру своей коровы, и за это он освободил меня от смерти, подарив мне вечную жизнь.

— А что же будет с нами? — спросили гости.

— Не бойтесь, — ответил хитрец, — я поговорил с Нетлангом и о вас. Я сказал: «Думаю, что те двое тоже принесут тебе шкуру, и ты, Нетланг, за это освободишь их от смерти».

Услышав это, глупые гости тотчас заспешили к себе и забрили своих коров — каждый по три; они были богатые люди. Притащили они шкуры к озеру и закричали:

— Приветствуем тебя, водяной черт!

Но из воды не было никакого ответа. Глупцы подождали некоторое время, думая, что Нетланг, наверно, как раз в это время занят едой, а потом опять принялись кричать. Так они кричали до самого восхода солнца и, никого не дождаввшись, вернулись к дому хитреца [...]

А у того тем временем умерла жена. Увидев издали возвращающихся глупцов, он посадил труп своей жены перед хижинкой, накрыл покрывалом и поставил рядом корзинку с маисом.

Глупцы пришли усталые и голодные, ибо путь от озера был очень далек. Они увидели женщину, сидевшую перед хижинкой, увидели корзинку с маисом у ее ног и попросили дать им маиса. Женщина даже не певельнулась и ничего им не ответила. Да и как она могла им ответить, если была мертва? Но глупцы не знали этого и подумали, что она над ними издевается.

— Дорога и жаркое солнце утомили нас, — сказали они. — А ты, женщина, не хочешь дать нам даже пригоршни маиса?

И с досады они залепили ей пощечину. Тут из хижинки выбежал хитрец и стал кричать:

— О, вы убили мою жену, да, вы ее убили!

— Мы не убивали ее! — закричали глупцы. — Она спала, и мы лишь легонько ее ударили, чтобы она проснулась и дала нам немного маиса. А она действительно умерла. Что же нам теперь делать?

— Что делать? — сказал хитрец. — Я поведу вас к нашему султану и подам на вас жалобу.

Пошли они вместе к правителю страны. Султан выслушал их и сказал глупцам:

— Убить человека — тяжкое преступление. Как вы посме-

ли это сделать? Теперь слушайте мой приговор: каждый из вас должен дать этому человеку трех телят.

— Откуда мы теперь возьмем телят? — закричали оба. — Он и так нас обманул, мы разорились по его милости! Теперь мы бедные люди!

Но султан был неумолим.

— Вы убили жену этого человека и должны отдать ему телят.

Что им оставалось делать? Пошли они каждый к своим друзьям, взяли в долг телят и отдали их хитрецу. Так хитрец разбогател, а глупцы дважды разорились.

ираку, 106, 182

II. РАССКАЗЫ О СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

О ПОИСКАХ ВИНОВНОГО И НЕВОЛЬНЫХ ПРИЗНАНИЯХ

59. Хитрый визирь

В столице некоего царства кто-то разграбил склад хлопка. Пришли к шаху купцы с жалобой. Выслушав их, шах приказал немедленно разыскать похищенный хлопок и жестоко наказать воров. Но, увы! Поиски ничего не дали. Тогда пришел к шаху его визирь и сказал ему:

— О господин! Разрешите мне найти вора.

— Пусть будет по-твоему, — ответил шах.

В тот же день визирь собрал всех горожан к себе на обед. Народу собралось видимо-невидимо. Но прежде чем начать угощение, визирь прошел вдоль столов, внимательно вглядываясь в лица. Потом он поднялся на возвышение и укоризненно покачал головой.

— Как мало совести у людей и сколько глупости: ворованый хлопок пристал к вашим черным бородам, и в таком виде вы смеее являться на угощение к вашему визирю!

Не успел визирь кончить свою речь, как десять человек воровато попятились и схватились за бороды.

— Вот жулики, — тут же указал на них визирь, — взять их! ¹

афганск., 78, 163

60. Вор

У одного человека пропал мешок с рупи *. Пошел он к судье. Созвал судья его домашних; дал каждому по палке и говорит:

— Кто вор, у того палка завтра на палец вырастет!

Пошли все домашние назад домой. И тот между ними, кто

деньги украл, сильно испугался. Взял да обрезал свою палку на палец.

На другой день судья опять позвал их; осмотрел палки; схватил вора и наказал его ¹.

индийск., 41, 98

61. Волшебный петух

Был один умный бедняк. Мог он предсказать, какая погода будет, какой приплод от скота ожидать, и многое другое мог угадывать.

У одного бая украли драгоценности. Искали, искали — не нашли. Лучших шаманов приводили, самых хитрых знахарей спрашивали — все напрасно. Посоветовали баю умного бедняка позвать.

Привели бедняка. Бай велит драгоценности искать. Бедняк говорит:

— Найти не трудно, что мне за это будет?

— Дам тебе табун лошадей, — пообещал бай.

— Ладно, — согласился бедняк. — Пусть принесут петуха, которого тебе монгольский хан подарил.

Велел бай петуха принести. Бедняк потихоньку шею и голову петуху сажей намазал. Посадили петуха одного посредине темной юрты.

— Теперь заходите по очереди, — сказал бедняк байской прислуге. — Да запомните: петух не простой, а монгольский. Как вор погладит его по голове, так петух закричит. Ну, заходите веселей, гладить его левой рукой надо.

По одному заходили в темную юрту. Бай уши насторожил, слушает. Молчит петух. Все слуги прошли, а петух так и не подал голоса.

— Ты что, дурачить нас вздумал?! — грозно закричал бай.

— Погоди, гадание еще не кончилось, — ответил бедняк. — А ну, поднимите все левую руку.

Подняли руки — у всех ладони в саже, только у первого байского прислужника ладонь чистая.

— Он и украл, — сказал бедняк.

Упал на колени слуга, прощения просит, плачет. Велел его бай плетью пороть, а бедняку табун коней отдал. Жалко было, а отдал, побоялся с таким мудрецом связываться.

какасск., 101, 119

62. Слепой и зрячий

В далекие времена жил слепой. Как-то раз пришло ему на ум предъявить свои права на жену зрячего.

— О люди, — сказал он, — жена моя была недовольна, что я слепой, познакомилась с чужим мужчиной и сбежала от меня. Я не знал, где она скрывается. Сегодня я случайно нашел ее.

И он ухватился за платье жены зрячего. На крик слепого сбежались люди. Они были уверены, что слепой говорит правду, стали его жалеть. Повел слепой пойманную им женщину и ее мужа к бию.

— Вот эта женщина была моей женою, — сказал он, — а этот мужчина сбил ее с пути, забрал к себе. Только сегодня я нашел их и привел к вам. Разберите мое дело и верните мне жену.

— Что вы скажете на это? — спросил бий у женщины и у зрячего.

— Я жена вот этого человека, — сказала женщина, — а слепого совсем не знаю.

— Женщина действительно моя жена, — сказал зрячий, — я с нею повенчан и заплатил калым.

Бий посадил всех троих в отдельные юрты и незаметно поставил людей подслушивать: о чем каждый из них будет говорить.

— О боже! Чем я тебя прогневила, что ты послал ко мне какого-то слепого? Не допусти, чтобы я попала к нему в руки, — рыдала женщина в своей юрте.

— О лживый слепой! Ты расплатишься за свои дела! — говорил раздраженно зрячий.

— О слепой! Ловко ты затеял дело! Если аллах поможет, то ты будешь иметь жену, — рассуждал сам с собой слепой.

Поставленные бием люди донесли ему обо всем. Тот потребовал к себе слепого, зрячего и его жену и рассказал им, о чем каждый из них размышлял в своей юрте. Раздосадованный слепой прикусил свой палец до крови.

Бий отпустил зрячего и его жену, а слепого наказал¹.

казахск., 44, 263

63. На воре шапка горит

Как-то раз царь зверей — тигр, восседая на троне, приказал своему другу медведю собрать всех зверей на суд. А вершил он суд вот почему: пришла к нему вчера овечка и пожаловалась,

что кто-то зарезал ее сына — маленького барашка. Вот и решил тигр наказать виновного.

Внимательно смотрит тигр на всех зверей, подолгу вглядываясь в каждого.

Вдруг ни с того ни с сего волк завопил:

— Да что это такое! Весь день вчера дома просидел! Ни в чем я не виноват! Сам, наверное, разбился барашек, а на других валят!

— Замолчи! — прервал его тигр. — Это ты виноват. Тебя еще никто не обвинил, а ты уже кричишь о своей невинности! Медведь, — приказал тигр, — сделай с волком то же, что он сделал с барашком!

афганск., 78, 168'

64. Догадливый судья'

Один джигит собрался в дальний путь и оставил у соседа сто золотых на сохранение.

Прошло несколько лет, вернулся джигит и попросил соседа вернуть деньги.

Сосед был хоть и старый человек, но жадный и бесстыдный.

— Я от тебя ни одной копейки не получал, и на хранение ты у меня денег не оставлял, — сказал он.

Джигит опечалился, рассказал друзьям, и они посоветовали:

— Сходи к нашему судье. Он разберется, вернет тебе твои деньги.

Пошел джигит к судье. Вызвал судья старика и сказал:

— Аксакал, ты стар, тебе не к лицу лгать. Скажи, получил ли ты от этого джигита на хранение его золотые?

— Сын мой, я никогда у него денег не получал, чему свидетель сам бог. У меня белая борода, и незачем мне лгать перед тобой.

— У тебя есть свидетели, что ты давал ему деньги? — спросил судья у джигита.

Джигит ответил, что у него никаких свидетелей нет.

— А на каком месте ты ему отдал деньги? — снова спросил судья.

— Неподалеку от нашего аила стоит тополь, — ответил джигит. — В тени этого тополя я и отдал ему на хранение сто золотых.

— Если так, иди к этому тополю, тащи его сюда, и пусть он расскажет мне, как ты отдавал сто золотых этому старику.

— Почтенный судья,— удивился джигит,— как же я притащу сюда тополь?

— Бери мою печать, покажи ее тополю, и он придет сюда сам,— сказал судья.

Джигит взял у судьи печать и побрел, а старик спокойно сидел. Он понимал, конечно, что никогда тополь не явится к судьбе.

Прошло полчаса, судья спросил у старика:

— Старик, скажи мне, дошел ли наш джигит до того тополя?

— Нет,— он еще не дошел,— ответил старик.

Через некоторое время судья снова спросил:

— А теперь дошел?

— Дошел,— уверенно сказал старик.

Прошел час, судья в третий раз спросил у старика:

— Как ты думаешь, возвращается уже наш джигит?

— Да, уже пора ему возвращаться.

Пришел джигит ни с чем, отдал судье печать и сказал:

— Я показал вашу печать тополю, он и с места не сдвинулся. А для того, чтобы притащить его сюда, надо множество быков.

— Тополь уже ко мне приходил,— ответил судья,— и давно ушел обратно.

— Как это так? Когда тополь сюда являлся? Если бы он приходил, то увидал бы и я,— удивился старик.

Судья усмехнулся:

— Я тебя спрашивал три раза. Первый раз ты ответил, что джигит не дошел до тополя; во второй раз, что он уже дошел, а в третий, что он возвращается назад. Если бы ты не получал денег от этого джигита перед этим тополем, то не знал бы и дороги к нему. Поэтому ясно, что ты получил сто золотых.

Тогда старик признался и вернул джигиту сто золотых¹.

киргизск., 49, 185

65. [Как один человек спасся от смерти]

Жил один юноша, и было у него две невесты, обе красавицы. Одна была дочерью самого бедного человека в ауле, другая была дочерью самого богатого.

И было у юноши два друга. Один из них советовал ему жениться на дочери самого бедного человека. Он считал, что она будет ему лучшей парой, так как ее руки не боятся никакой работы.

Другой советовал юноше жениться на дочери богатого и говорил, что она рукодельница, строго соблюдает религиозные обычаи, не пропускает ни одного намаза *.

Юноша женился на дочери богача. Жил он с женой неплохо. Однажды встретил он своего друга и спросил его:

— Скажи, почему ты не советовал жениться на дочери богатого?

— Потому что я знал: когда она была девушкой, она водила за собой мужчин, — ответил тот. — А кто привык к такой жизни, тот никогда ее не оставит.

— Как это может быть, если она так усердно совершает все намазы? — удивился муж. — До сих пор я не замечал за ней ничего плохого.

— А ты проследи за ней, когда она совершает намаз, и, если ничего не заметишь, значит, мои слова ложь, — сказал друг.

И вот однажды поздно ночью жена стала совершать намаз.

Муж лег и притворился, будто спит, а сам стал подглядывать за ней.

Думая, что муж спит, жена взяла кумган * и вышла во двор. Муж, крадучись, вышел за нею. Она направилась к коровнику и зашла под навес. Тут муж увидел, что в коровнике ее ожидал мужчина.

— Кто ночью находится в моем коровнике?! — крикнул он.

Мужчина бросился бежать, а женщина скрылась в доме и заперла за собой дверь.

Когда муж вернулся, жена не пустила его.

— Иди, иди! Возвращайся туда, где был ночью до сих пор, — сказала коварная притворщица.

Пока он пререкался с нею у двери, на шум прибежали муртазаки *.

— Почему ты стоишь здесь ночью? — спросили они.

— Жена не пускает в дом, — ответил он.

— А где он был? — крикнули они жене.

— А спросите его, где он был! Наверное, на каком-нибудь разбое, — крикнула в ответ коварная женщина.

— Мы знаем, где он был! — сказали муртазаки, схватили его и бросили в темницу.

Вскоре затем повели его в один дом, там показали ему зарезанных мужчину, женщину и ребенка и спросили:

— Кто был с тобой, когда ты убивал их?

— Знать не знаю, — ответил он и отказался признать себя виновным.

Но его недолго думая приговорили к смерти [...]

Перед казнью он попросил исполнить последнее его желание.

— В пятницу отведите меня в мечеть и разрешите совершить намаз вместе с аульчанами. Там я назову сообщников.

Ему разрешили совершить намаз. В пятницу привели его в мечеть. Люди помолились и вышли из мечети. А бедвяга сидит да сидит и не кончает намаз. Муртазаки ожидают его. Но тот сам не знает, что делать. Знает одно — без вины его расстреляют.

Наконец он устал сидеть, оглянулся — и увидел, что сзади него сидят еще двое и так же, как и он, усердно совершают намаз.

— Вот мои сообщники! — указал он на них.

Муртазаки схватили обоих и увели в темницу.

На допросе они признались:

— Правда, убили мы, но того, кто на нас указал, с нами не было, и мы не знаем, почему он называет себя нашим сообщником.

Тогда спросили этого человека:

— Теперь нам ясно, что ты невиновен. Но как ты узнал, что убийцы — эти двое?

Он ответил:

— Тот, кто совершает преступления, всегда усердно молится богу. Вот и сегодня: народ давно кончил намаз, а эти двое, помня о совершенном преступлении, продолжали молиться, умолять Аллаха простить их грехи. Так я узнал, кто убийцы.

Его отпустили. Он вернулся домой и развелся с женой.

адыгейск., 13, 161

66. Корова с отрезанным языком

В уезде Танчансянь у крестьянина Ху Сы была корова. И была она ну прямо как «домашняя драгоценность»: поле пахать — на ней, поклажу возить — опять же на ней. И каждое утро Ху Сы сам кормил и поил ее.

Пошел однажды Ху Сы кормить корову, глядь, а в стойле все перевернуто; присмотрелся повнимательнее: у коровы изо рта кровь капает. Удивился Ху Сы и подумал: «Неужели и корова может харкать кровью?» Раскрыл он руками корове рот, а там все в крови, и язык куда-то пропал.

Корова без языка ведь и траву не может жевать, того и гляди помрет. А издохнет корова, как тогда они все будут жить? Заплакал Ху Сы от огорчения. А потом подумал: «Наверняка кто-то отрезал ей язык», — и побежал к Бао-гуну¹ с жалобой.

Выслушал Бао-гун крестьянина и стал размышлять: «Кто? Зачем отрезал корове язык? Да и что можно сделать с небольшим коровьим языком?» Думал он, думал и наконец вынес такое решение.

— Иди-ка ты домой, — сказал он Ху Сы. — Послушай меня, зарежь корову, продай мясо, а через три дня приходи ко мне снова.

— Зарежешь корову — нарушишь закон, — ответил крестьянин.

— Ничего, я заступлюсь за тебя, — успокоил его Бао-гун.

Послушался Ху Сы мудрого совета, зарезал корову, разрубил тушу на куски и продал, денег выручил немало, а все-таки не хватает, чтоб кушать другую корову.

Загоревал крестьянин.

Отослал Бао-гун крестьянина домой, а на второй день является к нему некий Чэнь Сань с жалобой, говорит: «Ху Сы тайком прирезал корову, годную для пахоты, преступил закон, надо наказать его».

— А кем тебе доводится Ху Сы? — спросил Бао-гун.

— Он мой сосед. Я собственными глазами видел, как он резал корову. Другие соседи тоже знают. Если господин не верит, пусть позовет и их.

Стукнул тут Бао-гун кулаком по столу и закричал:

— Ах ты, подлец! Ты отрезал язык у его коровы да еще пришел жаловаться! Чем обидел тебя Ху Сы? Ты зачем вредишь ему? Быстро говори правду!

Услышал Чэнь Сань, что Бао-гуну уже известно все про коровий язык, не осмелился он отпираться, и пришлось ему сказать всю правду.

— Пошел я как-то к Ху Сы денег занять, а он не только не дал, а еще давай поучать меня. Ну я и затаил на него злобу, поэтому-то и отрезал у его коровы язык. Я думал, если вырезать у коровы язык, то ему ничего не останется больше, как

прирезать ее и продать мясо. А тут я пойду и донесу, что Ху Сы самовольно забил корову. Вот его и засудят.

Выслушал Бао-гун речи Чэнь Саня, разгневался страшно, велел стражникам схватить его и дать ему сорок палок да еще заставить его купить Ху Сы другую корову.

На другой день Ху Сы сам пришел к Бао-гуну. Чиновник рассказал ему обо всем, и тут только понял Ху Сы, что язык корове отрезал его сосед и что, если бы не Бао-гун и не прирезал бы он коровы, не миновать бы ему суда. А когда услышал, что Бао-гун приказал Чэнь Саню купить ему другую корову, поблагодарил он мудрого судью Бао-гуна и радостный ушел домой.

китайск., 103а, 163

67. Как нашли вора

Жил-был на свете один человек. Было у него три сына. Когда пришло время умирать, человек позвал к себе сыновей и сказал им:

— Я скоро умру, все мое богатство я обратил в золото, а оно лежит в виде большого кирпича в таком-то месте. Когда я умру, возьмите его и разделите между собой поровну.

Вскоре он умер, сыновья похоронили его, устроили по нем поминки и после всего этого собрались вместе.

— Теперь,— сказал старший из них,— мы можем пойти и взять золото.

Пришли они в указанное место, но золота не нашли.

— Что ж,— сказал старший,— о месте, где было спрятано золото, знали только мы и отец. Он уже мертв, а золото взял кто-то из нас. Так как сами мы все равно не сможем найти виновного, то давайте пойдем к хану, он, говорят, славится умом и справедливостью, и попросим рассудить нас и указать вора.

Братья согласились с ним и отправились к хану. [Рассказали ему о своем деле.] Хан сказал им:

— Я попытаюсь вам помочь, а пока прошу вас быть моими гостями,— и с этими словами пригласил их в свои покои [...]

Сестра хана увидела, что брат ее о чем-то крепко задумался, и спросила:

— Что с тобой, брат, отчего ты так крепко задумался?

Хан рассказал ей обо всем, и она сказала:

— Думаю, что я смогу помочь. Ты пригласи их в гостиную

и там попроси меня что-нибудь рассказать. Тут уж положишься на меня.

Хан так и сделал, и, когда все удобно уселись, хан попросил сестру рассказать что-нибудь. А когда она показала себя умной собеседницей, то и братья присоединились к его просьбе. И тогда ханская сестра начала рассказ.

«Жили когда-то на свете, — сказала она, — юноша и девушка. Еще с детства были они дружны и любили друг друга великой любовью, а однажды поклялись, что будут принадлежать только друг другу. Но юноша этот был из бедной семьи, и поэтому, когда настало время выдавать девушку замуж, ее родители не отдали дочь за него, а отдали за другого, богатого юношу. Девушка была очень опечалена этим, но не смела противиться воле родителей. Грустная, с заплаканными глазами сидела она, когда жених вошел к ней. А он был человек достойный и, увидев ее в таком горе, сказал ей:

— Почему ты так печальна? Если ты не хотела идти за меня, почему не сказала об этом раньше? Я не настаивал бы.

И девушка объяснила ему, что она не осмелилась перечить родителям, что у нее есть возлюбленный, которому она поклялась в своей верности, поклялась только с ним разделить брачное ложе.

— Ну что ж, — сказал жених. — Я уверен, что он любит тебя не больше, чем я, но не хочу, чтобы ты была несчастна, а посему иди к нему и будь его женой. Обо всем остальном я позабочусь сам.

И девушка, обрадованная, побежала в чем была к своему любимому, удивляясь и восхищаясь благородством отпустившего ее жениха. Любимый ее печально сидел у очага и наигрызал на своем комузе * грустные мелодии. При виде ее он быстро вскочил со словами „Зачем ты пришла?“, на что она ответила: „Я пришла выполнить свою клятву“, — и рассказала обо всем.

И юноша молвил:

— Я не могу причинить горе такому джигиту, как твой муж, поэтому я не оставлю тебя здесь. Ты же можешь быть счастлива и с ним, раз он такой достойный человек.

С этими словами он завязал себе глаза, разделся, затем то же проделала и она, и они легли обнаженные по краям ложа, не прикасаясь друг к другу.

— Ну вот, клятва наша выполнена, иди, — сказал юноша и отвернулся. И девушка пошла назад, дивясь выдержке юноши и гордясь благородством обоих соперников.

На обратном пути ее встретили грабители, ожесточившиеся в своем ремесле и не щадившие ни старого, ни малого, ни женщины, ни ребенка. Они удивились и обрадовались богатству ее одежды и обилию драгоценностей — ведь она была в свадебном наряде — и спросили:

— Куда ты идешь?

— К любимому, — ответила девушка.

— Откуда? — спросили они.

— От любимого, — ответила она.

Те были поражены таким ответом, стали расспрашивать ее, и она рассказала им о случившемся. Тогда грабители сказали:

— Стыдно отнестись без снисхождения к женщине, с которой так благородно обошлись два горячо любивших ее человека.

И они отпустили ее...»

Кончив рассказывать, сестра хана повернулась к братьям и спросила их:

— Как вы считаете, чей поступок был более благороден?

Старший ответил:

— Я считаю, что благороднее всех поступил муж девушки. Он горячо любил ее, так любил, что пошел на все, чтобы получить ее, и, едва получив, — отпустил. Он слишком любил девушку, чтобы видеть ее несчастной. Быть мужем и, не тронув, отпустить любимую — это ли не подвиг!

Средний же сказал:

— А я думаю, что поступок возлюбленного благороднее. Ведь он любил ее с детства. Она пришла к нему, она лежала с ним на брачном ложе, а он отпустил ее. Лежать на одном ложе с любимой, слышать ее дыхание и отпустить ее — это большой подвиг.

— Ну нет, — горячо вступил в спор младший. — Все это бледнеет перед благородством грабителей. Ведь они никогда никого не щадили, а тут упустили такую хорошую добычу, поддавшись минутному настроению. Всю жизнь алкать добычи, а получив ее, отпустить — это настоящий подвиг.

И тогда сестра хана прервала их и сказала:

— Золото у него, — и показала на младшего брата.

И он признался, так как понимал, что сам выдал себя. Вот так-то¹.

68. [Как молла доказал
свою правоту]

Однажды молла Наср-Эддин подъехал к базару, привязал осла к столбу, а сам сел под навесом и попросил дать ему чаю.

В это время какой-то человек остановился, слез с осла и начал его привязывать рядом с ослом моллы.

— Не делай этого, почтеннейший,— сказал ему молла,— мой осел на весь аул славится своим норовом. Как бы чего не случилось!

Человек промолчал и, подойдя к молле, сел рядом с ним.

«Видно, глухонемой»,— подумал молла, встал и пошел к ослу с намерением привязать его к другому столбу. Но в это время осел моллы так брыкнул чужого осла, что тот замертво упал с распоротым животом.

Хозяин осла вскочил и начал ругать моллу Наср-Эддина.

— Ведь я же тебя предупреждал,— ответил ему молла.— Сам виноват.

Но человек не слушал его доводов:

— Твой осел убил моего осла, и ты должен мне за него заплатить!

— Что еще выдумал,— рассмеялся молла.— И не подумаю.

Тогда человек пошел к судье и подал ему жалобу на Наср-Эддина.

Судья вызвал к себе моллу и стал его допрашивать. Но молла Наср-Эддин упорно молчал.

Судья покачал головой и сказал:

— Я вижу, что этот человек немой. Какая же на нем может быть вина?

Тогда истец рассердился:

— С чего это ты решил, что он немой? Когда я подъехал к базару, он мне сказал, что его осел славится на весь аул норовом, и потому не советовал привязать моего осла рядом с ним. А ты говоришь, он немой!

— Так чего же ты требуешь с него денег за убитого осла, если он тебя предупреждал? — спросил судья.— Этот человек ни в чем не виноват!

— Правильно! — закричал обрадованно молла Наср-Эддин.— Я ему то же самое говорю, а он не поверил.

Так молла Наср-Эддин доказал свою правоту¹.

69. Владелец верблюдицы и три мальчика

У одного человека пропала верблюдица. Долго он искал ее, но найти так и не мог. Встретил он трех мальчиков и спросил их:

- Вы не видели тут верблюдицы?
- Она беременная? — поинтересовался один мальчик.
- Да, — ответил человек.
- И одноглазая? — спросил другой.
- Да, — ответил человек.
- И на спине у нее язва? — спросил третий.
- Да, это она, — ответил человек.
- Клянемся тебе, мы не видели ее, — сказали мальчики.

Целый день хозяин верблюдицы искал ее и не нашел. Не встретил он также никого, кто видел бы ее. Тогда он вернулся на то место, где разговаривал с мальчиками, нашел их и отвел к эмиру.

Выслушав жалобу того человека, эмир спросил его:

- Они описали тебе все приметы верблюдицы?
- Да, они все указали точно, — ответил он.
- Это правда? — спросил эмир.
- Да, эмир, пусть продлятся дни твои, все было так, — сказали мальчики. — Этот человек спрашивал нас, мы ему отвечали, но сами верблюдицы не видели.
- Вы лжете. Все это хитрые уловки. Отведите их к судье, — приказал эмир.

Судья, узнав причину спора, обратился к мальчикам:

— Как же смогли вы так подробно описать приметы верблюдицы, если не видели ее?

— Да продлятся дни твои, о судья, — сказал первый мальчик. — Я увидел на дороге следы верблюда и по тому, как он помочился, понял, что тут прошла беременная верблюдица. Вот почему я сказал этому человеку, что его верблюдица беременна.

— Понятно. А почему ты сказал так? — спросил судья у второго мальчика.

— Да продлятся дни твои, о судья, — ответил тот. — Когда мы шли по дороге, я заметил, что верблюдица щипала траву только с одной стороны. Поэтому я решил, что она одноглазая.

— Твой довод разумен, — согласился судья. — А что ты заметил? — обратился он к третьему мальчику.

— Да продлятся дни твои, о судья,— сказал тот.— Вот почему я сказал, что на спине у нее язва: верблюдица щипала траву и прикрывала ею спину от мух. Часть травы упала на дорогу, и по ней я узнал, что на спине у верблюдицы язва.

И судья сказал:

— Мальчики, идите домой. Вы сказали правду. Ты же, хозяин верблюдицы, продолжай искать ее¹.

хауса, 89, 58

70. [Сусанна и старцы]

В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким.

И взял он жену, по имени Сусанну, дочь Хелкия, очень красивую и богобоязненную [...]

Иоаким был очень богат, и был у него сад близ дома его; и сходились к нему иудеи, потому что он был почетнейший из всех.

И были поставлены два старца из народа судьями в том году [...]

Они постоянно бывали в доме Иоакима, и к ним приходили все имевшие спорные дела.

Когда народ уходил около полудня, Сусанна входила в сад своего мужа для прогулки.

И видели ее оба старейшины всякий день проходящую и прогуливающуюся, и в них родилась похоть к ней, и извратили ум свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах [...]

И было, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как вчера и третьего дня, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко.

И не было там никого, кроме двух старейшин, которые спрятались и сторожили ее.

И сказала она служанкам: «Принесите мне масла и мыла и закройте двери сада, чтобы мне помыться».

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старейшин, потому что они спрятались.

И вот, когда служанки вышли, встали оба старейшины и прибежали к ней и сказали:

«Вот, двери сада заперты, и никто нас не видит, и мы имеем похотение к тебе, поэтому согласись с нами и побудь с нами.

Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша, и ты поэтому отослала от себя служанок твоих».

Тогда застонала Сусанна и сказала: «Тесно мне отовсюду; ибо если я сделаю это, смерть мне, а если не сделаю, то не избегну от рук ваших.

Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить перед господом».

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старейшины против нее, и один побежал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с нею.

И когда старейшины сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти.

И сказали они перед народом: «Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима», — и послали.

И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом, и эти беззаконники приказали открыть лицо ее, так как оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ее.

Родственники же и все, которые смотрели на нее, плакали.

А оба старейшины, вставши посреди народа, положили руки на голову ее [...]

И сказали старейшины: «Когда мы ходили по саду одни, вошла эта с двумя служанками и затворила двери сада и отослала служанок; и пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею.

Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали на них и увидели их совокупающимися, и того не могли удержать, потому что он был сильнее нас и, отворив двери, выскочил, но эту мы схватили и допрашивали: кто был этот юноша? Но она не захотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем».

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судьям, и осудили ее на смерть [...]

И, когда она ведена была на смерть, возбудил бог святой дух молодого юноши, по имени Даниила, и он закричал громким голосом: «Чист я от крови ее!»

Тогда обратился к нему весь народ и сказал: «Что это за слово, которое ты сказал?»

Тогда он, став посреди них, сказал: «Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовавши и не узнавши истины, осудили дочь Израиля?»

Возвратитесь в суд, ибо эти ложно против нее засвидетельствовали».

И тотчас весь народ возвратился, и сказали ему старейшины: «Сяди посреди нас и объяви нам, потому что бог дал тебе старейшинство».

И сказал им Даниил: «Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их».

Когда же они отделены были один от другого, призвал одного из них и сказал ему: «Состарившийся в злых днях! [...] Если ты сию видел, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?» Он сказал: «Под мастиковым».

Даниил сказал: «Точно солгал ты на свою голову» [...]

Удалив его, он приказал привести другого и сказал ему: «Под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою?» Он сказал: «Под зеленым дубом».

Даниил сказал ему: «Точно, солгал ты на свою голову; ибо ангел божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтоб истребить вас».

Тогда все собрание закричало громким голосом [...] и восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали; и поступили с ними так, как они зло умыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная...

И Даниил стал велик перед народом с того дня и потом¹.

древнееврейск., 24, 13

71. Как один глупец покупал пекинский диалект¹

Жил-был один глупый бездельник. Целыми днями он ничем не занимался, только болтал со своими приятелями, такими же, как и он, бездельниками. Едва где-нибудь соберутся поговорить — он тут как тут.

Однажды зашел при нем разговор о пекинском диалекте, языке чиновников.

— Да,— говорил один, размахивая руками,— пекинский диалект прекрасен. На нем можно разговаривать с начальниками.

А другие кивали головами:

— Да, да, пекинский диалект удивителен. Владеть им — большое дело.

Глупцу западали в память эти слова. Пришел он домой, продал все свое имущество и решил во что бы то ни стало купить пекинский диалект, чтобы разговаривать на нем с чиновниками.

С вырученными деньгами отправился он прямо на базар. По дороге ему встретился человек, торговавший фальшивыми лекарствами. Увидев глупца, который шагал с таким видом, как будто у него было важное дело, хитрец окликнул его:

— Куда ты спешишь так озабоченно? Может, я могу тебе помочь?

— Я хочу купить пекинский диалект,— сказал глупец.

— Пекинский диалект? — спросил хитрый торговец.— У меня его сколько угодно.

— А сколько ты берешь за одну фразу?

— Тебе я уступлю дешево: за одну фразу двести долларов.

Глупец решил, что это в самом деле дешево, и стал учиться у хитреца пекинскому диалекту. Первым делом пошли они оба к берегу реки. Глупец увидал птиц, плававших по воде, и спросил, как они называются.

— Это гуси,— сказал торговец.

Глупец взял это себе на заметку.

Через некоторое время они подошли к павильону.

— Не зайти ли нам отдохнуть? — спросил глупец.

— Нам некогда отдыхать,— ответил торговец.

Глупец и эту фразу запомнил.

Потом они увидели корабли, и он спросил:

— А это что такое?

— Это корабли,— сказал торговец, и глупец опять постарался все как следует запомнить.

Он уже считал, что может разговаривать обо всем, что встретит по пути.

Напоследок они увидели в поле людей, которые что-то сажали. Глупец спросил, что они делают.

— Они сажают тыквы,— ответил торговец.

Тут он заметил, что уже дал дураку обещанные четыре фразы, и если тот действительно расплатится с ним по договоренности, то ему причитается восемьсот долларов. Поэтому он сказал:

— Я уже продал тебе четыре фразы пекинского диалекта. Пожалуйста, расплатись со мной.

Глупец отдал ему все свои деньги и гордо пошел домой, беспрерывно повторяя про себя выученные фразы.

Через год случилось так, что по соседству убили человека. Уездный начальник начал расследование. Но семья боялась, что не сможет понять языка начальника, и была этим очень озабочена.

Вдруг кто-то вспомнил:

— Да ведь тут неподалеку живет человек, который учил пекинский диалект и отдал за это много денег. Лучше всего обратиться к нему.

Семья убитого так и сделала. Глупец был горд, он решил, что наконец-то настал его час, и с удовольствием отправился в путь, повторяя про себя заветные четыре фразы. Все в деревне смотрели на него с огромным уважением, а он шел ни на кого не глядя, с высоко поднятой головой.

Не дожидаясь вызова, он явился к уездному начальнику, чтобы от имени семьи убитого дать показания на настоящем пекинском диалекте.

— Кто убил этого человека? — строго спросил его начальник.

Глупец быстро ответил:

— Это я. (По звучанию совпадает с «это гуси».)

— Почему же ты его убил? — спросил чиновник.

Дурак в ответ произнес:

— Его нельзя было оставить в живых. (Звучит как «нам нельзя отдыхать».)

Услышав такие откровенные признания, начальник сказал:

— Раз ты сам сознаешься, что убил его, у меня больше вопросов нет. Ты подлежишь наказанию.

Дурак ответил:

— Я тоже этого хочу. (Звучит как «это корабли».)

Начальник подумал, что перед ним поистине храбрец.

— Тогда ты будешь казнен.

Дурак же, ничего не слушая, произнес свою четвертую фразу:

— Проклятый чиновник! (Звучит как «они сажают тыквы».)

От этих слов начальник пришел в такую ярость, что велел казнить глупца без промедления.

китайск., 113, 141

72. Как справедливость может обернуться несправедливостью

В давние времена жили-были два человека. Один был беден, другой — богат. Бедняк взял у богатого двух коров и пас их. В награду он получал от обеих коров молоко.

Богач был добрый человек. Однажды он сказал бедняку:

— Если ты и дальше будешь пастись моих коров и они принесут телят, я отдам часть их тебе.

И вот принесли коровы телят. Богач пришел к бедняку и сказал:

— Давай делить коров.

— Каких коров? — ответил бедняк. — У меня нет твоих коров.

Богач возмутился и стал спорить. Наконец решили они пойти к султану. По пути встретился бедняку его приятель.

— Куда идешь? — спросил он.

— Я иду с этим богачом к султану, — ответил бедняк.

— А какое у тебя к нему дело?

— Этот богач собирается жаловаться на меня. Я пас его коров, а теперь не хочу их ему отдавать.

Приятель сказал бедняку:

— С султаном тебе будет не так просто.

— Что же мне делать? — спросил бедняк.

— Пойдем вместе, — ответил приятель, — я тебя научу, что делать. Когда мы придем к султану и он станет спрашивать у тебя, как было дело, ты не отвечай ему ни слова. Говори только: «Гм, гм». А я назовусь твоим свидетелем и помогу тебе.

Пришли они к султану. Богатый рассказал, как было дело. Султан стал спрашивать о том же бедняка. Но тот отвечал лишь одно: «Гм, гм, гм!»

Тогда султан обратился к приятелю бедняка:

— Ты можешь что-нибудь сказать об этом деле? Что с твоим другом?

Приятель ответил:

— Этот человек от рождения немой. Его язык беспомощен. Коровы же принадлежат ему, а не богачу. Богач давно зарился на этих коров и хотел воспользоваться его беспомощностью. Он думал: раз бедняк не умеет говорить, он не сможет постоять за себя.

Услышав такое, султан очень разгневался.

— Ты совершил большую несправедливость,— сказал он богачу.— Зачем ты привел ко мне этого бедного человека?

С этими словами он прогнал богача. А бедняк и его друг пошли домой.

Когда они добрались до дому, приятель сказал бедняку:

— А теперь давай делить коров. Ведь мне причитается доля за помощь.

Но тот ему ответил:

— Гм, гм, гм!

Приятель рассердился:

— Ах, раз так, пойдём со мной к султану.

Пошли они к султану. Приятель, недавний свидетель, сказал:

— Султан, коровы, о которых шла речь, принадлежат богачу.

— Но недавно ты говорил, что коровы принадлежат бедняку,— заметил султан.— А ты что скажешь на это? — обратился он к бедняку.

Тот повторял свое:

— Гм, гм, гм.

— Он прекрасно умеет говорить,— вступил приятель,— сейчас он только притворяется.

Тут султан рассердился:

— Если ты сейчас уверяешь, что он умеет говорить, значит, ты в прошлый раз лгал?

И он прогнал его, а коров оставил бедняку¹.

ираку, 106, 190

73. Хитроумный служка

Как-то раз пошел один настоятель служить заупокойную требу, а служка остался храм сторожить. Сначала читал он сутры*, а потом надоело ему, и заснул он крепким сном. Вдруг слышит спросонок голос у входа, кто-то спрашивает: «Можно войти?»

Вышел служка из храма, впопыхах протирая глаза, и видит: пришла соседская старуха с большим узлом.

— Передай, — говорит, — настоятелю угощение ради праздника!

Взял служка узел, а оттуда теплый пар идет. Да так вкусно пахнет!

— Э, да она, кажется, данго * принесла! Оставить их настоятелю, так он, по своей жадности, сам все съест, не даст и попробовать. Отведаю-ка сначала я сам!

Развязал служка узел, а в нем — ларчик, полный теплых, свежих данго. Принялся служка уплетать их за обе щеки, и сам не заметил, как все съел. Только тогда спохватился служка:

— Ай, ай, пропал я! Что теперь настоятелю скажу?

Стал он думать, как из беды выпутаться. И придумал. Схватил служка ларчик из-под данго и поставил в алтаре перед статуей Амиды¹. Потом собрал остатки угощения, прилипшие к ларчику, обмазал рот статуи и снова начал читать сутры.

Вернулся настоятель и спрашивает:

— Приходил без меня кто-нибудь?

— Соседская старушка приходила, принесла ларчик с чем-то. Говорит, это вам по случаю праздника.

— А где ларчик?

— Я его в алтаре поставил перед статуей Амиды.

— Молодец, хорошо сделал. Ну-ка где он, этот ларчик?

В самом деле, у подножия статуи Амиды стоял большой ларец. Открыл его настоятель, а в нем пусто.

— Эй, служка, это ты все поел? — сердито закричал настоятель.

А служка отвечает без тени смущения:

— Что вы, неужели бы я осмелился? Как же можно?

Потом оглянулся по сторонам вокруг и воскликнул:

— А, вот оно что! Это Амида все слопал! Смотрите, у него весь рот измазан!

Взглянул настоятель на статую:

— Так и есть! Вот наглая статуя, как бесчестно поступает! — Да как хлопнет Амиду по голове ручкой опахала.

Бронзовая статуя так и загнула:

— Он-н! Он-н!

— Ах так? Ты еще и отпираешься, на другого сваливаешь? Вот же тебе за это!

Снова стукнул настоятель статую по голове, и снова гул прошел:

КЛД

— Он-н! Он-н!

Настоятель поглядел на служку и спрашивает угрожающе:

— Слышишь? Амида говорит: «Он! Он!» Значит, все-таки ты угощение съел.

— Да разве от одного битья статуя сознается? — отвечает служка. — Нужно устроить испытание кипятком!

Нагрел он воды в большом котле да как плеснет на статуя крутым кипятком!

Повалил во все стороны пар, потекла вода, зашипело, забулькала, точно Амида признается:

— С-с-слопал! С-с-слопал!

Служка и говорит:

— Слышите, настоятель? Я же вам говорил! Вот он и сознался!

японск., 104, 211

74. Привычка

Есть брахманская деревня под названием Видьястхана. В ней жил брахман Кешава. Пошел он однажды купаться и у пруда увидел прелестную купеческую дочь. Ему захотелось вступить с ней в связь. Однажды, когда он выходил из воды, она сказала ему: «Подними мне на голову второй кувшин». Он поднял и поцеловал ее в губы. А муж увидел это и повел его к царю. Как спастись брахману? Вот вопрос...

У брахмана был друг, по имени Витарка. Этот Витарка подошел к нему и шепнул: «Друг, когда придешь во дворец царя, все время чмокай губами и ничего не говори». Брахман так и поступил. Министр сказал: «Никакого преступления этот человек не совершил. Это у него от рожденья привычка такая». Так и оправдался брахман перед людьми благодаря спасительной мудрости Витарки.

индийск., 66, 236

75. Хитрая женщина

Жила-была женщина, и у нее был любовник. Однажды ночью их застал муж. Он убил любовника, а сам убежал. Женщина тотчас сварила труп, сделала из него похлебку и скорми-

ла ее свиньям. Так все и обошлось. Через некоторое время муж вернулся и с удивлением узнал, что дело осталось без последствий. Ночью жена ему рассказала, как она поступила, и, когда они с удовольствием обсуждали эту историю, их подслушал сосед, который в это время справлял нужду у стены. Поскольку у него были счеты с этой семьей, он на них донес.

На суде женщина сказала:

— Мой муж ничего не знает. Я все сделала вместе с истцом. Он тоже был моим любовником. А сейчас у него зло на меня, поэтому он донес.

Суд оправдал мужа, а жалобщика наказал за убийство.

китайск., 113, 116

76. Лай и Амаирми

Однажды Лай и Амаирми¹ вместе гнались за зеброй. Вскоре Лай устал и сказал Амаирми:

— Я устал, понеси меня, Амаирми!

— Хватайся за мой хвост,— ответила Амаирми,— я тебя понесу. А сама подумала: «Понесу его немного, а потом съем».

Лай схватился левой рукой за большой хвост Амаирми, а правой достал свой нож.

— Ты хорошо держишься? — спросила Амаирми.— Я совсем тебя не чувствую.

— Хорошо,— ответил Лай и стал ножом резать ей хвост.— А теперь ты чувствуешь что-нибудь? — спросил он.

— Нет, я ничего не чувствую.

Лай стал резать дальше, пока Амаирми не закричала:

— Ой, что-то меня кусает!

— Это, наверно, мухи,— ответил Лай.— Они облепили твой хвост.

— Что это за мухи, которые так сильно кусают?

— Это такие кусачие мухи,— ответил Лай.— Беги побыстрей, чтобы они отстали.

Амаирми побежала быстрее, а Лай тем временем отрезал ей хвост. Амаирми почувствовала, что ей стало намного легче, и спросила:

— На месте ли мой хвост?

Лай ответил:

— Хвост на месте, но он, кажется, разлетелся в клочья.

— Как же это? — в ужасе воскликнула Амаирми. — Я хочу взглянуть на него.

Она обернулась и закричала:

— Где же мой длинный хвост?

— Наверно, ты его потеряла по дороге, — ответил Лай.

— Что ты наделал, Лай! — запричитала Амаирми. — Ты отрезал мой хвост!

— Как я мог его отрезать? Это мухи его сожрали.

— Оставь свои разговоры! — кричала Амаирми. — Сейчас я тебя убью!

В это время навстречу им вышла сестра Амаирми. Лай испугался, потому что он был один.

— Что у вас случилось? — спросила их сестра Амаирми.

— Вот он отрезал мой хвост, — ответила Амаирми.

Сестра посмотрела на ее хвост и засмеялась. Амаирми в гневе прыгнула на Лая, но он успел увернуться.

— Почему ты на него бросаешься? — спросила сестра. — Так не годится. Дело надо передать правителю этой страны, пусть вынесет приговор. А ты, сестра, знай, что в нашем доме тебе нельзя теперь появляться, потому что у тебя нет хвоста.

Амаирми заплакала. А Лай спросил:

— Кто ваш султан?

— Наш султан — змея Харарио, — ответила сестра Амаирми.

— Нет, к нему я не пойду, — сказал Лай, — он не сможет нас правильно рассудить. Лучше пойдем к нашему султану.

— Ваш султан велит осудить меня, — возразила Амаирми, — я к нему не пойду.

— Вы к моему не хотите, и я к вашему не хочу, — ответил Лай. — Каждому дорога своя жизнь.

— Тогда верни мне мой хвост! — закричала Амаирми.

— Где я его возьму? — ответил Лай [...]

Наконец он согласился идти к змее Харарио. По дороге он набрал красной земли и вымазал себе колени, как будто они были в крови.

Амаирми побежала к султану первой, а Лай пошел, хромя, словно еле-еле передвигал ноги.

Харарио выслушал жалобу Амаирми и сказал:

— Я знаю Лая, он очень хитрый человек. Пусть придет. Где он?

— Он немного отстал, — сказала Амаирми.

Харарио послал гонца поторопить Лая.

— Султан требует, чтоб ты шел побыстрее, — сказал гонец. — Почему ты еле тянешься?

— Дурак, — закричал на него Лай, — разве ты не видишь, что я болен и с трудом передвигаю ноги?

И он продолжал идти не торопясь. Явившись к султану, Лай притворился совсем больным, начал тяжело стонать и охать.

— Здравствуй, султан, — еле выговорил он наконец.

— Здравствуй, нехороший ты человек, — ответил Харарио. — Зачем ты оскорбил моего гонца да к тому же отрезал хвост у Амаирми? Чувствуешь ли ты себя виноватым?

Лай сел на землю и сказал:

— Я не знаю. Посмотри сам в свои законы, и ты увидишь, виноват я или не виноват.

— А что с твоими коленями? — спросил султан.

— Посмотри, посмотри в свои законы, — вместо ответа продолжал твердить Лай, — ты все в них увидишь.

Султан повернулся к Амаирми:

— Это ты его так отделала? — спросил он. — Смотри, он весь изранен.

— Посмотри лучше на мой хвост, — сказала Амаирми, — насколько он стал короче!

— Да, я вижу, — возразил султан, — и я уже решил в душе, что Лай достоин смерти. Но так тоже не годится. Идите каждый своей дорогой.

— Как, ты его отпускаешь ненаказанным? — спросила Амаирми.

Лай попытался встать, но никак не мог этого сделать. Ему помогли подняться.

— Он все равно не жилец на этом свете, — сказал султан Амаирми. — Неужели ты не видишь, что здесь не нужен мой приговор? Подожди немного, пока он сам умрет.

Лай медленно пошел прочь. Удалившись на значительное расстояние, он крикнул:

— Я — Лай!

И побежал дальше со всех ног. Султан только вскрикнул от изумления. А Амаирми сказала:

— Видишь, только что он был болен, а теперь оказался здоров и силен. Я больше знать не хочу ваших законов! Пусть теперь лучше каждый сам судит, как считает справедливым.

— ираку, 107, 108

О СЛЕДАХ, УЛИКАХ И СУДЕЙСКОЙ СМЕТЛИВОСТИ

77. Следы жира

— Да продлится жизнь твоя, Мелик! — сказал мясник Али. — Этот человек украл мои деньги, а говорит, что не брал. Когда я продавал мясо, только он стоял у прилавка, больше никого не было.

— Что же мне теперь делать? — растерялся Мелик-Шахназар. — Ведь на твоих деньгах не написано твое имя. Все деньги схожи. Как же я угадаю, чьи это деньги — твои или его?

В это время пришел Пулу-Пуги. Узнав, о чем спор, он попросил принести миску горячей воды.

«Что он будет делать?» — недоумевали односельчане.

Когда принесли кипяток, Пулу-Пуги взял деньги, которые отобрали у вора, и бросил их в воду.

— Да продлится твоя жизнь, Мелик! — сказал он. — Смотри, как на поверхности воды блестит жир. Значит, деньги принадлежат мяснику¹.

армянск., 19, 115

78. Как вор украл корову

Купил один человек корову, привел ее домой и пустил пастись, а сам прилегло отдохнуть и заснул. В это время другой человек отвязал корову и увел ее. Проснулся хозяин, увидел, что вор уводит корову, погнался за ним с криками:

— Эй, ты, куда уводишь мою корову?

А вор как ни в чем не бывало идет своей дорогой. Наконец хозяин настиг вора, схватил веревку и попытался отнять свою корову. Тут вор закричал:

— Ты что, спятил? Я веду корову из дому. Как ты смеешь отнимать ее да еще ругать меня вором?

Спорили они, спорили и к судье пошли. Судья в их деле разобраться не смог и повел обоих к королю.

Хозяин коровы пал ниц перед королем и сказал:

— Ваше величество, я только что купил корову, привел ее

домой, пустил пастись, а сам прилег отдохнуть и задремал. Просыпаюсь и вижу — вот этот человек уводит мою корову. Бросился я за ним, хочу скотину отнять, а он не отдает ее, спорит и доказывает, что корова не моя, а его.

— А чем ты кормил корову? — спросил король.

— Травой, ваше величество, — ответил озадаченный хозяин.

Тут заговорил вор:

— Ваше величество, я вел корову из дому. Вдруг этот человек набросился на меня, веревку вырывает, в краже обвиняет.

— А ты чем кормил свою корову? — спросил король.

— Горохом, ваше величество.

Приказал король слуге принести жвачку коровы. В жвачке была одна трава и никаких следов гороха. Тогда король приказал отдать корову ее хозяину, а вора наказать плетьюми.

камбоджийск., 67, 297

79. [Сикхалол и Лизор]

[...] Однажды Сикхалол с несколькими юношами поехал кататься на лодке. Юноши стали купаться, а в лодке остался один Сикхалол. Лодка стояла у берега, недалеко от хижины, где женщины живут во время месячных. В это время там находилась Лизор. Она увидела Сикхалоло и подумала: «Кто же этот красивый юноша?» Лизор вошла в воду и ухватилась за лодку.

— Отпусти лодку, — попросил Сикхалол.

— Иди ко мне, — позвала его женщина, — мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я не могу сойти на берег, — отвечал юноша, — я без набедренной повязки.

Лизор придвинулась к нему поближе и сказала:

— Приходи ко мне вечером, и мы поласкаем друг друга.

— Но я не знаю, где ты спишь.

— Сейчас я живу вон в той хижине. Приходи туда.

— Ладно, приду, — сказал юноша и отплыл от берега.

Дождавшись темноты, Сикхалол отправился к Лизор, и они провели вместе всю ночь. А перед рассветом юноша вернулся домой. И так они стали делать каждую ночь.

Прошло десять дней, и вождь Соксурум пришел за женой.

Он удивлялся, почему Лизор так долго остается в хижине. Но женщине не хотелось возвращаться домой. Она обманула мужа, сказав, что ее нечистое состояние еще не кончилось. На самом деле она собиралась по-прежнему принимать юношу [...]

Прошло много времени — больше трех месяцев. Однажды во время любовной игры Сикхалол случайно расцарапал ногтями щеку Лизор.

А вождь Соксурум с нетерпением ожидал жену. Наконец он пришел за ней в хижину.

— Ты меня обманываешь! — воскликнул вождь. — Ты живешь здесь уже почти четыре месяца!

Сначала женщина отказалась уходить домой, но муж разгневался, и ей пришлось покориться.

На щеке Лизор все еще были видны царапины, оставленные Сикхалолом. Чтобы муж не увидел их и не догадался, откуда они взялись, женщина стала начесывать на щеки свои длинные волосы. Но Соксурум уже заметил царапины и думал, откуда они могли взяться. Однажды он откинул волосы жены с ее щек и потребовал:

— Расскажи-ка, отчего у тебя царапины!

— Не знаю.

— Ты с кем-нибудь путалась?

— Нет! — воскликнула Лизор, но муж ей не поверил.

Он взял духовую раковину и протрубил. Сразу же все мужчины селения собрались у дома вождя. Соксурум велел им по очереди подходить и прикладывать руку к лицу жены. Он хотел найти того, кто оставил царапины. И пока мужчины один за другим подходили к Лизор, вождь стоял рядом. В руке он держал топор и был готов снести голову виновному.

Но вот все мужчины прошли испытание, и оказалось, что виновного среди них нет.

Тогда вождь велел назавтра прийти тем, которые жили в стороне от селения. [Среди этих людей был и Сикхалол. Все мужчины прошли испытание. На подозрении оставался оди Сикхалол.]

Соксурум велел юноше подойти и приложить руку к щеке Лизор.

— Если ты виновен, я тебя убью! — воскликнул вождь и сжал топор.

Сикхалол приложил пальцы к щеке женщины, и стало ясно,

что это он оставил царапины. Разгневанный вождь замахнулся топором, но Сикхалол был уже обучен защищаться. Он выхватил топор из рук Соксурума и отрубил ему голову [...]

микронезийск., 76, 298

80. Тяжба с баньяном¹

Давным-давно жили на свете муж с женой. Муж занимался торговлей: продавал благовония. Детей у супругов не было. По торговым делам муж часто уезжал в далекие края, лишь изредка доводилось ему жить в своем доме. Однажды, когда он давно уже не появлялся в родной деревне, его жена приглянулась деревенскому старосте. Власть старосты, как известно, велика, потому староста без труда соблазнил жену торговца и стал навещать ее по ночам. Однако он был осторожен: чтобы никто не догадался о его утехах, староста заглядывал в дом торговца, лишь когда совершал ночной обход. А такой обход, все знают, старостам полагается делать каждую ночь. В деревне никому и в голову не приходило заподозрить старосту в ночных шалостях.

Между тем муж торговал в дальних краях, и все ему недосуг было заглянуть домой. Дела его шли хорошо, и он заработал большие деньги. Только когда прошли три года, незадолго до годовщины смерти своего отца, торговец вдруг затосковал по дому, подсчитал барыши и отправился в обратный путь. Он был уже совсем близко от своей деревни, когда наступила ночь. Вспомнив о деньгах — а достались они ему нелегко, — он подумал: «Я ведь так давно не был дома! Как знать, не случилось ли там чего за это время?» Достал он из котомки мешочек со ста двадцатью лянгами² серебра, подошел к огромному баньяну, что на самом краю деревни, залез повыше и спрятал деньги в дупле. Потом сказал баньяну:

— Ты знаешь меня, о баньян! Я из этой деревни. С большим трудом я скопил эти деньги, а теперь доверяю их тебе и заклинаю: сохрани их.

Когда торговец переступил порог родного дома, жена приветливо встретила его и кинулась накрывать на стол. Но когда она увидела пустой кошелек, стала браниться:

— Проторговался ты, а я тут ждала тебя, страдала! Небось даже ни разу не вспомнил обо мне! Куда же ты дел все деньги? О небо, за что же такое наказание?

Торговец убедился, что жена по-прежнему любит его, и успокоился. А когда они легли спать, он рассказал жене обо всем, не утаил и о том, что спрятал деньги в дупле баньяна.

Он не знал, что в эту ночь после обхода староста по привычке заглянул в его дом. Собаки давно уже принимали старосту за своего, к тому же он научился ловко открывать ворота. Староста уже собирался было проскользнуть в дом, как услышал голоса. Он догадался, что вернулся из дальних краев торговец, остановился и прислушался. Тут-то староста и узнал, что торговец благовониями спрятал деньги в дупле баньяна. Он обрадовался и, не теряя времени, разыскал спрятанные деньги. И проделал все это он так ловко, что никто ничего не видел.

На другой день рано утром торговец отправился за своими деньгами, но, как говорится, деньги хоть и не имели крыльев, но все-таки улетели. Торговец не нашел на месте своих денег и опечалился. Ведь бедняга не знал даже, кого и заподозрить. Он бил себя кулаком в грудь и жаловался на свою горькую судьбу. Потом он узнал, что неподалеку от тех мест живет высокомуудрый старец. О нем шла слава, что он искусен улаживать спорные дела. Торговец срубил баньяновую ветку, явился с нею к ученому старцу³ и рассказал ему, что хочет пожаловаться на баньян. Высокомуудрый старец поразмыслил и велел торговцу благовониями оставить у него баньяновую ветку и прийти на другой день утром. Мудрый судья тут же повелел страже со всех сторон огородить баньян и никого к нему не подпускать. А потом приказал вырыть около дерева яму, да так, чтобы никто об этом не знал. В яму же мудрец посадил своего человека и наказал ему все вокруг примечать.

На следующее утро уселся мудрец неподалеку от баньяна. Любопытных собралось — целая толпа. И начали творить суд над баньяном, стали судить дерево. Сначала мудрец сказал, что баньян признался ему. Мол, рассказал баньян, что получил на сохранение мешочек с деньгами, но кто эти деньги взял, назвать не хотел. Сколько ни допрашивал старец, больше баньян ни в чем признаваться не хотел. Как ни усердствовали стражники, баньян только горько плакал. И лишь на третий день баньян назвал наконец имя того, кто украл деньги, но сказал это на ухо одному ему, высокомуудрому старцу, и не захотел сказать об этом во всеуслышание. После этого мудрец велел торговцу благовониями отправляться домой.

— Через три дня вор будет пойман, — промолвил старец. — Ступай, ты получишь свои деньги обратно. Но ты должен уст-

роить в своем доме пир, дабы отблагодарить небо. Да не забудь пригласить на этот пир всех жителей деревни. Пусть они порадуются вместе с тобой твоей удаче.

Потом подозвал торговца к себе поближе и сказал шепотом:

— Когда гости начнут собираться, не вздумай привязывать псов за домом, пусть остаются они во дворе на своем месте.

Торговец благовоениями с величайшим почтением выслушал мудреца. Дома он велел заколоть буйвола и пригласил всех односельчан на пир. Когда гости начали собираться, псы набрасывались на каждого и лаяли до хрипоты. И только одного старосту псы пропустили как своего — ведь недаром он ходил в этот дом целых три года. Люди, которых мудрец спрятал в укромном месте, тотчас выскочили, схватили старосту и привели к судье.

Староста поначалу все отрицал. Но когда мудрец рассказал ему о его ночных похождениях и притом добавил, что баньян с самого начала описал ему, как выглядит вор, староста сознался во всех прегрешениях.

...В наше время в провинциях Нге-ан и Ха-тинь бытует поговорка «Затянуть тяжбу с баньяном». Так говорят об истце, который, затеяв тяжбу по одному поводу, выясняет и кое-что другое, очень для него важное.

вьетнамск., 82, 98

81. Удивительный суд

Один старый торговец шелком отправился как-то раз из Пхеньяна на юг с ценной ношей. Он хотел продать на рынке в Саривоне тридцать два маленьких рулона тонкотканого пестрого шелка. В пути его застала ночь. Ни деревни, ни гостиницы поблизости не было. К счастью, у самой дороги торговец увидел гробницу какого-то знатного человека, окруженную стеной. Справа и слева от погребального холма возвышались два больших каменных изваяния, изображавшие министров или ученых. Рядом с ними стояли два коня. Здесь торговец и решил заночевать. Он связал вместе все свои рулоны с шелком и положил их под голову. Утомленный жарой и долгой дорогой, он очень скоро заснул.

Когда он утром проснулся, связки шелка под его головой не

оказалось, вместо нее лежал жесткий камень. Торговец в ужасе вскочил: все плоды его многолетнего труда, которые должны были дать пропитание ему и его семье, были кем-то похищены. Он тут же поспешил к мандарину и рассказал ему о своей беде.

Мандарин этот был известен своей справедливостью к бедным и угнетенным; к злоумышленникам же он был беспощаден. За это народ его любил и славил.

Выслушав торговца, мандарин-судья спросил его:

— Не видел ли ты кого-нибудь поблизости от гробницы?

— Никого, господин, — ответил торговец, — кроме двух больших каменных изваяний, которые стояли по сторонам погребального холма.

— Значит, ни одного живого существа? — еще раз спросил судья.

— Нет, я действительно не видел ни одного человека.

— Что ж, тогда придется доставить оба каменных изваяния, — решил мандарин, — пусть они будут свидетелями.

Люди были очень удивлены: зачем разорять гробницу и приносить безмолвные изваяния? Но судья стоял на своем.

— Суд и справедливость требуют этого, — сказал он. — Воровство — великое злодеяние, оно отвратительно даже бессловесным существам.

Жителям было очень любопытно, что же будет дальше. Все хотели присутствовать на этом удивительном суде. Судья вначале не разрешал им этого, но наконец согласился, чтобы тридцать человек из числа местных жителей присутствовали при разбирательстве.

Суд начался. Сначала были зачитаны цитаты из классических китайских книг, потом несколько параграфов из местного законодательства. Все слушали молча. Но вот торговец, прочитая, рассказал о своей беде.

Тогда судья громко и торжественно спросил у каменного изваяния, которое было доставлено с гробницы в зал суда:

— Ты украл шелк?

Статуя молчала.

— Раз он не хочет говорить, всыпьте ему шестьдесят палок, — сказал судья.

Служители взяли свои тяжелые дубовые палки и стали бить камень. Тут люди не смогли удержаться от смеха. Услышав это, мандарин внезапно разгневался:

— Когда я выношу свои решения, никто не вправе смеяться! — воскликнул он. — За это вы будете наказаны.

Люди стали просить прощения, но мандарин был неумолим. — Я приговариваю вас к штрафу, — сказал он. — Каждый из вас должен купить рулон шелка и принести сюда.

Тридцать жителей, присутствовавших на суде, попробовали было спорить, но в конце концов вынуждены были подчиниться и, чтобы не получить еще более сурового наказания, покинули здание суда. Через некоторое время они вернулись. Каждый нес под мышкой рулон шелка.

Едва торговец увидел ткань, как он воскликнул:

— Но это тот самый шелк, что у меня украли!

Мандарин расспросил всех, у кого они купили ткань. Доставили в суд продавца, а вскоре нашли и вора.

Так две каменные статуи действительно обличили преступника и доказали, что даже бессловесным существам отвратительно воровство¹.

корейск., 110, 146

82. [Как судья нашел золото]

Один житель Куфы, уезжая надолго из родного города, закопал под деревом в пустынном месте тысячу динаров. Когда же он вернулся, то увидел, что земля под деревом разрыта, корни выворочены, а золото, которое он спрятал, исчезло.

Загоревал он и пошел к судье Шурайху и рассказал ему о случившемся.

— Ступай с миром, — сказал судья, — и приди ко мне через три дня, но смотри никому ничего не рассказывай.

Тот человек ушел, а судья вызвал городского лекаря, к которому обращались со своими немощами и знатные и простолюдины, и спросил его:

— Целителен ли корень того одинокого дерева, что растет в пустынном месте у нас за городом?

— Да, — ответил лекарь, — польза этого корня для больных бесспорна, а целебные свойства его для недужных бесчисленны.

— А не пользовал ли ты кого-нибудь недавно тем корнем? — спросил судья.

— Пользовал, — ответил лекарь, — месяц тому назад занедужил один человек болезнью, излечить которую можно только этим корнем. Я рассказал ему, где растет это дерево, и он исцелился.

Судья отпустил лекаря и вызвал к себе того исцелившегося. Тот пришел, и судья усадил его перед собой, и принялся наставлять и усоветовать мягко и обходительно, и прочел ему несколько подходящих случившемуся стихов Корана, и рассказал несколько соответствующих происшедшему преданий из жизни пророка. Так он размягчил сердце похитителя, тот сам повинился в совершенном и вернул тысячу динаров потерпевшему.

персидск., 14, 111

83. Спрятанный топор

Цзоу Цзин был честный и правдивый крестьянин. Был он беден и жил только тем, что каждый день ходил в горы за хворостом.

Однажды нарубил он две вязанки хвороста и принес их в город на продажу. А в городе жил богач по имени Лу Жи-гань, он-то и купил хворост Цзоу Цзина. Отнес Цзоу Цзин вязанки в дом богача, а сам пошел обратно в деревню.

На другое утро собрался Цзоу Цзин опять идти в горы, хворост рубить, глядь, а топор куда-то исчез. Вспомнил он, что продал вчера хворост Лу Жи-ганю да и позабыл взять свой топор обратно, так и остался он, наверное, в вязанке. Заторопился он снова в город, топор свой искать.

А богач Лу Жи-гань был скупой-прескупой и любил за чужой счет поживиться. Увидели он и его жена, что топор, воткнутый в вязанке, острый, блестящий, и решили тайком оставить его у себя. Пришел Цзоу Цзин за топором, а Лу Жи-гань прикинулся ничего не понимающим и говорит:

— Я вчера купил только твой хворост. Откуда же мне знать про твой топор?

— Я ясно помню, что воткнул топор в вязанку, а хворост продал тебе. Значит, топор наверняка в твоём доме.

А Лу Жи-гань знай отпирается, говорит, что нет топора у него. Начали они ругаться. Лу Жи-гань кричит, что Цзоу Цзин от своей бедности совсем с ума сошел, клеветает на людей. А крестьянин остался без топора, нечем теперь хворост рубить, рассердился, действительно, а тут еще богач кричит, что он клеветает, на людей наговаривает. Рассвирепел Цзоу Цзин еще больше и давай тоже ругать Лу Жи-ганя.

А у Лу Жи-ганя и деньги есть, и сила. Как это он спустит,

что Цзоу-Цзин ругал его! Схватил он бедняка и потащил в ямынь * жаловаться.

А начальник уезда, конечно, знал, что Лу Жи-гань местный помещик. Выслушал он дело и как заорет на Цзоу Цзина:

— Ясно, ты клеветешь! В доме у Лу Жи-ганя полно денег, неужели же ему понадобился твой топор?

А как раз в этот день приехал в эти места Бао-гун по своим делам и остановился прямо в ямыне. Услышал он об этом деле и подумал: «Этот дровосек Цзоу Цзин, наверно, в самом деле оставил свой топор в вязанке, иначе он не осмелился бы спорить с Лу Жи-ганем». И Бао-гун тайком послал одного из стражников к богачу домой.

— Твой муж проиграл дело в ямыне и признался, что топор спрятан у вас дома. Ну-ка давай его сюда скорей! — сказал стражник жене богача.

Услышала женщина, что ее муж уже все рассказал. Делать нечего, принесла топор. Унес стражник топор и передал его Бао-гуну. А Бао-гун приказал сперва найти еще один топор, вынес его к Цзоу Цзину и говорит:

— Посмотри-ка, твой топор или нет?

Поглядел крестьянин и отвечает:

— Это не мой!

Велел тогда Бао-гун принести топор, взятый из дома Лу Жи-ганя, и крестьянин тут же сказал:

— А вот этот мой!

— Цзоу Цзин оставил топор в твоём доме, а ты спрятал его. Твоя жена уже отдала его, что ж ты еще отпираешься? — сказал Бао-гун помещику.

Услыхал Лу Жи-гань, что жена отдала топор, не стал дальше отпираться и признался во всем.

А Бао-гун решил проучить богача и говорит:

— Цзоу Цзин беден, он только и живет тем, что каждый день ходит с этим топором в горы, хворост рубить. А ты, помещик, решил присвоить его топор да еще явился с жалобой, что дровосек клеветает на тебя. Вот уж ясно, что называется «пользуешься силой, чтоб обмануть человека!»

И Бао-гун приказал стражникам побить Лу Жи-ганя и выгнать из ямыня. Увидел уездный начальник, как искусно решил дело Бао-гун, и стало ему обидно и грустно, и он преклонился перед талантом Бао-гуна.

84. Лиса в личине короля

Однажды хитрая лиса пробралась в деревню. Она долго рыскала по курятникам, свернула головы несколькими петухам и, объевшись, легла спать.

Случилось так, что в тот же курятник пробрался хорек. В темноте он наткнулся на лису. Перепуганная лиса прыгнула с полатей и попала в чан с краской. Выбравшись из чана, она бросилась в лес.

Пришел солнечный день. Шерсть на лисе подсохла. Но странное дело! Шкура лисы стала походить цветом на бирюзовый камень. А как известно, этот камень в Тибете ценится больше других. Обрадовалась лиса, задрала голову, надулась, ходит важная, ни на кого не глядит.

Повстречал лису заяц.

— Ты кто такая и откуда? Зверь с такой шкурой мне не знаком!

— Я королева всех зверей. Меня зовут Цзаца. Я спустилась на землю по велению небесного императора.

Быстро разнеслась по лесу молва: новая королева объявилась!

Стали звери один за другим на поклон к лисе приходить. Ее окружили почетом, лучшим мясом угощают, родниковую воду ей носят. А гордая лиса забралась на спину к слону и оттуда командует:

— Медведь, принеси мне мед! Лань, сбегай в поле за ягодами! Хорек, раздобудь мне свежей курятины...

Все звери повинуются новой королеве. Даже лев, гроза лесов, день и ночь стоит на страже — охраняет строгую королеву.

И вот однажды лисица захотела, чтоб на нее посмотрела родная мать.

«Пусть знает, какова у нее дочь! Без ее помощи в королевы выбилась!» — подумала лиса и приказала:

— Тигр, беги за девять гор и девять рек. Там у ключа найдешь нору, в норе живет моя мать! Вели ей явиться сюда.

Не посмел послушаться храбрый тигр. Бросился он на поиски матери королевы. Девять гор и девять рек — не преграда для тигра. Вмиг добежал он до звонкого ключа, отыскал нору, а в норе...

Смотрит тигр и глазам не верит. «Так ведь это обыкновенная лисица! Значит, и наша „королева“ тоже из той же породы!» — пронеслось в голове Тигра. И, ни слова не говоря, тигр ринулся

обратно. Добежал до последней горы, откуда весь лес был виден, да как закричит:

— Гоните шарлатанку! Бейте ее! Это не королева, а самая обыкновенная лиса! Я только что видел ее мать!

Но, как говорится, не пойманный — не вор. Стали судить да рядить звери, как доказать, что королева — простая лиса.

И тогда хитрый хорек, которому больше других пришлось быть у королевы на побегушках, предложил:

— Слышал я, что лисицы хорошо плавают. Пошли к реке и устроим там гонки. Если королева всех обгонит, пусть и впредь остается на троне.

Так и сделали. Подошли к реке. Хорька назначили судьей. По его команде кинулось зверье в воду. И вдруг все увидели, что прозрачная вода вокруг лисы замутилась. Остановили гонки, вытащили королеву из реки — сразу все стало ясно!

А лиса стояла посреди зверей, опустив голову и поджав хвост.

— Пошла прочь, — сурово проговорил старый слон. — Таким «королевам» не место у нас.

Он приподнял мошеницу хоботом и швырнул ее далеко на другой берег.

тибетск., 69, 84

85. Неразрешенные судебные дела

Давным-давно жил некий хан. Когда он перекочевывал, то на новом месте ставил рога антилопы, чтобы они охраняли его от всякой нечисти.

Как-то один охотник вздумал принести в подарок хану лебедей. Пошел он к озеру, улегся там с ружьем наготове и стал поджидать дичь. Прилетели на озеро семь лебедей. Охотник решил всех застрелить, когда они поднимутся в небо и вытянутся в один ряд. Пока он ждал, другой охотник выстрелил в лебедя и убил его наповал. Привязал убитого лебедя красной шелковой ниткой к поясу и понес в подарок хану. Явился к хану и первый охотник и так сказал:

— Всесильный хан, я лежал на берегу озера и ждал, когда семь лебедей поднимутся в небо и вытянутся в ряд, чтобы одним выстрелом убить всех разом и отнести вам в подарок. Откуда ни возьмись, другой охотник подстрелил одного лебедя и понес

вам, а остальных спугнул, и они улетели. Прошу вас, хан, созвать справедливый суд и заставить охотника оплатить мне семь лебедей.

В ответ на это хан и говорит:

— Неизвестно еще, смог бы ты убить всех семерых лебедей одним выстрелом, а потом охотник, на которого ты жалуешься, явился ко мне раньше тебя и не с пустыми руками, как ты, а с лебедем. Поэтому я отказываюсь вас судить.

Так и не удалось рассудить охотников.

Во владениях того хана жил богатый гелюнг *. Когда табуны гелюнга гнали на водопой, то все заранее должны были перекочевывать в другие места, чтобы не мешать им.

Однажды, когда табун гелюнга должен был пойти на водопой, все население перекочевало, на пути осталась лишь одна кибитка бедняка, у которого рожала жена.

Когда табуны шли, то подняли они такой шум, что новорожденный у бедняка скончался. На другой день бедняк пришел к хану с жалобой.

— Вчера, хан, когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, моя жена родила ребенка, но новорожденный скончался от шума. Прошу вас, хан, созовите суд и накажите виновного.

— Наверно, табуны, проходя через твою кибитку, задавили твоего сына? — спросил хан.

— Нет, табуны шли не через мою кибитку, а мимо, но, если бы они не проходили мимо кибитки, ребенок мой не умер бы, — настойчиво сказал бедняк.

«Табуны шли на водопой стороной, кибитку не задевали, а ребенок скончался», — так подумал хан и сказал бедняку:

— Нет, не могу я это рассудить.

Так не удалось разобрать и второе судебное дело, и оно осталось неразрешенным.

Жил-был один мальчик, была у него только мать. Нанялся он к хану пасти телят, играть с его детьми и улаживать их ссоры. Дети хана всегда слушались этого мальчика.

Однажды мальчику сильно захотелось есть, но есть было нечего. Тогда он уговорил ханских детей зарезать теленка. Как решили, так и сделали: теленка зарезали, мясо сварили и съели.

Вечером, когда коровы пришли домой, смотрят — одного теленка недостает. Стали разыскивать, расспрашивать, а ханские дети сознались и выдали зачинщика.

Хан вызвал мальчика и спрашивает:

— Зачем же ты зарезал нашего теленка?

— Есть очень хотелось,— ответил он.

Допросил мальчика хан и решил его казнить. Узнала об этом мать мальчика, прибежала к хану и стала его упрашивать:

— Могущественный хан, не казните моего сына, он ведь не простой, а особенный.

Хану стало любопытно, и он приказал позвать мальчика.

— Есть у меня два неразрешенных судебных дела. Если ты их разрешишь, то я тебя пощажу,— сказал хан.

— Я смогу решить, только скажите, что это за дела,— ответил мальчик.

Хан тотчас же послал гонца за охотником. Привели охотника. Мальчик его и спрашивает:

— Вы хотели одним выстрелом убить сразу семь лебедей?

— Да, я.

— А далеко ли от вас были лебеди?

— За сто шагов.

— А есть ли у вас дети? — спросил мальчик.

— Сынок двухлетний.

— Если вы и вправду искусный стрелок, поставьте своего сына, положите ему на голову лебединое яйцо и со ста шагов одним выстрелом пробейте яйцо. Тогда мы убедимся, что вы смогли бы одним выстрелом убить семь лебедей,— сказал мальчик.

Охотник согласился. Здесь же, у всех на глазах он поставил своего сына, положил на его голову лебединое яйцо и на расстоянии свыше ста шагов одним выстрелом пробил яйцо насквозь, а сын остался невредимым.

Так разрешилось первое дело, и охотнику заплатили за лебедей.

— Есть еще одно дело,— сказал хан.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, на их пути стояла кибитка бедняка, жена которого только что родила. Новорожденный испугался шума и умер. Отец ребенка требует осудить хозяина табунов. Разреши это спорное дело,— обратился хан к мальчику.

— Можно,— сказал мальчик.— Наполните большой котел овечьим молоком, вскипятите его и поставьте в кибитку бедняка.

Подоили овец, наполнили молоком большой котел, вскиптали и поставили в кибитку бедняка. На другой день табуны гелюнга Гаванга погнали на водопой мимо этой кибитки. От шума пенка на молоке порвалась на четыре части.

— Мозг новорожденного подобен пенке на молоке,— сказал

мальчик.— Когда табуны гелюнга Гаванга шли на водопой, не выдержал мозг ребенка, и он умер.

Гелюнг Гаванг был наказан.

Так разрешилось и второе судебное дело.

Хан отменил решение о казни мальчика и сделал его своим судьей.

калмыцк., 48, 166

86. К чему приводит обман

Некий человек по имени Али собирался в путешествие. А деньги решил спрятать. Он взял горшок, насыпал в него деньги, сверху залил их медом и отнес своему другу Танко.

Прошло два года. Танко, думая, что Али уже не вернется, решил посмотреть, что в горшке. Распечатал он его и увидел, что мед испортился. Недолго думая Танко перевернул горшок, и тут из него высыпались деньги. Танко забрал деньги, а в горшок налил свежего меда и снова запечатал горшок.

Спустя некоторое время возвратился Али и попросил у Танко свой горшок. Распечатал он горшок, но денег в нем не нашел. Пришел Али к Танко и сказал:

— Нехорошо делать так, Танко. Если тебе нужны были деньги, я бы и так их тебе дал. Но раз ты взял их без спросу, я требую, чтобы ты вернул их.

Танко стал кричать, что никаких денег он не видел.

Али обратился к судье, но тот отказался разбирать дело, так как Али давал деньги Танко без свидетелей.

Тогда Али рассказал обо всем самому эмиру. Эмир велел позвать судью и советников и спросил их:

— Сколько времени мед может простоять и не испортиться?

— Не больше года,— отвечали они.

— А теперь попробуйте мед в горшке Али и скажите мне свое мнение,— приказал эмир.

Попробовали они мед и подтвердили, что он свежий.

— Ты слышал? — спросил эмир Танко.— Объясни же нам, как мед, простоявший два года, остался свежим?

И эмир приказал вернуть Али деньги, а Танко строго наказал.

хауса, 89, 89

87. Сын богача и бедняк

[...Однажды] сын богача пошел со своей женой на прогулку. На поляне встретили они бедняка. Сын богача спросил:

— Что ты здесь ищешь, бедняк?

— Да что попадетсЯ! А вы чего ищете?

— Мы просто гуляем! Какая у нас забота? Есть, пить и ходить гулять. А когда мы придем домой, рисовая каша будет уже готова. А у тебя тоже так?

— Нет, мне приходится самому добывать себе еду. Зато все остальное делают мои жены.

— И много их у тебя? — спросил сын богача.

— Много, только я обычно не беру их с собой. Но все равно в любом месте у меня есть жена — не одна, так другая! Когда я голоден, они готовят мне пищу. Когда мне холодно, они меня согревают, а когда я промокну — обсушивают. Твоя жена тоже делает так?

— Нет, не делает. И я смогу взять другую, только когда умрет эта!

— Выходит, мои жены лучше! — сказал бедняк. — Хочешь, я покажу тебе одну из них? Пойдем со мной!

Они подошли к реке, и бедняк прыгнул в воду. Вся одежда на нем тут же промокла, и когда он вышел на берег, то весь дрожал от холода. Тогда он развел костер и подсел к огню. Вскоре тело его согрелось. Бедняк перестал дрожать и сказал:

— Вот какие у меня жены! И их много! Если я попаду под дождь, промокну и замерзну, они быстро меня согреют. Если хочешь, я могу с тобой поменяться. Разумеется, только на время. Завтра придешь, вернешь мне мою жену и заберешь свою!

Сын богача отдал бедняку жену и вернулся домой один.

Мать спросила его:

— Сын мой, а где же моя невестка?

— Я променял ее на жену бедняка. От нее куда больше проку!

— Так где же твоя новая жена?

— Она там, на кухне; имя ее — Огонь.

— Бедняк обманул себя! — проговорила мать. — Но, видно, ты сам хотел этого!

Слова матери заставили сына задуматься. Подумав, он сказал себе: «А ведь мать права!» — и поспешил к реке. Но ни бедняка, ни жены там уже не было — они убежали.

На другое утро сын богача увидел, как бедняк с его женой

входили в дом раджи. Не долго думая он бросился вслед за ними, схватил свою жену за руку и хотел было увести ее к себе. Но раджа остановил его:

— Ты почему хватаешь эту женщину?

— Это — моя жена! — отвечал сын богача. — Бедняк хитростью отнял ее у меня!

Раджа сказал:

— А ну подойди ближе, я рассужу вас!

Он подробно разузнал у них обо всем, что произошло накануне, и под конец спросил:

— Так это твоя жена, сын богача?

— Да, моя!

— А может, твоя, бедняк?

— Конечно, моя — и в жизни, и в смерти!

Тогда раджа велел им обоим молчать и подозвал к себе женщину.

— Пощекочи себе горло! — приказал он ей.

Женщина сделала то, что требовал раджа, и ее вырвало листьями таро *, которые они с бедняком ели вчера вечером.

Затем раджа приказал сделать то же самое сыну богача. И тот оторвал жареную рыбу и совсем белый рис, который всегда едят богатые люди.

Потом раджа обратился к бедняку:

— Теперь твой черед!

Бедняк пощекотал себе горло и выбросил из желудка зеленые листья таро.

— Это значит, — кричал раджа, — она не твоя жена, сын богача! Ведь она ела листья — еду бедняков, а в твоём желудке была пища богатых. Выходит, не у тебя отняли жену, а ты сам хотел отобрать чужую!

И раджа присудил женщину бедняку.

А богатых людей с тех пор стали считать большими лжецами.

сималурск., 61, 102

88. [Хитрость Цяо Шуня]

Однажды какой-то человек повесился в чужом доме, и родственники покойного обвинили в убийстве хозяина. Бедняга пошел к Цяо Шуню и спросил у него совета, как быть.

— Вернись домой и вынь повешенного из петли,— сказал Цяо Шунь.

Тот так и сделал.

— А теперь повесь его второй раз,— сказал Цяо Шунь.

Хозяин сделал и это.

— А теперь надень ему на ноги новую обувь,— сказал Цяо Шунь,— и, когда судейские чиновники придут к тебе, скажи им: «Это, наверное, сделали те, кто подал на меня жалобу. Они захотели меня оклеветать. Смотрите: обувь у покойного совсем новая, на подошвах нет ни пылинки. А на шее два следа от петли. Разве не видно, что он был повешен раньше? А потом труп перенесли в мой дом и повесили там еще раз».

Хозяин сказал все, как велел ему Цяо Шунь, и выпутался из беды. А жалобщики сами получили наказание.

китайск., 113, 113

89. «Может ли человек укусить сам себя за ухо?»

Однажды в ту пору, когда ходжа* был кази*, пришли к нему два человека. Один предъявил другому иск:

— Вот он укусил меня за ухо.

— Нет,— сказал другой,— он сам укусил себя за ухо.

Ходжа заметил им:

— Приходите немного позже, я вынесу решение.

После этого он пошел в гарем* и, уединившись в одной из комнат, начал производить опыты, говоря:

— Посмотрим, может ли человек укусить собственное ухо.

В то время как он тянул себя за ухо и старался его укусить, он упал на спину и расшиб голову.

Повязав голову платком, он вышел в суд. Пришли опять тяжущиеся. Истец, желая опровергнуть обвинение, говорит:

— Господин судья, ну будьте справедливы, разве может человек укусить сам себя за ухо?

— Может, сынок, может,— сказал ходжа,— может даже упасть и расшибить себе голову.

турецк., 17, 41

90. Умный вор

Однажды некий человек украл в чужом саду дыню. Только он собрался съесть ее, как его поймал хозяин сада. Повесив дыню вору на шею, хозяин сада повел его к старосте деревни.

Вор шел впереди. Вдруг он сделал вид, что ему холодно, и прикрыл голову и плечи концом панунга *. Теперь уже хозяин сада не видел, что делает вор, а тот спокойно съел всю дыню.

Тем временем они пришли к дому старосты.

— Этот человек украл у меня дыню,— сказал владелец сада.— Я привязал дыню ему на шею и привел его к вам.

— Я думал, что он просит меня проводить его к вашему дому,— ответил вор,— и не знал, в чем он обвиняет меня. У меня нет никакой дыни.

Вор отбросил конец панунга, и все увидели, что под ним действительно ничего нет. Разгневанный староста закричал на хозяина сада:

— Если ты еще раз посмеешь ложно обвинить кого-нибудь, я прикажу строго наказать тебя!

тайск., 72, 127

91. [Как сын выбил отцу зубы]

Жили в одном доме отец и сын. Однажды сын — я уж не знаю, из-за чего — рассердился на отца и ударил его, да так сильно, что выбил ему два передних зуба. Отец пришел в ярость и написал на сына жалобу, обвинив его в злом умысле и недостатке почтения ¹. Но прежде чем пришел чиновник арестовать его, сын успел сбегать к своему другу за советом. Тот придумал хитрость: он укусил парня в левое плечо и объяснил ему, что говорить на суде.

Сын, повеселев, отправился на допрос.

— Как ты посмел выбить отцу зубы? — спросил его уездный начальник.

— Господин судья,— ответил тот,— дело было так: отец укусил меня в плечо и никак не отпускал. Мне стало так больно, что я поневоле дернулся. А отец мой уже стар, вот два зуба у него и выпали.

И он показал судье следы зубов на своем плече. Тогда судья предложил им помириться, и дело на этом закончилось.

китайск., 113, 114

92. [Абунувас и торговец]

Однажды Абунувас сказал:

— Если бы Аллах послал мне девятьсот девяносто девять реалов *, то я не истратил бы ни одного до тех пор, пока у меня не накопилась бы целая тысяча.

Люди, услышав слова Абунуваса, подумали: «Вот сумасшедший! Где это видано, чтобы достать девятьсот девяносто девять реалов, всего на один реал меньше тысячи, и не истратить их? Вряд ли на свете найдется такой человек».

Скоро слова Абунуваса стали известны всему городу.

Один богатый торговец решил проверить Абунуваса. Действительно ли он не будет тратить деньги, если достанет всего на один реал меньше тысячи?

И ночью он тихонько подбросил во двор Абунуваса мешок с деньгами.

Утром Абунувас проснулся и нашел мешок. Обрадовался он находке, принес домой и сразу сосчитал деньги. В мешке оказалось девятьсот девяносто девять реалов, всего на один реал меньше тысячи.

— Хвала Аллаху! — воскликнул Абунувас. — Он услышал мою просьбу и дал мне тысячу реалов. Но пока у меня только девятьсот девяносто девять — один реал я оставляю Аллаху в долг. В следующий раз он вернет его.

Затем он отправился на рынок и истратил все деньги.

На другой день тот торговец узнал, что Абунувас истратил деньги, пришел к нему и спросил:

— Ты нашел во дворе мешок с деньгами?

— Нашел, — ответил Абунувас.

— А сколько было в нем денег?

— Девятьсот девяносто девять, всего на один реал меньше тысячи.

— Ну так верни эти деньги владельцу.

— Почему же я должен возвращать?

— Потому что ты не сдержал своего слова, — ответил торговец. — Помнишь, ты говорил: «Если бы Аллах послал мне девятьсот девяносто девять реалов, я не истратил бы ни одного до тех пор, пока у меня не накопилась бы целая тысяча». А вчера ты их истратил.

— Нет, я не верну деньги, — сказал Абунувас. — Я просил у Аллаха, и он удовлетворил мою просьбу. Но пока он дал мне не тысячу, а только девятьсот девяносто девять реалов, так как

один реал я оставил ему в долг. Разве Аллах не отдаст мне долг? Или это ты подкинул мне мешок?

— Конечно, я, — ответил торговец.

Тут они заспорили и скоро поссорились так, что решили идти к султану Харуну ар-Рашиду ¹.

— Но в таком виде нельзя идти на прием к султану, — сказал Абуновас, — у меня нет хорошей одежды, тюрбана и такого осла, как у тебя. Может, ты дашь мне все это?

— Хорошо, — ответил торговец и приказал слугам принести одежду, тюрбан и привести осла.

Абуновас переоделся, сел на осла, и они отправились во дворец. Когда султан принял их, торговец рассказал, в чем он обвиняет Абуноваса. Затем султан дал слово Абуновасу.

— Этот человек напрасно утверждает, что я взял его деньги, — начал Абуновас. — Может, он скажет, что и осел, на котором я сюда приехал, его?

— А чей же? Конечно, мой, — вставил торговец.

— И платье тоже его? — продолжал Абуновас.

— Конечно, мое.

— И тюрбан тоже его?

— А что же? Разве все это не мое? — завопил торговец.

— Ну вот, видите теперь? — воскликнул Абуновас.

Тогда султан убедился, что Абуноваса обвиняют несправедливо, и велел его оправдать.

Так Абуновас перехитрил торговца ².

суахили, 73, 33

ОБ УЛОВКАХ СУДЕЙ И ТЯЖУЩИХСЯ

93. Охотник на бакланов

Жили два человека. Одного звали Саокае, другого — Пеалоу. Пеалоу был искушен в науках волшебства и часто с помощью своих познаний присваивал чужое добро.

Однажды пошел Саокае охотиться и убил баклана. Увидел Пеалоу, что Саокае вернулся с добычей, и захотелось ему баклана отнять. Думал он, думал и решил так:

— Если Саокае не догадается со мной поделиться, я его за-сужу.

Разделил баклана Саокае, часть сварил, часть зажарил, все сам съел, о Пеалоу и не вспомнил. Пошел Пеалоу к судье и говорит:

— Когда мой отец тяжело заболел, он предупредил меня, что в следующем своем рождении он будет бакланом. Сегодня Саокае убил и съел моего отца. Пусть он мне теперь пеню платит.

Саокае заявил судье:

— А мои родители предупредили меня, что в следующем рождении они рыбами станут, как и все мои предки. Поэтому я истребляю зверей и птиц, которые питаются рыбой. А если подобные звери и птицы в прошлых рождениях были людьми и потомков оставили, пусть эти потомки платят мне пеню за убийство моих сородичей.

Судья не знал, как разобраться в таком сложном деле, и повел спорщиков к королю. Пеалоу, понимая, что дело его проиграно, рассказал все королю и напоследок заявил:

— Саокае убил неведешнего баклана. Этот баклан залетел издалека. Да будет это принято во внимание.

Король спросил:

— А твой отец — баклан, проживающий в наших краях, чем питается? Ест ли он крабов, улиток или рыбу?

— Он ест рыбу.

— Если так, — сказал король, — то Саокае прав, и твой отец действительно истребляет его предков.

И король объявил, что Пеалоу должен стать рабом Саокае.

камбоджийск., 67, 324

94. Мудрый совет

Однажды три товарища отправились в чужую страну. Они вошли в деревню и остановились на ночлег у одной старухи.

Пожелав помыться в бане, они ей сказали:

— Приготовь нам все, что необходимо для купания.

Она все приготовила, забыла лишь положить гребень.

Путники доверили старухе свои деньги, наказав, однако, не отдавать их ни одному из них в отдельности, но лишь всем троим вместе.

Когда они заметили, что среди вещей отсутствует гребень, они послали за ним к старухе одного товарища. Тот же, придя к ней, сказал:

— Мои спутники просили сказать тебе, чтобы ты отдала мне деньги.

Старуха ответила:

— Я не дам денег, пока вы все трое не соберетесь вместе.

Он сказал:

— Сами мои товарищи велят тебе дать мне деньги.

Она встала возле двери, ведущей в баню, он же вошел к своим товарищам и сказал им:

— Старуха стоит за дверьми.

Тогда они крикнули:

— Дай ему, старуха!

Она вынула деньги и вручила ему, а он, взяв их, скрылся.

Товарищи долго ждали, пока он принесет гребень, но он не показывался.

Тогда явилась к ним старуха и сказала:

— Пришел ваш товарищ за деньгами, и я их ему дала, так как вы сами крикнули мне: «Дай ему, старуха!»

Они сказали:

— Мы ему велели принести гребень.

Старуха возразила:

— Он потребовал от меня денег.

Тогда они схватили старуху и повели ее к судье [...]

— Господин, [— сказали они,—] ты должен знать, что нас было трое и мы наказали ей ни одному из нас в отдельности денег не отдавать, но лишь тогда вернуть их, когда мы все трое явемся к ней.

И решил судья, что она должна вернуть им деньги.

Старуха вышла весьма опечаленная, вся в слезах. И повстречал ее пятилетний мальчик.

— О чем ты плачешь, бабушка? — спросил он.

Она ответила:

— Оставь меня в моем горе.

Но малыш был настойчив и не оставил ее в покое до тех пор, пока она не рассказала ему обо всем. Тогда он спросил:

— Дашь ли ты мне одну зузу * на покушку орехов, если я помогу тебе?

Она сказала:

— С большой охотой, если только ты мне поможешь.

— Вернись к судье, — сказал мальчуган, — и скажи ему следующее: «Мой господин, ты должен знать, что трое дали мне эти деньги на хранение, приказав вернуть им лишь тогда, когда все трое будут в сборе. Так прикажи им привести своего това-

рища. Когда они соберутся вместе, все втроем, я отдам им деньги».

Старуха вернулась к судье и говорила с ним так, как научил ее мальчик. И спросил судья тех двоих:

— Так ли обстояло дело, как рассказывает старуха?

— Так,— ответили они.

Тогда судья сказал:

— Приведите третьего товарища, и вы получите ваши деньги¹.

сирийск., 58, 70

95. Мудрый заяц

Один человек нес на продажу пампелмусы, привязанные к двум концам коромысла. Его путь лежал мимо суда. Человек зашел в него и присел отдохнуть в зале.

Через несколько минут послышался какой-то шум. Судья спросил:

— Что это за звуки?

— Господин,— отозвался продавец пампелмусов,— это шум катящейся повозки.

— Нет,— возразил судья,— это не повозка.

Человек упорствовал:

— Это, безусловно, повозка.

— Если это окажется не повозка, то какое наказание ты готов понести? — спросил судья.

— Если это не повозка, господин судья, можете отрубить мне голову! Но если это действительно повозка, то что вы дадите мне, господин?

— Я дам тебе денег.

Шум приближался. Судья приказал, чтобы этот предмет оставили перед зданием суда; он сам вышел на улицу и спросил у возницы:

— Как это называется?

— Это называется дышлом.

— А это?

— Колесом.

— А вот это?

— Ступицей.

На дальнейшие вопросы судьи возница отвечал названиями других частей повозки.

— Я много спрашивал,— заключил наконец судья,— но я не слышал ничего, что назвали бы повозкой. Иди, тебе отрубят сейчас голову!

Продавец пампелмусов очень испугался. Он попросил:

— Подождите, дайте мне время найти защитника! Я хочу доверить ему свое дело. Если он не сможет доказать вам, что я сказал правду, то тогда прошу рубить мне голову.

Человек побежал к зайцу и сказал:

— Господин сопхеа *, придите мне на помощь. Большое несчастье нависло над моей головой, я очень боюсь!

Заяц осведомился о подробностях дела.

— И это все? — сказал он.— Не бойтесь. Я помогу. Я обещаю это вам.

Заяц и его подзащитный отправились в суд. Заяц спросил:

— Господин судья, какое дело этот несчастный затеял против вас?

— Мой дорогой сопхеа,— заявил судья,— этот человек — необыкновенный наглец! Вот что было: я услышал шум и спросил о причине. Этот человек взялся ответить. «Это шум повозки»,— сказал он. Мы поспорили: если это не повозка, он согласился поплатиться головой. Со своей стороны, я обязался дать ему денег, если это окажется повозкой. Наконец появился предмет нашего спора. Мы вышли вместе, чтобы посмотреть на него, и вот никто не назвал это повозкой! Следовательно, я выиграл!

— Господин,— заметил заяц,— вы говорите совершенно справедливо. Несомненно, вы выиграли. Итак, я прошу вас рубить голову этому человеку.

Ответчик ужаснулся. Он воскликнул:

— Это так-то, господин сопхеа, вы мне помогаете? Я доверил вам свою жизнь, а вы сами предлагаете судье рубить мне голову? И в этом заключается вся ваша помощь, которую вы мне оказываете?

— Молчи! — вскричал заяц.— Это было вашим условием; тебе не остается ничего другого, как поплатиться своей головой.

Бедняк, весь дрожа, склонил голову. Судья взял саблю и грозно замахнулся, но заяц остановил его.

— Извините, господин,— сказал он.— Обратите внимание на то, что вы собираетесь отрубить! Как это называется?

— Это волосы.

- А как называете вы это?
- Кожей.
- А что находится под кожей?
- Череп.
- Так что же вы хотите отрубить?
- Голову.

— Но, господин, я вижу волосы, кожу, череп, но не голову! Когда вы бились об заклад, вы не видели повозки. В свою очередь, я не вижу головы. Если вам будет угодно показать мне голову, я покажу вам повозку.

Было решено, что судья и продавец пампельмусов квиты.

камбоджийск., 88, 93

96. [Министр и кирпичник]

Однажды министр подал императору жалобу на кирпичника. Он утверждал, что кирпичник, копая глину, перерезал «драконову жилу»¹, в которой находилась могила его отца. Кирпичник пошел за помощью к Цяо Шуню.

- А кто был отец министра? — спросил Цяо.
- Тоже министр, — ответил кирпичник.

Тогда Цяо Шунь написал на листе бумаги: «Если его отец был министр и он сам министр — чего же он еще хочет?» Кирпичник принес эту записку императору. Император прочел ее и тотчас отстранил министра от должности. Так кирпичник с помощью Цяо Шуня выиграл это дело.

китайск., 113, 113

97. Мудрый судья

В одной стране жили двое людей, всегда доверявшие друг другу. Один из них был богатым и уважаемым человеком, другой — бедным. Бедняк недоедал и плохо одевался, чтобы скопить денег. Собранные деньги он отдавал на сохранение богачу.

И вот однажды, когда для бедняка наступило трудное время, он пошел к богачу и попросил у него небольшую сумму из своих сбережений. В ответ на это богач сказал, что никаких денег не получал и не понимает, о чем идет речь. Несколько раз бед-

няк приходил к богачу и просил его сжалиться над ним и вернуть деньги, но тот был неумолим. Тогда бедняк решил обратиться к судье. Судья выслушал его и спрашивает:

— Когда ты давал ему деньги, были при этом свидетели?

— Нет, кроме меня и его, никого не было, — отвечает бедняк.

— В таком случае я допрошу его, а ты приходи ко мне через три дня, — сказал судья бедняку.

Мудрый судья вызвал к себе богача и говорит:

— Я вызвал тебя сейчас потому, что скоро уезжаю отсюда и оставляю службу. Я сам узнавал и просил других разузнать, кто здесь самый честный и надежный человек, и все говорят, что ты. Так вот, поскольку я не в состоянии сразу же взять с собой все свои вещи и деньги, я решил часть оставить у тебя. Потом я пришлю к тебе человека и ты передашь ему эти вещи и деньги.

«О, этот судья — важный человек! Он отдаст мне на сохранение много тысяч денег и различные вещи, — подумал богач. — Я возьму их, а потом скажу, что ничего у него не брал, и завладею этим богатством».

Поэтому он с радостью принял предложение судьи. Через три дня, как было условлено, бедняк пришел к судье. Судья сказал:

— Иди и скажи богачу, что, если он не отдаст тебе твоих денег, ты пожалуешься судье. Услышав это, он сразу же вернет тебе все.

Бедняк пошел к богачу и сказал то, что ему посоветовал судья. Тот смекнул, что, если бедняк пожалуется на него, судья узнает о его нечестности и, конечно, не станет оставлять на сохранение свои богатства, и тут же отдал бедняку его сбережения. Так рассказывают...¹

амхарск., 39, 239

98. [Две луны]

Один лукавый человек занял деньги. Он дал расписку, помеченную первым днем пятого месяца лунного года, обязываясь уплатить долг и проценты, когда будет две полные луны.

В конце двух лун, то есть двух месяцев, заимодавец пришел требовать свои деньги. Так как должник отказался платить, то он принес жалобу в суд. Судья вызвал должника, который сказал:

— Я признаю, что занял деньги у жалобщика. Но, согласно нашему условию, я должен заплатить, когда будет две луны. И вот вдруг мой заимодавец приносит вам жалобу до наступления срока. Посмотрите наверх, господин судья: если вы увидите две луны, я заплачу немедленно.

Судья посмотрел на небо и увидел только одну луну. Он объявил, что, согласно расписке, должнику полагается заплатить долг, когда их будет две.

Заимодавец, которому было отказано в иске, посетил зайца сопхеа.

— Ваше дело простое,— сказал тот.— Идите за досками и бамбуком. Сделайте красивый плот. Вечером вы купите рисовой водки, приготовите ужин на плоту, и мы весело поужинаем!

Заимодавец послушался совета. А заяц пригласил судью разделить трапезу и попросил его захватить с собой обоих противников.

Когда наступил вечер, заяц привел приглашенных на плот и предложил им изысканные блюда и рисовую водку. Сам он не ел ничего, кроме спелых бананов и листьев аронника.

Покончив с едой, заяц навел разговор на дело о расписке. Он спросил судью, как тот собирается решить спор. Судья ответил, что дело еще не закончено, что он еще не может высказаться окончательно, но что, несомненно, он будет судить согласно точному смыслу расписки: в ней сказано, что долг должен быть уплачен, когда будет две луны.

Заяц спросил:

— Позвольте ли мне задать вопрос должнику?

— Конечно,— разрешил судья.

— Если я верно понял,— обратился заяц к должнику,— вы обязались заплатить ваш долг не через две луны, то есть два месяца, а когда будут видны сразу две луны? Вы именно так обещали?

— Именно так,— лукаво подтвердил должник.— Пусть мне покажут одновременно две луны, и я готов платить.

— Господин судья,— провозгласил заяц,— в таком случае я прошу вас заставить заплатить долг моему подзащитному немедленно.

Судья поднял глаза.

— Я вижу только одну луну,— сказал он.

— Посмотрите хорошенько, господин судья! Там наверху, в небе, одна луна, и вот другая, в воде. Видите ли вы, госпо-

дин, две луны? Обе они красного золота, обе круглые и полные!

И тогда судья приказал должнику не сходя с места уплатить свой долг.

камбоджийск., 88, 94

99. Как шакал с леопардом судился

Однажды леопард и шакал пошли на охоту. На окраине деревни они захватили добычу: леопард — козу, а шакал — корову. Приволокли они их домой и пустили в поле пастись.

Леопард был недоволен, что добыча шакала была намного больше. Ночью он пошел на пастбище, где паслись корова и коза, и увидел, что корова шакала отелилась. Одолела его зависть, забрал он телянка от коровы и привязал его к козе.

Наутро леопард пришел к шакалу и сказал:

— Как мне повезло! Пошел я сегодня утром в поле, и что же ты думаешь? У моей козы — теленок!

— Неправда! — возразил шакал. — У козы может быть только козленок!

— Пойдем, я тебе докажу, — предложил леопард.

И пошли они с шакалом в поле, где он привязал телянка к козе.

— Теперь ты сам можешь убедиться в том, что я говорил тебе правду, — сказал леопард.

— Только корова может отелиться, и поэтому теленок мой, — упорствовал шакал.

— Ты видишь все своими глазами и продолжаешь со мной спорить? Разве ты не видишь телянка вместе с моей козой?

— Я вижу, — сказал шакал, — но даже если бы я увидел его рядом со слонем, все равно теленок был бы моим.

Так они спорили до тех пор, пока наконец леопард не закричал:

— Пусть нас рассудят! Другие сразу скажут, что правда на моей стороне.

И пошли они искать судью.

Первой, кого они встретили, была газель. Леопард рассказал ей свою историю, а шакал свою.

— Теперь ты видишь, газель, — закончил свой рассказ шакал, — что теленок мой.

Но газель боялась леопарда, как и многие звери в лесу.

Она приняла очень важный вид, прочистила горло и сказала:

— Да, когда я была молодой, в те времена, действительно, только у коров могли быть телята. Но времена изменились. Мир развивается. И сейчас, как вы сами видите, вполне возможно, что отелилась коза. Таково мое мнение, и небо мой свидетель!

Потом они пошли к гиене и опять все ей рассказали. Но гиена тоже очень боялась леопарда, поэтому, когда шакал кончил жаловаться, гиена, приняв озабоченный вид, сказала:

— Я пришла к заключению, что обычные козы не могут иметь телят, но козы, которые принадлежат леопардам, могут. Так я думаю, и небо мой свидетель!

Тогда леопард, шакал, газель и гиена отправились к козлу и еще раз повторили рассказ.

Козел выслушал их в напряженной тишине и, когда они кончили, сказал с важным видом:

— Одно время, действительно, был такой закон, по которому каждый мог родить только существо, ему подобное: львы — львов, козы — коз, а верблюды — верблюдов. Но закон изменился. И сейчас козам разрешается телиться. Это правда, и небо мой свидетель!

— Раз больше нет судей, то теленок теперь мой, — решил леопард.

— Но остался еще бабуин, — возразил шакал, и все направились к скале, где он жил.

Они разыскали бабуина в тот момент, когда он переворачивал камни, чтобы достать из-под них муравьев и личинки.

— Рассуди наше дело, — сказал леопард, и потом оба они, и леопард и шакал, рассказали каждый свою историю.

Бабуин выслушал их внимательно. Закончив рассказ, леопард и шакал стали ждать его решения.

Бабуин не спеша забрался на высокую скалу и оттуда посмотрел на них, но ничего не сказал. В руках он держал маленький камешек и слегка пощипывал его пальцами.

— Ну так как же! — нетерпеливо воскликнул леопард. — Теперь ты понимаешь, в чем дело? Каково же твое решение?

— Подожди немного, — ответил бабуин, — разве ты не видишь, что я занят?

— Что ты там делаешь? — спросил леопард.

— Прежде чем рассудить вас, я должен еще немного послушать музыку, — сказал бабуин.

— Музыку? Какую музыку? — удивились звери.

— А вот то, что я буду играть на этом инструменте, — с раздражением ответил бабуин.

— Ха! Он играет на камне! — засмеялся леопард. — Полюбуйтесь, какого глупца мы просим рассудить нас. Ведь из камня ты не извлечешь никакой музыки!

— Если теленок мог появиться на свет от козы, то почему я не могу извлечь из камня прекрасную музыку? — спросил тогда бабуин.

Леопард смутился.

— Хм, в самом деле, какая красивая музыка, — пробормотал он.

Но другие звери закричали:

— Это правда! Небо нам свидетель, только корова может отелиться!

Все звери ополчились против леопарда, и ему ничего не оставалось, как вернуть теленка шакалу¹.

амхарск., 39, 234

О СВИДЕТЕЛЯХ И ЛЖЕСВИДЕТЕЛЯХ

100. «Лучших свидетелей не найти»

Ходжа был у себя в городе кази. Один человек подал в суд жалобу: «У меня украли тамбур*, я видел инструмент на базаре у такого-то. Верните его мне». Ходжа велел привести в суд обвиняемого и допросил его. «Этот тамбур, — заявил тот, — я купил там-то». Ходжа потребовал доказательств, и человек представил ему свидетелей. «Что вы свидетельствуете?» — спросил ходжа. Свидетели показали: «Тамбур принадлежит этому человеку. Нижняя перегородка испорчена, винты ослабли, на нем шесть струн». Так как все на тамбуре было, действительно, так, как они говорили, ходжа собирался было оставить тамбур у ответчика, но истец заметил: «Нужно еще выяснить, что это за свидетели». Словом, он пожелал их опорочить¹, уверяя, что один из них сводничает мужчин, а другой женщин. Услыхав это, ходжа сказал: «Ну человеку, какая надобность подвергать их очищению? Когда спор идет о тамбуре, лучших свидетелей и не найти»².

турецк., 17, 64

101. Как за деньги в суде показывали

Это сказка про сантала¹ и деко². Ростовщик-деко подал на сантала в суд за долги. Сантал-то был не большого ума. Все долги свои он уж давно заплатил целиком. Да только, когда он ходил долги отдавать, свидетелей с собой он не брал — вот где ему ума не хватило.

Долг давно уж уплачен, а ростовщик все к нему пристаёт:

— Мне с тебя столько вот причитается. Плати, а то в суд подам.

Много они на этот счет разных слов друг другу сказали.

Под конец ростовщик спрашивает:

— Ну ладно. Если ты со мной рассчитался, где твои свидетели? Кто видел, что ты тогда принес мне столько, а тогда столько? Веди своих свидетелей. Я их спрошу при тебе.

Раз свидетелей не было, так санталу и спорить не о чем. Сказать ему нечего: деньги-то плачены один на один.

Набрался он смелости и решил: «Ладно, он говорит, что я ему должен, хоть я ему столько денег отдал. Пускай в суд подаёт, чтоб ему пропасть. Хоть кончится наконец это поганое дело». А поля у сантала были обширные, земли хватало пахать пятью сохами. Надумал он, как было сказано, и разругался с ростовщиком в пух и прах.

Вот ростовщик и подал на него в суд. Пришла санталу повестка. Явился он в суд в назначенный день и час, но без свидетелей. А ростовщик заплатил и достал трех свидетелей. Все им сказал, как говорить. Вы, мол, говорите — про ростовщика, значит: «Он при нас дал тому санталу столько и столько».

А один из тех трех был придурковатый. Потому ростовщик не переставал их наставлять и, как шли по дороге, все повторял: «Говорите точно, как я сказал. Ничего другого не говорите. А я уж вас угощу и простоквашей и рисом и пива дам выпить». Так он их улещал всю дорогу. Ну а санталу брать с собой было некого, он шел один. И там, у суда, он ждал один, совсем будто потерянный.

Подходит к нему человек:

— Слушай, почтенный, ты по какому делу?

— Ростовщик на меня за долги подал в суд, — отвечает сантал. — Я ему все заплатил, а он все равно на меня подал в суд.

— А свидетели у тебя есть? — спрашивает тот.

— Нету, — отвечает сантал.

— Ну тогда дай мне две рупии, — говорит тот, — и Расскажи

все в подробностях с самого начала, а потом веди за свидетеля — тебя оправдают вчистую.

Сантал согласился:

— Ладно, я тебе дам. Только смотри, пусть меня оправдают.

Рассказал он ему все с самого начала. Не забыл и про свои пять сох помянуть.

Выслушал тот человек все до конца, взял у него две рупии и говорит:

— Покажи мне своего ростовщика и его свидетелей.

Сантал так и сделал.

Тогда он пошел к тем свидетелям и принялся их расспрашивать. Назадал им всяких смешных вопросов и выведал, что у них на уме. Больше всего он спрашивал придурковатого. Ростовщик как увидел, что вокруг него толпа собралась, сразу подумал: «Этого свидетеля они сейчас мне испортят, это уж точно». Подошел к нему и говорит:

— Вот что я тебе скажу. Что бы тебе люди ни говорили, ты их не слушай. Что сахиб * скажет, то и говори, а с другими ни с кем не разговаривай. Говори только, что сахиб скажет.

Так он опять наставлял своего придурковатого свидетеля.

Скоро дошел черед до их дела. Сперва судья расспросил ростовщика и сантала, потом вызвали свидетеля сантала.

Привели его к присяге, и судья спрашивает:

— Что ты знаешь насчет слов этих двоих? Правду говори, правду; что знаешь насчет их слов?

Тот отвечает:

— Хузур, насчет сох я не знаю³. Кому знать, из сала они у него, или из асона, или из дхао⁴. Что пять сох он запрягает, это я знаю. А из какого дерева сохи сделаны, того я не знаю.

Как понес он такое, его и выставили. Потом спрашивают сантала:

— Есть у тебя другие свидетели?

— Нет, других нету, — говорит он. — Этот один.

Тогда стали вызывать свидетелей ростовщика. Первых двух спросили о чём-то, а потом им и сказать больше нечего.

Вызвали придурковатого. Вошел он, встал перед судьей, а чапраси * его к присяге приводит, говорит ему:

— Говори правду.

А тот, рассказывают, ни слова в ответ, стоит и молчит.

Опять ему то же самое:

— Говори правду.

Он все молчит.

Судья спрашивает:

— Ты что, полоумный?

А он, говорят, сразу в ответ:

— Ты что, полоумный?

Судья велит:

— Ардали *, выведи его!

А тот руку протянул, как судья, и повторяет:

— Ардали, выведи его!

Ну, когда он так сказал, все, кто был в суде, расхохотались. Судья сам громче всех смеялся. Выставили их прочь и дело закрыли.

Вышли они из суда, сантал и спрашивает своего свидетеля:

— Ты о чем говорил? Я чего-то не понял.

— Ох! — тот отвечает. — Я хотел говорить об одном, а судья вдруг спросил меня совсем про другое, про сохи спросил: «Что насчет сох знаешь? А ты мне про сохи ничего не сказал, из какого ты их дерева делаешь». Вот я ответил: «Из сала они, или из асона, или из дхао, я того не знаю. Знаю, что он пять сох запрягает». Вспомни, о чем мы с тобой говорили и как судья меня вдруг прервал. Я только хотел все про дело сказать, тут меня и прочь выгнали.

А две рупии он прикарманил, негодник.

И ростовщик, говорят, тоже стал корить своего придурковатого свидетеля:

— Слушай, я тебя спрашиваю, ты почему не отвечал?

Тот говорит:

— Да ты сам мне сказал: «Что судья скажет, то и говори». Вот я и говорил точно так, как судья. Чапраси мне говорил: «Говори правду». Провалиться мне, если я ему что сказал. Чего мне его слушать? Ты сам мне утром велел ни с кем не разговаривать. А что судья говорил, то и я говорил.

Так ростовщик проиграл свое дело, и пришлось ему выслушать такое решение: «Иск отклоняется».

Вот как сантал был оправдан.

индийск., 90, 306

102. Лжесвидетель

Один человек привел на базар продавать лошадь. Подошел к нему вор и заявил:

— Это моя лошадь.

— Как ты можешь так говорить? — возмутился человек. — Это моя лошадь. Она родилась в моем доме.

Но вор продолжал твердить свое. Тогда человек нашел свидетеля, дал ему две монеты и сказал:

— Подтверди, что это моя лошадь.

Тот обещал. Но едва хозяин лошади ушел, как к тому же свидетелю пришел вор и тоже дал ему две монеты.

— Дай показания в мою пользу, — сказал он.

— Я бы не прочь, — ответил тот, — но хозяин дал мне деньги раньше, и я должен их окупить. Давай договоримся так: я буду свидетельствовать в его пользу, и, когда лошадь присудят ему, ты обвини меня в лжесвидетельстве. Скажи судье так: «Этот человек не может быть свидетелем. Он даже не знает как следует молить. Спроси его, сколько раз надо произносить утреннюю молитву, и, если он ответит правильно, я возьму свои слова обратно».

Вор согласился, и они все пошли к судье.

— С чем вы пришли ко мне? — спросил их судья.

— Вот этот человек хочет присвоить мою лошадь, — сказал хозяин. — Он говорит, что это его лошадь. А лошадь моя, она родилась в моем доме.

— Есть у тебя свидетель? — спросил судья.

— Вот мой свидетель.

— Хорошо, пусть он даст показания, и тогда я вынесу приговор.

Свидетель сказал:

— Да, это его лошадь. Я видел, она родилась в его доме.

— Значит, она принадлежит ему, — решил судья.

Тут вор воскликнул:

— Правильно ли я расслышал? Разве можно верить этому человеку? Он не вправе быть настоящим свидетелем. Он не умеет молиться¹. Спросите его, сколько надо произносить утренних молитв, и, если он ответит правильно, как другие люди, тогда я возьму свои слова обратно.

— Эй, — сказал судья свидетелю, — говорят, ты не знаешь утренних молитв?

— Ха, как это не знаю? — ответил тот.

— И сколько же их следует произносить?

— Восемь.

— Это не свидетель, — сказал судья. — Ты прав, лошадь твоя, иди и забирай ее.

Вор забрал лошадь и исчез с ней.

Огорченный хозяин стал упрекать своего свидетеля:

— Как же так? Ты показал правду, а потом все сам же испортил. Даже дети и женщины знают утренние молитвы, а ты говоришь «восемь». Ты обесценил свое свидетельство, и судья прогнал нас.

— Ну сам подумай, — ответил ему свидетель. — Я сказал «восемь», и то он на меня рассердился. А если бы я сказал «две», он бы меня вовсе не выпустил.

Хозяин ничего ему не ответил. А лжесвидетель, получив деньги от обоих, ушел, довольный.

канури, 117, 55

103. Мудрец

Объявился в одной стране мудрец и стал всех уму-разуму учить. Многие стали роптать: явился, мол, гость непрошенный, всех поучает, а мы сами не глупее.

И сговорились недовольные от мудреца избавиться.

Взял один барашка и повел на базар продавать. Как и было договорено, второй подходит будто бы покупать и говорит:

— Какой же это барашек, это же обыкновенный щенок.

Завязался у них спор, и обратились они к мудрецу, чтобы спор разрешить.

— Разве ты не видишь, что это баран? — говорит мудрец.

А тот свое знай твердит: щенок — и только.

Тогда мудрец сказал:

— Спросим у людей, как народ скажет — то и правда.

Отправились спорщики с мудрецом на базар. А там одни заговорщики и были, и все в один голос отвечали: не баран это, а щенок.

И воскликнул тогда мудрец:

— Что ж, наверно, это и впрямь щенок.

грузинск., 33, 136

104. [Рубин]

Были два брата-бедняка. Пошли они бродить по свету и нашли на дороге мешок. Было в этом мешке золото да два рубина.

— Исполнилось мое желание, пойду я домой! — говорит младший брат.

А старший сказал:

— А я пойду бродить по земле!

Поделили они между собою свое добро. Старший брат отдал свою часть младшему и говорит:

— Мою часть отдай дома жене!

Пришел младший брат домой и не отдал братниной части его жене и рубина не отдал.

Через три года вернулся старший брат из странствия и по-
нашел рубина у своей жены.

Спрашивает он брата:

— Где рубин?

— Отдал я твоей жене! — отвечает тот.

— А она говорит, что ты ей не отдавал!

Говорит младший брат:

— Лжет она!

Услыхал это старший брат да и стал жене грозить. А она убежала к судье и рассказала ему все дело.

Призвал судья двух братьев и говорит младшему:

— Говори правду, отдавал ли ты братниной жене богатство или нет? Если же отдавал, кто твои свидетели?

— У меня есть два человека свидетелей! — говорит млад-
ший брат.

— Позови их!

Представил младший брат двух свидетелей судье. Дал им немного денег, они и солгали.

Говорит судья старшему брату:

— Отыскивай свой рубин у жены!

Как услышала это жена, побежала к царю и рассказала ему все событие.

— Отчего ты судье всего не рассказала? — спрашивает ее царь.

— Я к нему ходила, да он не рассудил нас хорошо! — гово-
рит жена.

Позвал царь двух братьев и двух свидетелей. Расставил их отдельно: дал им в руки по куску воску и приказывает:

— Слепите форму рубина!

Два брата вылепили одинаковую, а оба свидетеля по раз-
ной.

— Лепи и ты! — говорит царь жене.

— Как мне лепить, когда я рубина не видала!

Услыхал царь эти слова и приказал повесить обоих свиде-
телей. Сказал он им:

— Коль вы мне правду скажете, так не убью вас!

Повинились они и говорят:

— Лгали мы оба!

Стал тогда царь бить младшего брата. Говорит он:

— Махараджа! Великий грех я сделал! Прости меня!

— Почему ты правды не говорил? — спрашивает его царь да бьет.

Отдал младший брат рубин старшему¹.

индийск., 41, 110

О «БОЖЬИХ СУДАХ»

105. Гора-свидетель

У подошвы горы раскинулась в густой зелени деревня. Вокруг — луга. В деревне был пастух. Только называть ли его пастухом? Он не брался пасти поровистую скотину.

Подойдет к нему сосед, станет упрашивать:

— А если, дорогой пастух, я заплачу тебе за одну корову как за двух, возьмешь ли ты ее в стадо?

Пастух, улыбаясь в усы, отвечает:

— С тех пор как я помню себя, все время пасу я скот в этих горах, знаю все яйлы*, да и животных хорошо знаю. Аллах наградил их шерстью такой же, как характер хозяина. Что скрывать, мне не нравятся твои дела. А вдруг у этой скотины, которая ест солому и пьет воду из твоих рук, нрав такой же, как у тебя! Лучше паси ее где-нибудь на склоне горы или на лугу сам! Мои же пасутся там, где я говорю «трава», ложатся там, где я говорю «ложитесь». Я не могу взять твою скотину к себе в стадо и испортить моих покорных коров.

Скажет он так и отобьет всякую охоту дальше упрашивать. Тот, кто обижается, пусть обижается, а тот, кто сердится, пусть сердится, но что они могут поделать с пастухом!

В тяжелый год был мор на коров, скопил весь скот в деревне. Шкуры пошли на волынки, а кости на заборы. Но в стаде нашего пастуха ни у одной коровы даже кровь не потекла из ноздрей. Вся деревня удивилась. Все сходились на том, что нужно разузнать тайну. Кто приписывал это чудодейственной силе пастуха, а кто видел причину всего в корме, в траве.

Всюду много хороших людей, но нельзя сказать, чтобы не было и плохих. И когда так устались на его стадо, разве может человек быть беспечным? Конечно, не может. Но это же сказка, и как-то однажды пастух забыл сказать: «Чтоб лопнули завистливые глаза...». А после этого разве не слезят хоть одну корову из целого стада?

Корова тетушки Гюльсюм околела, и от нее остался трехдневный теленок. Пастух в это время был на другом конце деревни. Узнав о беде, он бросил стадо, все свое имущество и кинулся со всех ног к тетушке Гюльсюм. Посередине двора растянулась рыжая корова, застывшая как камень, а рядом мычит ее теленок. Тетушка Гюльсюм высохла от горя, стоит, прижав руки к груди, и смотрит.

Пастух, словно он был причиной беды, начал ее утешать:

— Тетушка Гюльсюм, тетушка Гюльсюм, тебя постигло большое несчастье, но пусть все этим и кончится. Аллах милостив, он поможет тебе. Не ропщи, иначе он пошлет тебе еще испытание, а теленка отдай мне на попечение. Каждое утро я буду брать его с собой в горы. Да что там, у него желудочек с кулак, если утром раз, а вечером два раза пососет моих коров, то не пройдет и недели, как начнет сам щипать траву.

Как сказал, так и сделал пастух: без устали водит теленка по дорогам, по низинам, нигде не отпускает от себя, смотрит за ним неустанно. Через несколько дней теленок стал гладким. Но вот теленку захотелось молока, и пошел он вслед за одной коровой. Все это хорошо, но не может же каждая корова быть ему матерью! Жестокая тварь поддела теленка рогами и чуть не столкнула с горы. Тут подоспел пастух и спас его от верной гибели, но только одна ножка у теленка оказалась сломанной.

Что делать бедному пастуху? Порвал он свой минтан*, крепко-накрепко перевязал сломанную ножку, а потом задумался: как сказать тетушке Гюльсюм?.. Что же ему сказать! Ведь эта женщина была одной из тех, кто не слышит того, что сама говорит.

Увидев теленка, она, не обращая внимания на народ, забыв стыд, начала извергать на пастуха все то, что попадалось ей на язык:

— Эй, пастух, ты не лги мне, что корова ни с того ни с сего пала, а теленок с горы свалился. Опять в тебе шайтан играет, бешеная кровь в голову ударила. Наверно, ты сам бросил в него камень и сломал ножку. Если это не так, где твои свидетели, где доказательства?!

Тут и вся деревня кинулась на пастуха. Было много таких, кому не нравился его характер, они стали поддакивать:

— Да, да, где твой свидетель, где же он?

Пастух, совсем растерявшись, воскликнул:

— Вы, бесчеловечные, кого же я приведу в свидетели, когда в горах никого нет? Я не в долгу у лжи, что мне врать, горы и камни — свидетели мои, вот!

Склонил он тут голову к горе, под которой стояла деревня, и взмолился:

— Горы, камни, во имя Аллаха скажите: так ли все было? Не рыжая ли корова, боднув, сломала ножку теленку?

И вот когда он просил о помощи, бывает же так, — сорвались сверху два осколка, два камня и полетели прямо на деревню.

Пастух стоял на месте и открытой грудью встретил своих свидетелей, но ищи остальных! Со всех ног кинулись они кто куда, разбежались в разные стороны.

И с того дня называют эту гору Гора-Свидетель... Сейчас там, на месте той деревни, ветер гуляет, но родник бьет из-под горы, рассказывает всем путникам эту сказку.

турецк., 96, 270

106. Ответ горного духа

Однажды дядюшка Дэнба нашел большой изумруд. Узнал об этом помещик и сказал Дэнбе:

— Все, что найдено на моей земле, должно принадлежать мне. Давай изумруд.

— Нет, изумруд нашел я, значит, он мой! — ответил Дэнба.

Долго они спорили, и наконец Дэнба предложил:

— Давай спросим горного духа, пусть он нас рассудит.

Помещик согласился, и пошли они в горы. Обратившись к большой горе, Дэнба закричал:

— Кому должен принадлежать изумруд?! Помещику или Дэнбе!

Горное эхо ответило:

— Дэнбе!

— Вот видишь, господин помещик, я тебя не обманываю.

Горный дух говорит, что изумруд мой, а это самый справедливый судья на земле.

Нечего было ответить помещику. Понуро опустив голову, он пошел домой.

тибетск., 31, 375

107. Как огонь пришел к племени мой

Еще и поныне все племена, населяющие Аннамские горы — будь то племя кам в Камбодже, мой — в Лаосе или седанг и ярай — во Вьетнаме и Лаосе — одеваются очень просто. Мужчины носят повязку на бедрах, а женщины короткие юбки... Вот что рассказывают об этом старики.

В давние времена, когда огонь был только на небесах, а люди еще его не имели, бог огня, Ян Дай, влюбился в прекрасную девушку из племени мой.

Звали девушку Ка Тао, и жила она в долине, которая называется Травяная равнина. Было ей без малого пятнадцать лет. У нее была нежная, светлая кожа, которую еще не огрубела тяжелая работа на рисовых полях. Она еще не знала ни горя, ни боли, поэтому у рта и в уголках глаз ее не было ни складочки, а на лбу — ни морщинки. В ушах у нее были красивые кольца из слоновой кости, и ничто ее так не восхищало, как звон браслетов, которые надела ей мать, когда Ка Тао было одиннадцать лет [...]

Вместе с семьей Ка Тао в большом, на толстых сваях, доме жило еще четырнадцать семей. Все умели ткать, и одежды их были прекрасны и яркие. Вечером, когда с гор в долину спускался холод, Ка Тао закутывалась в теплое покрывало, которое сама для себя соткала; оно было украшено пестрыми полосами и изображениями диких цветов джунглей. Не было равных ему по красоте.

И вот увидел ее Ян Дай, «Небесный огонь», бог неба, и влюбился в нее. Но Ка Тао была влюблена в ветер, что вечерами нежно ласкает траву, в землю, благоухавшую, как не благоухает земля ни в каком другом месте, в сказочную игру облаков, в речку, где она купалась.

Ян Дай, который мог сжечь все, что только попадетс я ему на пути, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни даже детей, к Ка Тао

отпосился по-особенному. Он мягко гладил ее лицо своими пальцами и лишь нежно золотил ее кожу. Если он замечал, что его прикосновения слишком горячи и что на лице у девушки выступают бисеринки пота, он прятался за облака и иной раз был рад к вечеру покинуть землю, позволив ночной прохладе спуститься в долину.

Но однажды в деревне появился чужестранец, широкоплечий юноша, смелый, сильный и мужественный. Он рассказал, что пришел из лесов и что зовут его Ме Сао.

Вместе с людьми мой он пошел на поля и, увидев, с каким трудом выкорчевывают они своими мотыгами и каменными топорами лес и кустарник, засмеялся. Люди удивленно взглянули на него, но он продолжал смеяться, и тогда они рассердились.

— Не сердитесь,— сказал юноша.— Вы не знаете, что можно расчистить землю гораздо проще. В лесу, у моего народа, это делают иначе: разводят огонь, и он выжигает лес и кустарник, участок за участком, потом там сажают рис и маис, и они растут лучше, чем у вас.

Он нашел два куска дерева и стал тереть одним куском о другой. Люди племени мой смеялись, они не могли понять, что он делает. Но тот не обращал внимания на их смех, он тер и тер, потом вставил в отверстие кусочек сухого замшелого дерева, и все увидели маленький красный огонек. Огонек становился все больше и больше, а когда Ме Сао подул на него, вспыхнуло настоящее пламя. Потом оно стало еще больше, перекинулось на сухой кустарник и стало вгрызаться в него. Люди мой изумленно и испуганно отступили назад.

Ме Сао смеялся. Гордый повелитель огня, он прыгал через пламя, и одежда на нем не загоралась; да на нем и не было ничего, только полоска материн на бедрах да красная повязка на голове. Он казался людям жителем неба, сошедшим на землю.

А неподалеку от него стояла, будто оцепенев, девушка Ка Тао. И если другим этот чужестранец казался похожим на бога, для нее он был подобен всему остальному, что она до сих пор любила: воде, игре облаков, блеску солнца [...]

А бог неба, увидев, что Ка Тао и Ме Сао готовы приблизиться друг к другу, от ревности спрятался за плотными дождевыми тучами. Три дня не появлялось солнце, и все это время не переставая лил дождь. Люди спешили сажать в землю зерна маиса и риса, и уже на другой день появились крепкие зеленые ростки. Через три дня бог неба соскучился по Ка Тао; не вы-

держав, он разогнал тучи и стал, как обычно, сиять с высокого голубого неба [...]

Когда созрел урожай, в деревне, согласно старому обычаю, устроили праздник. Маис и рис уродились хорошо, и вечером люди собирались принести в жертву буйвола. Хотя солнце было еще невысоко, кое-кто уже начал потягивать рисовую водку, и она оказалась сильнее многих.

Среди общего шума и суматохи, которая царилла в деревне, на глазах у небесного бога, у которого от ревности готово было выскочить из груди сердце, Ме Сао предложил девушке, если она не прочь, принять, как положено по обычаю, его имя. Бог небесного огня увидел, что Ка Тао сейчас согласится, — и, не выдержав, полоснул своим огненным мечом по большой хижине. Хижина вспыхнула.

Но гуляки и пьяницы, среди которых был и здешний колдун, не увидели молнии. Они увидели только, как горит хижина, а вместе с ней все пожитки, вся прекрасная одежда, хранившаяся в сундуках, и посуда, и циновки, они увидели, как огонь охватил и соседние постройки, и поля, — и их обуял страх; они спрятали свои лица от гнева огненного бога.

— Это он, пришелец, навел на нас огонь! — закричал колдун. — Убейте его, убейте!

Колдун давно ненавидел юношу лютой ненавистью, да вдобавок он выпил немало водки. Поэтому он обрушил на его голову старинные проклятия...

Люди кинулись искать Ме Сао. Они нашли его у ручья. Он спал рядом с Ка Тао, обняв ее. В первую минуту их остановило выражение счастья на лицах обоих, но потом они набросились на юношу и схватили его.

— Ты умрешь, пришелец! — кричали они наперебой.

— Посмотри, что ты натворил!

— Все наше добро сгорело в твоём огне!

А колдун кричал:

— Устроим ему испытание водой!

И под горестный крик Ка Тао они потащили юношу в деревню, чтобы там опустить его в котел с кипящей водой. Если он выдержит испытание и выйдет из воды невредимым, значит, он невиновен. Но Ме Сао знал, что он просто сварится в кипятке, как буйволовое мясо. А если он выдержит испытание, его ждут еще более страшные муки.

Он вырвался из рук, державших его, и крикнул:

— Дураки, разве вы не видите, что я повелитель огня?

— Сожгите его! Сожгите его! — продолжал кричать колдун.

— Не шуми, колдун, — ответил Ме Сао. — Я сам могу тебя сжечь.

Возможно, бог огня хотел наказать Ме Сао за дерзость. Но, может быть, его поразило мужество юноши, и он пересилил ревность. Как бы то ни было, случилось так: он ударил из темной тучи своим огненным мечом — и поразил не Ме Сао, а старого колдуна. Тот упал замертво.

Люди, ослепленные сверкающим мечом, упали на землю.

— Разве я не повелитель огня? — услышали они голос Ме Сао. — Я покарал колдуна. Я сжег ваши одежды, потому что они были неудобны. Теперь вы станете настоящими моими. Я сделаю огонь вашим рабом. Я возьму Ка Тао в жены, и мой сын, и сын моего сына, и все, кто родятся от меня, будут повелителями огня. О вас, мои, будут рассказывать всюду, от степей, поросших травой, до самого моря: все будут рассказывать, как служит вам огонь. С его помощью вы обрабатываете землю. Когда солнце вечером скрывается в темноте, он согревает вас. Он делает ваши ножи и наконецники копий крепче камня. Зачем вам теперь нужен старый колдун? Зачем вам нужны старые одежды? Теперь вы можете не печалиться, если солнце вечером покинет вас!

И он запел песню о Ка Тао, о своей большой любви.

лаосск., 112, 326

108. Хвастливый бай.

Рассказывают, что давным-давно у одного бая была корова. Корова была так стара, что бай решил больше не кормить ее. А надо сказать, бай этот был отчаянный хвастун. Вот он и придумал: «Что, если я не зарежу корову, а только прогоню со двора. Не похвалит ли меня народ за это?»

На другой день, когда в деревне выгоняли стадо, бай вывел корову и сказал при всех:

— Прощай, коровушка, двадцать лет ты кормила меня. А теперь иди себя корми.

Сказал это бай и гордый ушел в дом. А корова стала жить в поле одна.

Но вот пришла зима. Негде стало укрыться корове от холодного ветра и снега. Пожалел ее один бедняк и привел к себе домой. Привел и говорит своей старухе:

— Давай возьмем ее к себе, а то замерзнет скотина или с голоду помрет...

А у старика со старухой никогда не было никакой скотины. Поэтому взялись они ухаживать за коровой старательно. В благодарность за это стала корова давать им молоко целыми ведрами.

Прослышал об этом бай, пришел к старику и говорит:

— Ведь это моя корова. Отдай ее мне обратно...

А старик в ответ:

— Как твоя? Да вся деревня знает, что ты прогнал ее...

А мы от дождя ее укрыли, кормили...

Долго спорили бай и бедняк. Наконец решили обратиться к казыю — деревенскому судье.

Тот выслушал обоих и говорит:

— Тот из вас, кто правильное ответит на мои вопросы, получит корову. А вопросы мои таковы: что на свете самое жирное, что самое красивое, и третий вопрос — кто из вас умней?

— Ха-ха,— сказал бай,— ответить на эти вопросы мне ничего не стоит.

А старик приуныл: откуда ему знать про все это? Пришел домой, рассказал обо всем старухе. И грустно добавил:

— Видно, опять мы остались с тобой без коровы...

— Дурачок ты этакий. Скажи казыю: самое красивое на свете — это душа хорошего человека, самое жирное — это земля, а наша собака Сарбай умнее бая — и победишь.

На другой день пришли бай и бедняк к казыю.

Первым начал бай:

— Самое жирное на свете — это моя овца: я еще не видел ни единого существа более жирного, чем она. Самое красивое — это мой жеребец: такого жеребца во всей губернии не сыщешь. А уж умнее меня я никого не встречал. Коровы мои.

Настал черед старика.

— Самое жирное на свете — это земля: все берет из нее свои соки. Самое красивое — это душа хорошего человека: все прекрасно в ней. Что касается ума, то бай, конечно, умный человек, но моя собака Сарбай умнее его.

Судья был озадачен.

— Два первых ответа твоих правильны. Но скажи мне, почему твоя собака умнее бая?

— Посмотри,— отвечает старик.— И, обращаясь одновременно к собаке и баю, говорит: — А ну марш отсюда! Скорей!

Собака убегает, а удивленный бай остается на месте. Тогда

старик стал подзывать их к себе свистом. Собака подбежала, а бай даже не шевельнулся.

— Ну, кто из них умнее, казый, сам решай, — сказал старик.

— Твоя собака умнее, — ответил судья. — Забирай свою корову.

татарск., 94, 212

109. Милосердный дух

Жил в давние времена простой студент по имени Дан Кон Хат. Он квартировал в чужой семье и, как всякий прилежный студент, вставал очень рано. Однажды, проснувшись, он увидел, как соседка во дворе развешивает для просушки белье. Но едва она ушла со двора, как появилась другая соседка и стащила развешанное.

Вечером женщины стали браниться, одна обвиняла другую в воровстве. Ни до чего не добравившись, они решили пойти в деревенский храм, где обитал дух Тьен Вуонг, чтобы поклясться перед ним в своей невиновности. Так они и сделали. Взяли с собой подарки, одна — курицу, другая — вареный рис, и пошли.

Дан Кон Хат достал свою кисточку для письма и сделал запись об этой истории. Вскоре после этого он уехал сдавать экзамен, а вернувшись, застал воровку в добром здравии и благополучии.

«Теперь я знаю, чего стоит справедливость духов! — с усмешкой подумал студент. — Они бессильны даже наказать за ложную клятву».

Он пошел к храму, постучал в дверь — и вдруг Тьен Вуонг предстал перед ним.

— Эх, доктор, доктор, — сказал дух, качая головой. — Когда ты станешь мандарином — неужели у тебя хватит совести сделать человека несчастным из-за двух штук белья?

вьетнамск., 111, 132

110. Заяц и дуикер *

Один человек возделывал свое поле и выращивал на нем бобы. Но с некоторых пор кто-то стал похищать его урожай. Сколько ни старался человек выследить вора, никак он его не мог поймать.

Однажды человек увидел на своем поле спящего зайца и схватил его.

— Значит, это ты ешь мои бобы! — сказал он.

— Нет, — ответил заяц, — зря ты винишь меня. Твои бобы съедает дуикер, а я, заяц, тут ни при чем. Отпусти меня, я найду дуикера и пойду с ним на божий суд. Ты увидишь, кто виноват.

— Ладно, — сказал человек, — иди с дуикером на божий суд.

Отправился заяц к дуикеру и сказал ему:

— Человек подозревает кого-то из нас в воровстве. Пошли с тобой на божий суд.

— Почему должен идти только я один? — ответил дуикер. — Позови и слона, и других зверей.

— Хорошо, — согласился заяц.

Созвал он всех зверей. Звери пришли, вырыли большую яму, зажгли в ней огонь и раздули его посильней. Первым вызвался прыгать заяц. Он пробежался и перепрыгнул яму. Дуикер и другие звери тоже перепрыгнули. Остался один слон. Он прыгнул и упал в яму, прямо в огонь.

Тогда все сказали:

— Приговор пал на господина слона. Значит, он был виновен.

Но дуикер сказал зайцу:

— Ты меня оклеветал. Теперь нам двоим надо пойти на божий суд. Какой суд мы испытаем?

Заяц ответил:

— Давай оба вариться в котле. Кто сварится, тот, значит, и проиграл дело.

Поставили они на огонь котел с водой. Заяц залез в него первым, когда вода еще не закипела, а была только чуть теплой.

— Накрой меня крышкой, — сказал он.

Дуикер накрыл зайца крышкой. Заяц закричал:

— Выпусти меня, выпусти!

Дуикер выпустил зайца, и тот сказал:

— А теперь, дуикер, залезай ты.

Дуикер залез в котел, и заяц накрыл его крышкой.

— Выпусти меня, выпусти! — закричал дуикер.

Но тот придавил крышку тяжестью, и дуикер сварился. Заяц вынул его из котла и съел.

111. Суд панчей

Давным-давно жил человек из племени киратов по имени Чукмиба. Был он не по годам умен и смекалист и потому, хоть и чтил обычаи старины, не больно считался с поверьями да приметами, почитая их за пустые бредни.

После того как Чукмиба женился, вскорости должен был он, как это принято, совершить обряд дулан — отпустить жену погостить к ее родным. А у них в деревне установился такой порядок: день, когда надлежало отправляться молодой в родительский дом, обычно определял местный звездочет, пандит Джокхана. Поэтому и ждали соседи, что Чукмиба пригласит к себе досточтимого пандита, дабы испросить у него совета. Однако тот и не подумал обращаться к звездочету. Чукмиба сам выбрал подходящий день, и с утра пораньше, захватив подарки для тещи и тещи, они вместе с женой отправились в путь.

Узнали об этом соседи и только руками развели:

— Ну и дерзок этот Чукмиба! Смотри ты, своим умом хочет жить!

А пандит Джокхана, узнав, что Чукмиба с женой ушли, не посоветовавшись с ним, впал в страшную ярость и решил отомстить дерзкому парню. Не долго думая он бросился в погоню по горной тропе вслед за молодоженами и очень быстро нагнал их.

Как раз в это время жена Чукмибы захотела пить. Солнце стояло высоко, отчаянно припекая, и с каждым шагом жажда мучила женщину все сильнее и сильнее. В конце концов молодая уселась под деревом и заявила, что не сдвинется с места до тех пор, пока ей не дадут напиться. Отправился Чукмиба за водой, да разве легко найти ее в горах! Лазил, лазил парень, в конце концов увидел банановое дерево, сделал надрезы на стволе и стал собирать живительный сок, чтобы напоить им жену. Тем временем коварный Джокхана, приняв образ Чукмибы, приблизился к молодой женщине и протянул ей кувшин с водой.

— Вот, попей женушка! Да и в путь пора, а то нам еще целый день идти.

Утолила жажду молодая и зашагала вместе с мужем дальше. И невдомек ей было, что шел с ней рядом теперь не Чукмиба, а хитрый пандит, колдовством своим превратившийся в ее мужа.

А Чукмиба собрал сок из ствола банана и заторопился к тому месту, где оставил жену. Добежал до дерева, под которым она

сидела, смотрит, а там никого нет. Долго Чукмиба кричал и звал жену, но отвечало ему только горное эхо.

«Должно, так измучилась бедняжка от жажды, что не выдержала и бросилась со скалы», — подумал Чукмиба и взглянул на небо, ища там коршунов, первых вестников смерти. Но небо было чистое. «Слава богу, стервятники не кружат, значит, жена моя жива! Поднимусь-ка я на вершину, оттуда наверняка увижу ее, где бы она ни была».

Чукмиба вскарабкался на ближайшую гору, осмотрелся и вдруг далеко внизу на дороге увидел двух путников.

— Эге, да никак кто-то похитил мою жену! — вскричал он в гневе. — Ну погоди, негодяй, далеко тебе все равно не уйти! — И парень бросился догонять шагавших по дороге.

Он бежал очень быстро, и не прошло и часа, как он нагнал свою жену и пандита. Когда Чукмиба был уже настолько близко, что мог рассмотреть лица людей, он вдруг в изумлении застыл на месте: его жена шла об руку... с ним самим!

У бедного кирата даже в глазах зарябило. Уж не сон ли ему видится? А может, он и вовсе с ума спятил? Сорвал Чукмиба листок титепати * и принялся жевать его. Во рту до того горько стало, что Чукмиба еле отплевался. Поглядел опять на идущих: точно, он с женой по дороге шествует. Да что же происходит, на самом деле?! Опять потряс головой, потом сорвал стебелек ганде-джахара *, размял в пальцах и поднес к носу. Тьфу! Вонь такая, что дух перевести невозможно! Значит, точно, не сон все это и не видение!

«Выходит, кто-то принял мой образ и обманул жену, а она, бедняжка, даже и не подозревает этого», — подумал Чукмиба и опять бросился вслед уходящим.

Очень скоро он нагнал их, схватил жену за руку и закричал:

— Ну-ка взгляни хорошенько, с кем ты идешь?

Оглянувшись молодая, видит, за руку ее еще один Чукмиба держит! Тут уж она глаза выпучила и язык у нее отнялся.

— А ну иди за мной, не видишь разве, что это плут и обманщик! — кричит Чукмиба.

— Да не слушай его, женушка, он сам надуть тебя хочет! — завопил в ответ Джокхана.

— Ах ты, мерзавец! — взорвался Чукмиба. — Я — законный муж этой женщины, а не кто-нибудь еще!

С этими словами кират размахнулся и влепил здоровенную оплеуху хитрому пандиту. А тот не долго думая залепил ему

ответную. Тогда кират схватил Джокхану за волосы и ткнул его лицом в скалу, но пандит вцепился противнику в горло, пытаясь задушить его. Неизвестно, чем кончилась бы эта драка, не появившись тут вдруг божество, которое обитало в здешних горах.

— Что за шум в моих владениях?! — вскричало божество. — Остановитесь-ка да расскажите толком, что тут случилось и чего вы не поделили?

Джокхана вытер кровь с лица и поспешил сказать первым:

— Я шел со своей женой по этой дороге. Вдруг подбежал этот мерзавец, схватил ее за руку и потащил за собой...

— Да врет он все, это моя жена! — перебил его Чукмиба. — Мы с ней только-только поженились и отправились к ее родителям. По дороге она захотела пить, я ушел искать воду, а тем временем этот негодяй, приняв мой образ, похитил у меня жену. Так как же мог я не всыпать ему?

Выслушав их, божество сказала:

— Оба вы утверждаете, что женаты на этой женщине. И она не может рассудить, кто из вас настоящий муж потому, что вы похожи друг на друга как две капли воды. Но есть способ установить правду... — И божество показало на кувшин с тонким длинным носиком. — Видите этот кувшин? Так вот, кто из вас сумеет пролезть через его носик, тот и есть настоящий муж этой женщины.

«Ну это для меня пустяк», — обрадовался Джокхана, мигом превратился в червя и без труда пролез через тонкий носик кувшина.

Когда настала очередь Чукмибы, тот сказал:

— Вот так правосудие! Да разве простому смертному пролезть через носик кувшина! Я — обыкновенный человек, не искушенный в колдовстве, и потому моими судьями могут быть только обыкновенные люди. Я требую суда панчей.

Согласилось божество, и отправились все к панчам* в ближайшую деревню. Когда собрались старейшины, божество обратилось к их главе — мукхию.

— Вот эти двое, — сказала оно, показывая на Чукмибу и Джокхану, — подрались из-за этой женщины. Они так похожи друг на друга, что женщина сама не может решить, кто же из них ее настоящий муж. Спорящие — люди, поэтому им нужен ваш суд [...]

Тут Джокхана и Чукмиба стали доказывать панчам свое право на женщину. Выслушали их панчи и, узнав, что Джокхана пролез через носик кувшина, а значит, сведущ в колдовстве

и может принять облик другого, решили дело в пользу Чукмибы.

Так панчи вернули Чукмибе жену и доказали, что людской суд — самый правый.

непальск., 36, 45

112. Волшебные щипцы из Пагана

В одной из многочисленных пагод Пагана в давние времена стояли огромные щипцы. Царские судьи приводили обыкновенно тяжущихся в пагоду, и каждая из сторон должна была сделать заявление, держа руки в раскаленных щипцах.

Всякий раз, когда кто-либо лгал, щипцы сразу же больно сжимали его руки. Поэтому в государстве перевелись мошенники и воры, а судьи, не имея никаких дел, обрели полный покой.

И вот как-то некий купец, один из многочисленных покровителей монастырей благословенного Будды, отправляясь в дальний путь, оставил на хранение монаху, который был в своей обители и экономом, слиток золота.

Монах, получив золото, решил уже с ним не расставаться и долго ломал голову, как провести купца, а главное — щипцы.

В конце концов ему пришла на ум замечательная мысль. Он расплавил слиток и залил жидкое золото в полый посох.

Когда купец возвратился в Паган и потребовал свое золото обратно, монах заявил, что уже отдал его. Потерпевший воззвал к правосудию. И тогда судья привел тяжущихся к щипцам. Держа руки в щипцах, купец заявил:

— Я утверждаю, что доверил этому монаху один слиток золота. Я также утверждаю, что он не вернул мне его назад.

Народ выжидательно смотрел на щипцы. Но те оставались неподвижными. Тогда, опираясь на свой посох, вперед вышел монах.

— Подержи-ка, дружок, мой посох, пока мои руки будут в щипцах, — сказал он потерпевшему.

Ничего не подозревавший купец взял посох, а монах заявил:

— Я утверждаю, что взял на хранение золото, но также утверждаю, что возвратил его и теперь оно находится у хозяина.

Все с надеждой смотрели на щипцы, но они по-прежнему молчали. Судья был озадачен, а народ закричал:

— Щипцы никуда не годятся!.. Один из них — вор!.. Где же истина?!

И люди стали насмеяться над щипцами.

Однако судья, погрузившись в размышления, все-таки разгадал уловку монаха. Купец получил обратно свое золото, а монах был наказан. Но после этой истории щипцы, казалось, почувствовали отвращение к людям и перестали помогать вершить правосудие. Они никогда больше не сжимают рук тяжущимся, даже если те заведомо лгут ¹.

бирманск., 54, 106

113. Божий суд

Есть город Шалипура, в нем жил купец Шалига с женой Джаликой. У них был сын Гункара, женатый на Шриядеви. А Шриядеви состояла в связи с купцом Субддхи. Несмотря на то что об этом уже появился слух в народе, влюбленный в нее муж ничего слушать не хотел [...]

Однажды свекор застал Шриядеви спящей с любовником. Она почувствовала, что свекор снял с ее ноги браслет. Тогда она отпустила любовника, привела мужа и легла спать с ним. Потом она разбудила мужа и сказала: «Твой отец снял у меня с ноги браслет и унес». Муж ответил: «Завтра я сам у отца возьму его и верну!» Гункара, ругаясь, потребовал у отца браслет. Отец сказал: «Я взял браслет, потому что увидел твою жену спящей с чужим мужчиной». Жена возразила: «Я спала с твоим сыном. Готова хоть божьему суду подвергнуться. Тут в северной части деревни есть изваяние якши ¹. Я пройду между его ног. Известно, что, кто прав, тот может пройти между ног статуи». Свекор согласился.

Неверная жена еще до наступления дня отправилась к любовнику и сказала ему: «Милый, сегодня утром я по божьему суду буду проходить между ног статуи якши. Ты приди к статуе, изобрази помешательство и бросься обнимать меня». Тот согласился, и она вернулась домой.

Утром она собрала весь народ, взяла цветов, невыколосившихся злаков и прочее, пошла к храму якши, совершила омовение в ближайшей реке, и, когда пришла совершить моление, ее любовник по уговору, как одержимый бесом, охватил ее за шею руками. «Ах, что же это такое?» — вскричала она и пошла опять

омываться. Люди схватили бесноватого за горло и удалили отсюда. Жена, омывшись, подошла к статуе якши, принесла в жертву цветы, благовония и прочее и сказала во всеуслышание: «О досточтимый якша! Если ко мне когда-нибудь прикасается какой-либо мужчина, кроме моего мужа и этого бесноватого, то пусть не пройду я между твоих ног». С этими словами она на глазах всего народа прошла между ног якши. И якша стоял неподвижно, одобряя про себя такую сметливость. Все стали ее хвалить, говоря: «Вот верная жена». И она пошла домой.

индийск., 66, 221

114. Слон и заяц

Жил-был слон. Он обрабатывал свое поле и кормился урожаем с него. Однажды на поле пришел заяц, собрал весь урожай и хотел его унести. Но слон поймал зайца и сказал ему:

— Ах, заяц, ах, разбойник, зачем ты уносишь мою еду?

— Причем тут еда? — ответил заяц. — Ты посмотри сначала на поле. Чье это поле?

— Это мое поле, — ответил слон.

— Ты лжешь, слон, — сказал заяц, — поле принадлежит мне. Это знают все. Даже богу это известно.

— Ладно, — сказал слон, — завтра это дело будет разбираться.

Слон отправился собирать всех зверей: львов, гиен и диких свиней. А заяц ночью пошел к обезьяне и сказал ей:

— Завтра я буду судиться со слоном. Пойди заберись на высокое дерево. Ты будешь изображать бога. Как только я произнесу слово «бог», ты скажи: «Это правда, поле принадлежит зайцу».

Потом заяц пошел к термиту¹ и договорился с ним о том же.

Рано утром явился слон в сопровождении множества зверей.

— Полюбуйтесь-ка, — сказал он им, — вот этот заяц собирал урожай с моего поля.

— Это мое поле, — возразил заяц. — Бог знает это.

Едва он произнес эти слова, как обезьяна с дерева крикнула:

— Да, это правда!

Все посмотрели вверх на дерево, но никого там не увидели и сказали друг другу:

— Бог подтвердил, поле принадлежит зайцу.

И термит сказал тихо:

— Да, это правда.

Тут звери сказали слону:

— Поле действительно принадлежит зайцу. А тебе, слону, нечего здесь делать. Уходи в лес.

С тех пор и до нынешнего дня слон терпеть не может зайца. А обезьяна и термит, напротив, очень с ним дружат².

диго, 118, 213

III. РАССКАЗЫ О ПРИГОВОРАХ

О НАКАЗАНИИ ВИНОВНЫХ И ПООЩРЕНИИ ПРАВЫХ

115. Визирь и осел

У одного старика был черный осел. Старик очень любил своего осла и хорошо его кормил. Еще бы! Ведь без осла на своих старых больных ногах куда он мог пойти? Только до ворот.

— Мой черный осел очень умный, умнее, чем визирь! — говорил старик. — И память у него прекрасная.

Люди на базаре улыбались, смеялись, а некоторые и хмурились.

— Ты поосторожней! — кто-то сказал старику. — Дойдут такие слова до ушей визиря — не сносить тебе головы!

— Но ведь это правда! — со смехом сказал старик, сел на осла и поехал сквозь толпу.

А слова его переходили от одного к другому, от другого к третьему и к вечеру дошли до ушей визиря. Он побежал к императору.

— О великий хуанди *! — сказал визирь. — Защитите мою честь! Меня оскорбил паршивый старикашка с базара. Он сравнивает меня со своим черным ослом и говорит даже, что осел умнее меня, что память у осла лучше!

Император сказал:

— Я сам буду его судить.

И послал пятьсот солдат, чтобы поймать этого старика и привезти во дворец. Солдаты долго его искали, но наконец нашли, посадили в кожаный мешок и привезли к императору.

Испуганный старик вошел в огромный зал. На золотом троне восседал сам хуанди. В его ногах лежал тигр. По бокам стояли телохранители с копьями. Дальше стояли воины и придворные.

— Подведите старика поближе, — сказал император.

Старика подвели поближе.

— Отвечай, жалкий урод, ты говорил, что твой паршивый осел умнее, чем мой прославленный визирь? — спросил император.

— Да, мой дорогой хуанди, я это говорил, ибо это так и есть, — ответил старик.

— Значит, ты признаешь себя виноватым, признаешь, что это твои слова! Ну а почему ты так говоришь? Разве можно сравнить осла с визирем? Ведь мой визирь не просто человек, но ученый человек!

— Если вы разрешите мне говорить, высокочтимый хуанди, если вы согласитесь выслушать меня, я отвечу.

Все придворные с любопытством разглядывали старика, с удивлением слушали, как спокойно он разговаривает с императором.

— Говори! — сказал хуанди.

— Слушайте, — начал старик. — Ехал я однажды на осле в город. На дороге была яма, полная грязи. Я хотел ее объехать. Но осел упорствовал. Он не хотел поворачивать, чтобы обойти яму. И шагнул прямо в глубокую грязь. Но не сделал он и трех шагов, как споткнулся о камень и упал. Еле-еле мы выбрались из грязи. Переднюю ногу осел ушиб. Это бы еще ничего! Но и я захромал после падения! Тогда я как следует отлупил осла палкой и поехал дальше. В городе на базаре я купил что надо и двинулся назад. Подъехал к яме с грязью. Я нарочно направлял осла в эту яму. Но он не шел. Тогда я стал его бить. И все-таки он обошел яму и пошел по ровной, твердой дороге! Вы видите, какая у моего осла прекрасная память! Он не повторяет прежних ошибок.

— Так неужели ты думаешь, старик, что у моего визиря память хуже? — спросил император.

Визирь зло глянул на старика, а потом посмотрел на императора и расплылся в улыбке. Все воины, все придворные напряженно ждали, что скажет старик. А он сказал:

— О высокочтимый хуанди, конечно, у визиря память хуже, да кроме того, у него не хватает ума. Вы однажды запретили ему брать деньги из казны без вашего разрешения, а он все-таки берет. Казначей доложил вам об этом, вы наказали визиря, а он вскоре забыл и приказание и наказание. И опять берет. Ума у него совсем мало. Нет бы ему подумать, почему другие придворные не берут золото из казны. Конечно, ему далеко до моего осла.

Воины и придворные заговорили, загалдели. Раздались выкрики:

— Старик прав!

Тогда визирь вскочил и побежал. Но воины с копьями его остановили.

Император решил, что старик — мудрец, и сделал его своим советником.

дуганск., 35, 164

116. [Суд Синукуана]

Дело было давным-давно. В одной из пещер горы Арайат жил Синукуан, судья зверей. Когда-то Синукуан жил в городе, но его смелость, честность и прямота у многих вызывала досаду, а то и ненависть. Против него устраивались заговоры, и наконец, опасаясь за свою жизнь, он оставил в городе все свое имущество, всех друзей и, поселившись на горе Арайат, решил завести дружбу с обитавшими там животными.

Звери очень скоро полюбили Синукуана. Он обладал способностью превращаться в кого угодно и, когда к нему приходило какое-либо животное, всегда принимал его обличье. Вскоре все обитатели Арайата признали его своим судьей, мудрецом и правителем и приходили к нему со своими делами и тяжбами.

Однажды на суд к Синукуану явилась птица и попросила его наказать лягушку, которая ночью так кричала, что не дала ей спать. Синукуан вызвал к себе беспокойную лягушку и спросил ее, почему она так недостойно себя вела.

— Господин,— почтительно ответила лягушка,— я просто звала на помощь, потому что увидела, как черепаха тащит на спине свой дом. Я испугалась, что она меня задавит этим домом.

— Что ж, причина уважительная,— сказал Синукуан.— Можешь быть свободна.

Вызвал он в суд черепаху и попросил ее объяснить свое поведение.

— Достопочтенный судья,— смиренно ответила черепаха,— я понесла свой дом, потому что светлячок рядом с ним размахивал огнем и я испугалась, как бы он не поджег дом. Разве я не вправе защищать свое жилище от огня?

— Твоя причина уважительна,— сказал Синукуан.— Можешь быть свободна.

На другой день явился в суд светлячок. Судья спросил, почему он размахивал огнем. Светлячок тихим голосом ответил:

— А как еще я мог защитить себя от москита, который угрожал мне своим острым кинжалом?

Его довод тоже был признан убедительным, и светлячка отпустили с миром.

Наконец позвали на суд москита, и тот никак не смог толком объяснить, зачем ему понадобилось доставать свой кинжал. Синукуан приговорил его к трем дням тюрьмы.

И пока москит отбывал заключение, у него вдруг пропал голос. С тех пор у москитов-самцов нет голоса и кинжалов своих они больше не достают, боясь наказания.

пампанго, 121, 385

117. Почему у мухи нет хвоста

Однажды собрались все звери на совет, только удав не пришел. Послали за ним антилопу. Антилопа прискакала к удаву, но подойти близко побоялась, остановилась, не доходя до его хвоста, и стала кричать:

— Эй, удав, все звери собрались на площади, ждут тебя!

И поскорее побежала обратно.

Ждали звери удава, ждали, не дождались и послали за ним мангусту. Но мангуста тоже боялась удава и поступила точно так же, как антилопа.

Не дождавшись удава и на этот раз, звери послали за ним муху. Муха прилетела к удаву, увидела, что он спит, и подняла такой шум, что удав проснулся. Не поняв, в чем дело, он с перепугу быстро заполз в мышиную нору.

Мышь, как увидела удава, так и обмерла:

— Ох, зачем это страшилище заползло в мою нору? Надо отсюда убежать, а то как бы не было беды мне и моим деткам!

Собрала она свои пожитки, захватила детей и через запасной ход выскочила из норы.

В это время мимо пролетала птица-медоедка. Увидела она мышь и сказала сама себе:

— Мышь с детьми выбегает из норы средь бела дня. Это неспроста.

На лету она все оглядывалась да оглядывалась на мышь и не заметила, как с разгону налетела на антилопу — прямо ей между ног!

— Ой, беда! — закричала антилопа. — Кто-то выстрелил в меня и попал мне между ног!

От страха она так рванулась вперед, что наткнулась на дерево. А на дереве сидели муравьи. От удара они слетели вниз и попали на слона, да с перепугу стали его кусать. Слон тоже испугался, побежал куда глаза глядят и наступил на краба, который сидел у источника ¹.

Краб умер, а источник сразу иссяк.

Все звери пришли в великий гнев.

— Кто повинен в смерти краба? — стали допытываться они. — Краб делал нам добро, давал нам воду. А теперь он умер, и у нас больше нет воды.

Черепашка сказала:

— В смерти краба виноват слон.

Позвали звери слона и закричали на него:

— Эй, слон, что же ты наделал? Зачем ты убил краба?

Слон ответил:

— Дорогие братья, пощадите меня! Меня так искусили муравьи, что я спросонья испугался и побежал куда глаза глядят.

Позвали муравьев и спросили:

— Зачем вы искусили слона?

— Пощадите нас! — сказали муравьи. — Мы спокойно сидели на дереве. Вдруг на него налетела антилопа и так сильно стукнула, что мы упали прямо на слона. Тогда мы стали его кусать, чтобы он проснулся и не терял времени. Ведь если антилопа от кого-то бежит, надо быть начеку, не то попадешь в беду.

Вызвали антилопу, и она сказала:

— Дорогие братья, осторожности нечего стыдиться. Птица-медоедка налетела на меня, прямо между ног. Я подумала, что кто-то в меня выстрелил, и поскакала прочь.

— А ну-ка, медоедка, подойди поближе, — сказали звери. — Почему же это ты летаешь не глядя?

— Господа звери, — ответила медоедка, — и вы, господин судья черепаха! Послушайте, что я вам скажу. Видали ли вы когда-нибудь, чтобы мышь среди бела дня выносила из норы детей и все свои пожитки?

— Нет, — сказали звери.

— Так вот, дело было так, — продолжала медоедка: — я увидела, что мышь выбегает из норы с детьми и всем своим добром. На лету я все смотрела на них и пролетела между ног антилопы, просто чтобы предупредить ее. Ведь пословица не даром

говорит: «Мышь выползает из норы — значит, жди опасности».

Позвали мышь и сказали ей:

— Ты никогда среди бела дня не выползаешь из норы. Что с тобой случилось на этот раз?

Мышь ответила:

— О дорогие братья, выслушайте меня! Все это случилось из-за удава. Сколько я живу, никогда не было, чтобы он заползал в мою нору. Увидев его так близко, я испугалась, как бы не было беды мне и моим детям. Поэтому я забрала их, захватила все свои пожитки и убежала.

Позвали тогда удава и сказали:

— Ты слишком велик, чтобы лазить по мышиным норам! Что тебе там понадобилось?

И удав ответил:

— Я спал, вдруг налетели мухи, стали шуметь и изо всей силы бить меня по щекам. Спросонья я испугался и залез в мышиную нору. Не казните меня без вины!

Добрались до мухи.

— Подойди сюда, — сказали ей звери. — Как тебе взбрело на ум налететь на удава, когда он мирно спит, да еще бить его по щекам? Разве мы тебя за этим послали?

— Нет, — сказала муха.

— Зачем же ты так сделала?

Муха молчала, не зная, что ответить.

И вынесен был приговор: «В смерти краба виновата муха. За это отныне и навеки веков она останется без хвоста»².

Вот почему у мухи нет хвоста.

дуала, 115, 142

118. [Суд Дахо]

Два человека спорили из-за большого медного таза. Разрешить спор обратились к Дахо. Каждый кричал, что таз принадлежит ему.

— Вот уж сколько лет прошло, как я его купил! — говорил один.

— Этот таз мне в наследство от матери достался! — утверждал другой.

— Он верно говорит, — сказал Дахо. — Я сам видел, как этот таз вырос в их доме.

персидск., 52, 33

119. Дочери агелита

Парень был красив, силен и умен. Каждый был бы рад взять его себе на службу. Нанялся он к одному агелиту*, который славился всюду как мудрый судья. После того как парень пробыл у агелита несколько дней, тот сказал ему:

— Мне надо съездить по делам, разрешить на местах кой-какие споры. Заменить меня некому. Поэтому я хочу попросить тебя: не побудешь ли ты здесь вместо меня? Ты первый, кто кажется мне достаточно умным для такого дела.

Сказав это, агелит уехал. А парень пошел во двор и стал обдумывать его слова.

— Остаться мне или не остаться? — спросил он сам себя вслух.

— Если ты не дурак, то останешься, — произнесли сзади него два голоса.

Парень оглянулся и увидел двух красивых девушек. Они как раз входили в дом. Это были дочери агелита. Потом из дома донесся их смех.

«Недурная пожива для умного», — подумал юноша.

Вечером агелит вернулся, и юноша сказал ему:

— Не буду долго раздумывать. Я решил принять ваше предложение и остаться вместо вас.

На другое утро агелит уехал. Едва он удалился, к юноше пришли обе красавицы девушки, засмеялись и сказали:

— Не хочешь ли ты с нами поспорить? Ты красив и силен, женщине одно удовольствие иметь с тобой дело. Так вот скажи, хочешь ли ты держать с нами спор?

— Хочу, — ответил юноша. — Говорите, о чем вы собираетесь спорить.

— Мы готовы дать тебе пятьдесят золотых монет, если ты сумеешь взять нас двадцать раз подряд. А если не сможешь — пятьдесят золотых за тобой.

Юноша засмеялся и сказал:

— Не будем тратить времени и начнем.

Он взял их двадцать раз, но на последнем разе силы ему отказать.

— Ты красивый и сильный парень, — заявили ему девушки, — но пятьдесят золотых ты не получишь. Наоборот, тебе придется уплатить пятьдесят золотых нам. Ты взял нас двадцать раз, но на двадцатом ослабел.

Юноша ответил:

— Это сложный вопрос, его может решить только судья. Давайте передадим дело на суд агелиту, вашему отцу.

Девушки закричали:

— Что ты говоришь! Да отец нас убьет, если услышит, что мы делали! Он разрубит нас на мелкие куски, если только узнает о таком споре! Ни в коем случае не говори ничего отцу!

— Вам нечего опасаться,— ответил он.— Я не собираюсь рассказывать вашему отцу, какими делами мы тут с вами занимались. Я вообще ни о чем подобном не буду с ним говорить. Но раз у нас возник спор, а я в этом доме замещаю судью, мне надо услышать, что он мне скажет.

Девушки были так напуганы, что, когда вернулся отец, они спрятались в хлеву рядом с жильем. Едва агелит приехал, как юноша вошел к нему, приветствовал его, сел рядом и сказал:

— Вчера ко мне приходили два человека, у которых возник спор. А спорили они о том, кто из них выиграл. Одному из них принадлежала сильная лошадь. И он поспорил на пятьдесят золотых, что она сумеет сжевать подряд двадцать мер зерна. А другой, торговец зерном, поставил пятьдесят золотых, утверждая, что лошадь двадцать мер в себя не вместит. Поспорили и устроили испытания. Лошадь съела одну за другой девятнадцать мер зерна. А двадцатую взяла в рот, разжевала, но не удержала во рту. Торговец зерном сказал, что лошадь не осилила двадцати мер, и потребовал от ее хозяина пятьдесят золотых. Но тот ответил, что лошадь вместила в себя все двадцать мер и выполнила задачу. А если она потом двадцатую не удержала, то это ее дело. Поэтому хозяин потребовал пятьдесят золотых себе.

— И что ты об этом думаешь сам? — спросил агелит.

Юноша ответил:

— Я думаю, владелец лошади выиграл спор. Ведь лошадь действительно вместила все двадцать мер зерна. Так что торговец должен уплатить ему пятьдесят золотых.

— Я бы решил точно так же,— сказал агелит.— Я вижу, у тебя такие же взгляды на справедливость и несправедливость, как у меня. Ты умеешь правильно рассудить. Я рад, что ты так умен. В следующий раз я уеду со спокойной душой.

Вечером к парню пришли обе девушки и отдали ему пятьдесят золотых. Они тихо посмеялись и сказали:

— Спасибо тебе. А денег этих нам не жалко, у нас их хватает[...]

кабийск., 120, 144

120. Забота Моллы

Как говорит предание, однажды Моллу Насреддина назначили правителем того города, в котором он жил.

Через два дня после того, как он приступил к своим обязанностям, стражники поймали двух воров и привели к нему. Одного поймали ночью, другого — днем.

Молла расследовал дело и того, кто воровал ночью, отпустил, а того, кого поймали днем, посадил в тюрьму.

Хозяин того дома, где вор совершил кражу ночью, пожаловался Тимуру, что Молла вел дело несправедливо.

Тимур прислал Молле приказ: поймать вора, совершившего кражу ночью, и как следует наказать.

Молла получил этот приказ, прочел его и подумал: «Наверно, законы изменились, а я этого не знаю».

Он поймал этого вора и посадил в тюрьму, а того, который воровал днем, освободил, украденные им вещи отобрал у хозяина и отдал вору.

На сей раз этот хозяин пришел к Тимуру жаловаться на Моллу.

Тимур рассердился и вызвал Моллу к себе.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Почему ты освободил этого вора?

— По твоему приказанию, — ответил Молла.

— Как по моему приказанию? — еще больше рассердился Тимур. — Когда я писал, чтобы ты освободил его?

— Слава повелителю! — сказал Молла. — Один из воров совершил кражу днем, другой — ночью. Еще со времен наших предков мы знаем: воруют всегда ночью, а днем — никогда. Поэтому тот, кто ворует днем, нарушает и законы и обычаи. Вот я и посадил в тюрьму того, который совершил кражу днем, и выпустил пойманного ночью. Потом я получил за твоей подписью приказ: нужно поймать и посадить того, кто воровал ночью. Я и подумал, что законы, наверно, изменились. Поймал того, кто воровал ночью, а пойманного днем освободил.

Тимур совсем разгневался:

— Сейчас же иди поймай и этого.

— О повелитель! — возразил Молла. — Это же несправедливо! Если нельзя воровать ни ночью, ни днем, то что же им, беднягам, остается? Когда же им заниматься своим делом?

121. Эпенди тоже двуличный кази

Когда Эпенди был кази, к нему пришел один незнакомец и обратился с жалобой:

— На поле паслись коровы, и одна из них, пятнистая, кажется ваша, распорола брюхо нашей корове. Какую меру наказания можно применить в этом случае?

— Хозяин здесь ни при чем. А с животного не спросишь за пролитую кровь,— ответил Эпенди.

— Ах, я ошибся, наоборот, моя корова распорола брюхо вашей корове,— поправился пришелец.

Тогда Эпенди заявил:

— Ну это совсем другой разговор. А ну-ка подай мне скорей вон ту книгу в черной обложке.

туркменск., 97, 161

122. Неправый суд

Пришли к судье двое и попросили тяжбу разрешить. Истец принес судье большой горшок масла, а ответчик кабапа во дворе привязал.

Выслушал судья обе стороны и оправдал ответчика.

Разобиделся истец, явился в тот же день к судье домой и говорит:

— Как тебе не совестно! Разве я для того горшок масла тебе принес, чтобы ты моего противника оправдал?

— Что поделаешь,— вздохнул судья,— его кабан поддел клыком твой горшок и разбил! ¹

грузинск., 33, 36

123. Лай и заяц

Однажды Лай спросил зайца ¹:

— Заяц, я знаю, ты бывал в подземном мире. Хорошо ли там?

— Да,— ответил заяц.— Когда-то я бывал там со своим отцом. Если ты попадешь туда, ты найдешь там много еды ².

— А можно ли туда попасть? — спросил Лай.

— Да,— ответил заяц,— как раз в эти дни туда можно пройти. Но без проводника попасть в подземный мир трудно. Лучше тебе отправиться со мной. Меня там хорошо знают.

— Хорошо, пойдем вдвоем,— сказал Лай.— А когда мы сможем отправиться?

— Иди сначала домой,— сказал заяц,— и возьми три горшка меду, чтоб мы могли купить в подземном мире все, что нам нужно.

Лай обрадовался и пошел за медом. А заяц отправился домой к своей жене и сказал ей:

— Натри свое тело илом, с одной стороны красным, с другой черным. Потом пойди к месту, которое я тебе укажу, и спрячься там. Я приду туда с Лаем и воскликну: «Господин подземного мира, позволь нам пройти!» А ты должна спросить низким голосом: «Кто ты?» Я скажу: «Я заяц, а со мной Лай!» Ты некоторое время помолчи. Тогда я второй раз крикну: «Господин подземного мира, разреши пройти в твои владения!» И ты на это ответь: «Ты, заяц, можешь пройти в подземный мир, а второго, по имени Лай, я пропустить не могу. Пусть он оставит здесь свой горшок с медом, а сам пойдет домой и принесет курдючную овцу».

Утром Лай пришел к зайцу. [Дальше все происходит так, как задумал заяц. Лай оставляет ему горшок меду, но, вернувшись домой за овцой, понимает, что его обманули. Через несколько дней он уговаривает зайца повторить попытку.]

Рано утром они отправились в путь. Заяц опять отправил вперед свою жену. А Лай думал про себя: «Хорошо же, посмотрим, кто сегодня останется в дураках».

Пришли они на то самое место, и заяц громко воскликнул:

— О господин подземного мира, а как на этот раз? Не сможем ли мы сегодня вдвоем с Лаем пройти в твои владения?

— Нет,— ответил голос,— Лай и мать его³ не могут ко мне пройти.

— Почему? — спросил заяц, а сам тихо шепнул Лаю: — Он сегодня очень не в духе. Что же нам делать?

— Ничего, пусть сердится,— ответил Лай.— Подожди, что он еще скажет.

А голос продолжал:

— Ты, заяц, можешь проходить, а Лай пусть убирается.

— Слышишь? — прошептал заяц.— Делать нечего, ступай своей дорогой, а я пойду туда.

— Да, я так и сделаю,— ответил Лай, а сам отошел немного в сторонку и спрятался.

Через некоторое время жена зайца вышла из своего укрытия и пошла вместе с зайцем домой.

— Видишь, какой я умный? — спросил ее заяц.

— Я тоже не глупа,— ответила жена.— Разве я плохо ему сказала?

Лай все это слышал. «Значит, вот как,— подумал он.— Вы съели мой мед, и вдобавок жена зайца меня оскорбила, меня и мою мать». Он пошел вслед за зайцем и его женой. Заяц обернулся и увидел Лая.

— Ну как там, в подземном мире? — спросил его Лай.

— Все в порядке,— ответил заяц.— Я на этот раз зашел недалеко, всего до третьего моста.

— Да, ты сегодня очень рано вернулся. С чего бы это?

— Разве ты не видишь, что со мной моя жена? — сказал заяц.— У меня заболел ребенок. Она догнала меня и позвала домой.

Лай выразил ему сочувствие.

— Да,— сказал он,— в наши дни развелось много болезней. Значит, твоя жена ходила тебя искать?

— Да, да,— отвечал заяц.

Они прошли еще немного. Лай был очень разгневан, но виду не показывал.

— Когда мы опять отправимся в подземный мир? — спросил он зайца.

— Подожди, пока мой ребенок выздоровеет. А потом опять пойдем. Конечно, если ты получишь разрешение.

— Опять спрашивать разрешения у этого дурака?

— Эй, не говори так! — закричал заяц.— Ведь он слышит, как ты его оскорбляешь.

— Ничего,— сказал Лай,— пойдем-ка сейчас туда опять. А твоя жена пусть остается и ждет нас здесь.

Заяц попробовал было возразить, но Лай потащил его силой. Пришли они на то же самое место. Заяц весь дрожал. Лай с палкой стал возле него.

— Начинай! — крикнул он.

— О господин подземного мира! — начал заяц дрожащим голосом.

— Как следует говори! — прикрикнул Лай.— Скажи ему: господин подземного мира, я и Лай опять пришли к тебе.

— Нет,— ответил заяц,— этого голоса сейчас нет на месте.

Тогда Лай залепил ему оплеуху и крикнул:

— Почему это его нет на месте? Теперь я убью тебя и твою жену! Ты думаешь, я так глуп и не догадался, что ты спрятал свою жену изображать господина подземного мира? А она меня оскорбила? Пойдем-ка к ней! Ты меня еще узнаешь!

Они вернулись к жене зайца, и Лай закричал на нее:

— Ты, ничтожная зверюшка, ты оскорбила мою мать! Теперь трепещи! Я Лай, знаешь ли ты меня? Трепещи, ибо ты сегодня умрешь!

В это время мимо пробежала дикая собака.

— О чем вы спорите? — спросила она.

Но Лай и на нее закричал:

— Не вмешивайся в мои дела! Я Лай, равного которому нет среди людей!

Дикая собака испугалась и побежала к черепахе-султану⁴.

— О султан, — сказала она, — Лай хочет убить зайца и его жену. Нельзя этого допустить.

Черепаха тотчас послала к Лаю антилопу.

— Здравствуй, Лай, — сказала антилопа дружелюбным голосом. — Меня послал к тебе наш султан...

— Какой еще султан? — закричал на нее Лай. — Знать я не хочу вашего султана!

— Зачем нам ссориться? — сказала антилопа. — Можно говорить дружелюбно. Я пришла сюда, потому что меня послал за тобой наш султан черепаха. Лучше бы тебе пойти к ней. Неужели ты боишься черепахи?

— Ладно, — сказал Лай, — пойдем. И ты тоже пойдешь, — крикнул он зайцу. — И твоя жена пусть идет.

А те оба только дрожали от страха.

Пришли они к черепахе.

— Лай, — сказала черепаха, — я слышала, ты хочешь убить зайца и его жену. Но чтобы убивать других — такого закона нет. Что тебе сделал заяц?

— Я знаю, что он мне сделал, — ответил Лай, — и я его убью сейчас же на месте.

Услышав такие слова, черепаха очень испугалась.

— Заяц, — спросила она, — что ты сделал этому человеку?

Заяц рассказал ей все как было. Выслушав его, черепаха посмотрела на камни, где были написаны законы, и сказала:

— Лай оскорбил господина подземного мира и хотел убить тебя. Значит, он и согрешил, а ты, заяц, невиновен.

— Я согрешил? — закричал Лай. — Я вижу, черепаха, ты сама согрешила!

— Что ты говоришь, Лай! — сказала черепаха. — Я смотрю в закон, а закон не может быть неправ.

— Что у тебя за закон? — ответил Лай. — Этот камень у тебя — закон?

— Да, — сказала черепаха, — этот камень у меня — закон. Или ты его не уважаешь?

— Я очень его уважаю, — ответил Лай. — Я сейчас заброшу твой камень в пори.

— Подожди, подожди, — испугалась черепаха. — Сейчас я еще разок загляну в закон. Может, я что-то неправильно там разобрала.

А про себя она подумала: «Когда убивают другого, это все-таки не так страшно, как если убивают тебя».

— Да, — сказала она, — я разобрала не совсем точно. Теперь я вижу, что виноват заяц. Почему ты обманывал Лая? — обратилась она к зайцу. — Почему твоя жена оскорбила его?

— Твой суд глуп! — закричал на черепаху Лай. — Разве это настоящий закон? Я заброшу твой закон в пори, а потом убью и тебя.

Черепаша с перепугу спряталась в свою пору. А Лай ударил зайца так сильно, что тот на месте испустил дух. Жена зайца стала просить Лая о пощаде, но он ответил:

— Нет, я не могу оставить тебя в живых, потому что ты оскорбила мою мать.

Схватил он свою палку и убил жену зайца. А сам пошел своей дорогой.

враку, 107, 77

124. Кошка Лая

Однажды в дом Лая забралась мышь и стала грызть его обувь. Кошка Лая схватила ее. Мышь жалобно запищала. А Лай услышал этот писк и крикнул кошке:

— Держи ее как следует, не упусти! Будешь ловить мышей, которые грызут мою обувь, — дам тебе много молока!

— Нет, она у меня не убежит, — сказала кошка и убила мышь. А Лай дал ей много молока.

Жена мыши пожаловалась леопарду. Леопард пошел к черепахе и сказал:

— О наш султан, я пришел к тебе с жалобой на кошку. Она убила мышь!

— Как так! — рассердилась черепаха. — Я же сказала, что никто не имеет права убивать другого!

— Да, звери перестали тебя уважать, — сказал леопард. — Они не выполняют твоих приказов.

Черепаха послала за кошкой. Гонец побежал за ней, но не нашел и вернулся ни с чем.

— Ты не нашел ее? — удивился леопард. — Да ведь она живет в доме Лая!

— Ах, — сказала черепаха, — значит мышь убита там? А что она делала в доме Лая?

— Она хотела съесть его обувь.

Тогда черепаха сказала:

— Ох, оставьте меня с этим Лаем! Он опасный человек.

— Ты что, боишься Лая? — насмешливо спросил леопард.

Черепахе это показалось обидным, и она велела позвать Лая вместе с кошкой. Кошка пришла к султану первой, а Лай спрятался позади дома.

— Что же это такое, кошка? — сказала черепаха. — Почему ты убила мышь?

— Я убила ее потому, что она ела обувь моего господина, — ответила кошка.

— Ты служишь человеку! — воскликнула черепаха. — Почему ты живешь у Лая?

— Я живу у него потому, что он кормит меня, — ответила кошка.

Черепаха посмотрела на свои камни и сказала:

— Ты, кошка, очень провинилась. Ведь я издала приказ, чтобы никто из зверей не убивал друг друга. Но чтобы разобраться в этом деле до конца, надо вызвать самого Лая.

Лай все это услышал и сам вбежал в дом.

— Здравствуй, султан! — сказал он.

— Послушай, Лай, — закричала на него черепаха, — каждый день ты что-нибудь вытворяешь в нашей стране! Почему ты подговорил кошку убить мышь?

— Она все время грызла мою обувь, — ответил Лай.

— Если она даже и делала это, — вставил леопард, — ее нельзя винить. Должна же она чем-то питаться!

— Никогда не слыхал, чтобы человеческая обувь служила пищей для мышей, — возразил Лай. — Если бы таков был приказ султана, я бы не велел убивать мышь.

Черепаша посмотрела в свои законы и сказала:

— Ты, Лай, и твоя кошка — вы оба виноваты и должны понести наказание.

— Что ж,— сказал Лай.— А посмотри-ка в свои законы, велико ли должно быть наказание?

— Лучше всего было бы наказать их обоих палками,— радостно воскликнул леопард.

— Да, Лай,— согласилась черепаха,— тебя стоит наказать палками.

— А кошку? — спросил Лай.

— Кошка — другое дело,— сказала черепаха.— Больше всех виноват ты. Дикая собака, принеси две палки!

Леопард хотел схватить Лая, но тот швырнул его на землю и крикнул:

— Ах, так? Сегодня вы узнаете, кто такой Лай! Вы все распрощаетесь с жизнью.

Одной рукой он схватил леопарда, другой черепаху, стукнул их друг о друга и бросил на землю. Леопард тотчас испустил дух, а черепаха взмолилась:

— Пощади меня, Лай, теперь я вижу, как ты велик!

— Эх ты, великий султан,— крикнул ей Лай,— посмотри-ка еще раз в свои законы и скажи, кто виноват.

— Виновата я,— ответила черепаха,— я очень, очень виновата. Можешь сам посмотреть в мои законы.

— Твои законы — простые камни,— ответил Лай.— Какая в них может быть справедливость?

праку, 107, 89

125. Семь братьев-мышей

Давным-давно жили на земле семь братьев-мышей. У них была своя юрта величиной с ладонь.

Однажды утром проснулись они и увидели, что за ночь снегу навалило — стены скрыло! Сделали братья деревянные лопаты и начали разгребать снег. Целый день трудились, очень проголодались.

И вдруг на том месте, где только что отгребли снег, все увидели кусочек мяса. Он лежал прямо перед носом Самого Младшего Брата. Не успели все и рта раскрыть, как он съел это мясо.

Самый Старший Брат закричал:

— Что ты наделал?! Все съел сам! Вот я тебя сейчас!

И на глазах у перепуганных братьев-мышей он прыгнул и проглотил Самого Младшего Брата прямо с хвостиком. Тогда пять братьев накинулись на него, связали и поволокли на суд к хану. Долго шли, очень устали, пока добрались до хана. Свя-
занного брата оставили у дверей, а сами вошли в юрту.

Хан величественно восседал на троне. Он с усмешкой по-
смотрел на взмокших, запыхавшихся мышей.

— Откуда вы пришли? — спросил хан.

— Мы пришли из-за семи рек, из-за семи перевалов, — от-
ветили мыши.

— Это и видно, вон как язычки-то высунули! — заметил хан.

— Нас было семеро, — сказали мыши.

— Ого, как много! — засмеялся хан.

— У нас была юрта величиной с вашу ладонь, — сказали мыши.

— Большая юрта! — усмехнулся хан.

— Когда мы разгребали снег, наш Самый Младший Брат нашел кусок мяса и съел. И тогда Самый Старший Брат про-
глотил его прямо с хвостиком.

— О, какой он страшный! Где же он? — спросил хан.

— Мы его связали и приволокли к вам на суд. Он лежит за дверьми. Он очень большой. Когда мы его нашли, он был совсем маленький, мы взяли его к себе и стали звать наш Са-
мый Младший Брат, но он рос быстрее всех, и скоро мы стали его звать Наш Самый Старший Брат. Он стал спать уже не в юрте, а снаружи.

— Втащите его сюда! — приказал хан.

Братья-мыши втащили связанного Самого Старшего Брата.

— Ха-ха-ха! — захохотал хан. — Да ведь это — кот! — И он стал развязывать травинки, которыми были спутаны лапы кота.

— Хан, как вы его накажете? — спросили мыши.

— А вот как: развяжу и отпущу. Он хорошо сделал, что съел мышь! И пусть он всех вас сожрет! — крикнул хан.

Испугались братья-мыши и разбежались кто куда.

А хан самого старшего их брата сделал своим котом.

С тех пор кот не дружит с мышами. Он помнит, как они волокли его, связанного, через семь рек, через семь перевалов на суд к хану.

А мыши обиделись на хана, что он оправдал kota-преступника, и начали таскать у хана зерно, лепешки, сало, масло.

Вот с тех пор и стали мыши врагами людей, а кошки — врагами мышей.

тувинск., 95, 187

126. [Он нам не так нужен]

Деревенский кузнец убил человека, и кадий приговорил его к смертной казни. Жители деревни толпой пришли к кадию и заявили:

— Кузнец у нас один. Если ты его казнишь, кто же будет подковывать наших мулов и ослов? Пусть казнят вместо него бакалейщика, он нам не так нужен.

Кадий подумал и ответил:

— Зачем же убивать бакалейщика? Он тоже один. Давайте казним одного из служителей баши — ведь их там двое.

персидск., 63, 52

127. Цена закону

Много лет назад жил в Монголии слепой музыкант.

Триста шестьдесят пять дней в году странствовал он по стойбищам, ходил из юрты в юрту, играл людям на хуре *, пел песни, сказывал былины.

Слепой музыкант откладывал каждую лишнюю монетку на черный день, когда заболит и не сможет бродить по стойбищам. Свои деньги он носил в мешочке, а мешочек прятал за пазухой и никогда с ним не расставался.

Однажды, когда музыкант играл на многолюдном сборище и пел свои песни, подошел к нему щегольски одетый незнакомец. Растолкав людей, он протиснулся вперед, сел на корточки перед музыкантом и стал пристально смотреть на него своими черными глазами. На пришельце были шелковый халат, а поверх него зеленая плисовая куртка; на ногах — добротные кожаные гутулы *; шапка из черного шелка сдвинута набок.

Когда музыкант кончил играть и народ разошелся, незнакомец воровато осмотрелся и запустил руку за пазуху музыканта. Слепой музыкант испугался, схватил вора за руку, стал кричать:

— Люди! В ясный день, под золотыми лучами солнца человека грабят!

Не успел грабитель вытащить руку из-за пазухи музыканта, как сбежались люди и схватили его.

— Так хорошо одет, а кого вздумал грабить! — возмущались они. — Бедного слепого музыканта. Позор тебе!

А пришелец и не думал выпускать из рук мешочек.

— Подумайте, откуда у этого паршивого слепца может быть столько денег? — кричал он. — Это мои деньги! Он у меня хотел их отнять!

Народ еще пуще возмутился.

— Мошенник, хочешь оклеветать бедного музыканта! — закричали люди и повели его к нойону*.

Выслушал нойон, что говорили ему люди, усадил слепого музыканта и стал допрашивать мошенника.

— Встань на колени! — приказал он. — Ты, презренный вор, среди ясного дня, под золотыми лучами солнца вздумал ограбить бедного слепого музыканта. Как смеешь ты так поступать, живя под властью своего милостивого владыки?

— Мой нойон, — ответил мошенник. — Я из самой благородной семьи. Мой отец — знатный человек. Зачем мне заниматься грязными делами? Неужели я стал бы грабить ничтожного музыканта и пятнать доброе имя своих родителей?

— Как смеешь ты говорить, будто вышел из знатного рода? — вскипел нойон. — Будь это так, ты бы не обворовал этого бедняка!

— Мой нойон! Смею уверить вас, отец имеет почти такой же титул, как и вы, — стоял на своем мошенник. — Во всех четырех сторонах света нет человека, который не знал бы моего отца.

Еще пуще рассердился нойон и говорит:

— Кто может знать недостойного отца, который воспитал такого дурного сына?

— Мой нойон! Вы тоже знаете имя моего отца.

— Придется и твоего негодного отца привлечь к ответу. Говори его имя! — закричал нойон.

Вор посмотрел на нойона, чуть заметно подмигнул ему и сказал:

— Лицо моего отца бугристое, спина горбатая, а имя ему Старый Сребреник.

Нойон задумался. Долго молчал он, потом улыбнулся:

— Придется завтра заняться вашим запутанным делом.

И приказал посадить под замок слепого и вора, каждого в отдельности.

Ночью вор попросил отвести его к нойону и дал ему взятку — тридцать серебряных монет с рельефной чеканкой на лицевой стороне.

Утром оба предстали перед нойоном. На этот раз он обрушил свой гнев на слепого музыканта.

— Презренный вор, как смел ты нарушить закон? Говори, что заставило тебя оклеветать честного человека?

Музыкант ничего не ответил. Он сел и начал копать землю руками, изредка наклоняясь, словно прислушиваясь.

«Что делает этот слепой черт?» — удивился нойон, а вслух спросил:

— Эй, вор, ты что, с ума сошел?

— Мой нойон, — ответил слепой музыкант. — Только вчера здесь говорил закон. Сегодня закон онемел за тридцать серебряников, словно сквозь землю провалился. Вот я и рою, может, найду закон, а может быть, монеты?

Нойон изменился в лице и приказал поскорее прогнать слепого музыканта.

монгольск., 56, 257

128. О несправедливом суде

В одной стране жил человек, у которого была очень большая семья. Человек уважал законы и обычаи. Однако в этом мире богатство и бедность, почет и унижение постоянно сменяют друг друга. Настало голодное время, и человеку стало трудно кормить свою многочисленную семью. Тогда он решил найти такую страну, где он и его семья могли бы жить в достатке. Взял он с собой жену и детей и отправился в путь.

Много дней провели они в дороге. Как-то встретили они крестьян и спросили, не знают ли те такой страны, где от хлеба ломились бы закрома. И крестьяне, указав на дальние горы, сказали:

— В том краю есть страна, в которой очень много хлеба. Там плодородная земля, но судьи несправедливы, и в стране царят беззаконие и беспорядки. В соседней же стране живет не особенно вольготно, но там честные судьи, а закон и справедливость торжествуют.

Выслушал их человек и подумал: «Я беден. У меня нет ни земли, ни скота, ни имущества. Меня не интересует — справедливый судья или несправедливый, соблюдаются законы или нет. Я хочу лишь своим трудом заработать на пропитание. Мне не из-за чего ссориться с людьми».

И он твердо решил отправиться в ту страну, где много хлеба, но нет справедливости. Вскоре человек достиг этой страны. Построил он хижину для своей семьи и, трудясь день и ночь, мог прокормить свою жену и детей.

Прожил он в этой стране несколько месяцев, и вот однажды подходит к нему сосед и говорит:

- Кто все эти люди, которые живут с тобой?
- Это моя жена, а остальные — дети.
- Неужели у тебя столько детей? — не унимался сосед.
- Конечно, — отвечал тот.

Тогда сосед говорит:

— Ты отец такого большого семейства, а я одинокий человек. Отдай мне свою жену. Пусть она и мне родит ребенка.

— Как это отдать тебе жену?! Нет, не отдам, — отвечает он.

Тут они поссорились, и сосед говорит:

— Ах, ты не хочешь отдать мне свою жену?! Тогда пойдешь к судье.

«Хоть здешний судья и несправедлив, но он не скажет мне, чтобы я отдал этому человеку мою жену», — подумал отец семейства, и они направились к дому судьи.

Как только они пришли к судье, сосед и говорит:

— Господин, рассудите по справедливости! Уже прошло много времени с тех пор, как этот человек приехал сюда из другой страны и поселился здесь. Так как с ним приехало много людей, я спросил его, что это за люди, и он ответил мне, что это его жена и дети. А я одинокий человек. Вот я и попросил его дать мне жену, чтобы она родила мне ребенка, но он отказался. Когда я увидел, что он ревнивец и думает только о себе, я решил обратиться за помощью к вам. Я уверен, что вы, узнав о такой несправедливости, заставите его отдать мне свою жену.

Судья выслушал его и говорит:

— Послушай, пришелец! Ты откуда приехал сюда? Ты совсем не знаешь законов и обычаев. У тебя много детей, а у него ни одного, и, когда этот человек просит у тебя жену, чтобы она родила ему хотя бы одного ребенка, ты возражаешь! Какой же

ты чужак! Сейчас же отдай ему свою жену! Если же не выполнишь моего приказа, тебя постигнет суровое наказание!

Отдав свою жену, отец семейства от гнева и печали заболел и слег в постель. ПроболеЛ он всю неделю, а в воскресенье соседи собрались и, направившись к дому больного, решили по дороге:

— Если он все еще болен, положим его на носилки и понесем хоронить. Ведь иначе он умрет в рабочий день, когда мы будем работать на землях негуса!

Придя к больному, они сказали:

— Сегодня воскресенье. Мы свободны и можем похоронить тебя.

— Как это так? Я же не умер, а вы хотите похоронить меня?! — удивился он.

Тогда они ему говорят:

— Ты пролежал всю неделю, а теперь собираешься умереть в рабочий день и заставить нас бросить работу на землях негуса?! Нет, мы похороним тебя сегодня. А если не хочешь, пойдем к судье, и пусть он нас рассудит. Ты всегда был плутом. Когда твой сосед попросил у тебя жену, ты тоже отказывался, но наш справедливый судья разоблачил тебя, и тебе все-таки пришлось отдать жену.

Человек отказался идти вместе с ними к судье.

Тогда они насильно подняли его и потащили с собой.

Явившись к судье, они сказали:

— О судья, рассудите по справедливости! Этот человек приехал к нам из другой страны и поселился здесь. В понедельник он заболел и слег в постель. Мы боялись, что он внезапно умрет и из-за него нам придется бросить работу на землях негуса, но благодаря божьей милости он протянул до воскресенья. Поэтому мы собрались сегодня и решили похоронить его, а он отказывается и доставляет нам лишние хлопоты. Вот мы и пришли к вам, чтобы услышать ваш справедливый приговор.

Тогда судья поднялся и говорит:

— Уж не тот ли это человек, который недавно говорил, что не отдаст свою жену? До каких пор он будет издеваться над нами?! Это же ревнивец и плут, не признающий законов и обычаев! Откуда он взялся?! Заболел, провалялся всю неделю, а теперь еще смеет говорить, что его не должны хоронить! Уж не хочет ли он умереть в рабочий день, чтобы из-за него прекратилась работа на землях негуса?! Сейчас же похороните его!

Люди поблагодарили судью за его приговор и пошли хоронить пришельца.

Так рассказывают.

амхарск., 39, 106

129. Как Ахмет-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия

[...Однажды увидел Ахмет-Ахай] — едет один человек с женой верхом на ослице. Когда они поравнялись с ним, он притворился слепым и стал просить их:

— Если можно, возьмите и меня, пожалуйста, с собою.

Хозяин был добрый человек, пожалел слепого. С ослицы слез и посадил его впереди своей жены.

По приезде в город хозяин-муж говорит сидящему на осле Ахмет-Ахаю:

— Мы уже приехали. Теперь можешь сойти на землю.

Тот отвечает:

— Почему я должен со своего осла слезать на землю?

— Что за вздор плетешь? Разве это твоя ослица? Ты еще скажешь, что и эта женщина — твоя жена?

— Конечно, если жена моя, я иначе и говорить не буду.

— Ты в своем уме? Как она может быть твоей женой, если она моя жена?

Начался спор. Собрался народ. Что такое? Что произошло?

Муж своей жены говорит людям:

— Пожалел я слепого и уступил ему свое место впереди жены. Теперь он говорит, что и ослица его, и жена тоже его.

— Слушайте его поменьше, — закричал Ахмет-Ахай. — Он пользуется тем, что я слепой, хочет у меня отбить и жену, и осла. Люди добрые, заступитесь за меня!

Спорящих направили в шариат к кадию.

Кадий предложил Ахмет-Ахаю говорить первому, и притворщик начал:

— Света белого я не вижу, вот он и хочет воспользоваться моей слепотой, забрать осла.

А сам хлопает себя рукой по груди, где у него был спрятан камень, — дает кадию понять, что приготовил для него хороший подарок.

Тут кадий спрашивает хозяина ослицы:

— Ты утверждаешь, что животное, на котором ехал этот слепец, твое. Так ответь же мне: осел это или ослица?

Тот отвечает:

— Ослица.

— А ты, любезный, что скажешь? — обращается кадий к Ахмет-Ахаю.

— Осел, — отвечает тот.

— Вот мое решение, — говорит тогда кадий. — Тот, кто ехал с женщиной на осле, может взять ее. А осла я поставлю в мой ослитник, где он будет находиться до тех пор, пока не разродится осленком, и тогда ты, называющий себя хозяином ослицы, получишь ее. А если пройдет положенный срок и осленка не будет, приходи за ним ты, называющий себя хозяином осла.

Человек, проигравший все, что имел, хватается себя за волосы и кричит:

— Что же я наделал, Аллах небесный мой! Неужели я потерял разум?

И тут Ахмет-Ахай сказал:

— Не плачь, уважаемый хозяин. Жена твоя мне не нужна. И ослица как была твоя, так твоей и останется. Я не слепой с большой дороги, а, как и ты, зрячий. Но ведь и слепой может разглядеть, как бессовестно судит наш многоуважаемый кадий[...]¹

татарск., 55, 208

130. Халат верховного казия

Возвращаясь поздно ночью от больного, Насреддин Афанди увидел на улице лежащего без движения человека.

Подошел Афанди, посветил фонарем и видит: лежит в пыли и грязи верховный казий Бухары, совершенно пьяный.

— О, — сказал Афанди, — за одну пиалу вина ты, господин верховный казий, приговариваешь несчастного к наказанию по сорок палок. Интересно, сколько ты выпил пиал, если валяешься здесь, как свинья, потеряв человеческий облик!

Пинком ноги Афанди перевернул безжизненное тело, снял с верховного казия шитый золотом халат и чалму и отправился домой.

Верховный казий был настолько пьян, что только на рассвете очнулся. С трудом он поднялся и, крадучись, пробрался в свой дом.

Здесь только верховный казий осмотрелся и увидел, что раздет, а его дорогой золотошвейный халат и чалма индийской кисей исчезли.

Возмущенный тем, что какой-то вор осмелился ограбить его, самого верховного казия, он решил во что бы то ни стало найти преступника и предать его мучительной казни.

Вызвал он полицейских и приказал им:

— Бегите по городским базарам и того человека, в руках которого окажутся мои халат и чалма, немедленно схватите и приведите сюда.

Полицейские низко поклонились и бросились выполнять приказ.

Верховный казий призвал палача и стал ждать, заранее наслаждаясь мстостью.

Полицейские побежали по базарам Бухары, обшарили, словно псы-ищейки, каждый закоулок и вскоре нашли Афанди с халатом и чалмой верховного казия.

Связав руки Афанди, полицейские притащили его к верховному казию.

— Вот вор, — сказали полицейские.

— Откуда у тебя мой халат и моя чалма? — грозно спросил верховный судья. — Говори правду. Видишь, палач стоит по правую мою руку.

Тогда, смиренно склонив голову, Афанди ответил:

— Господин, сегодня ночью я натолкнулся на неизвестного, валявшегося в грязи на улице и потерявшего человеческий облик. Человек был совершенно пьян. Я взял у него халат и чалму. Если этот пьяный были вы, верховный судья, я готов вам вернуть халат и чалму.

Испугался, затрясся верховный казий. Понял он, что будет опозорен на всю Бухару, если народ узнает, что он, верховный казий, предается пьянству.

Милостиво улыбнувшись, верховный казий сказал:

— Блюстителю законов не подобает и прикасаться губами к пиале с вином. Тот пьяный, конечно, был не я. Халат и чалма не мои. Иди с миром.

Но вся Бухара знала, кому принадлежали халат и чалма. И народ прославил Афанди, сумевшего осмеять верховного судью.

131. [Цяо Шунь и чиновник]

Один чиновник сказал Цяо Шуню:

— Я на тебя сердит. Ты отнимаешь у меня весь заработок. Давай померимся с тобой хитростью. Кто проиграет дело, тот будет наказан.

— Хорошо,— согласился Цяо.— Сделаем так: ты будешь мой отец, а я твой сын. Я дам тебе две пощечины, а ты за это пожалуешься на меня в суд.

Чиновник решил, что в таком деле он, конечно, возьмет верх, и согласился.

Они сделали, как договорились, и пришли на суд к уездному начальнику. Тот выслушал чиновника и обрушился было с угрозами на Цяо. Но тот ничего не отвечал, только разводил руками. Начальник неожиданно изменил тон и велел слугителям задать палок истцу.

Чиновник никак не мог понять, почему он проиграл дело. Тогда Цяо показал ему свои ладони. Лишь тут чиновник заметил, что на одной из них был написан иероглиф «лазание», а на другой — «зола», что вместе значило «кое-кто заводит пашни с женщиной».

Стоило уездному начальнику увидеть эту надпись, как он вынес приговор в пользу Цяо.

китайск., 113, 113

132. В шкуре собаки

У Насреддина Афанди издохла любимая собака. Он так дорожил ею, что после трехдневного оплакивания решил хоронить ее как следует. Завернув труп собаки в саван и пригласив имама, он тайно закопал труп на кладбище.

Об этом стало известно жителям города, и они потащили Афанди к казию*.

— Волею Аллаха,— заявил Афанди,— моя собака перед кончиной заговорила по-человечьи, ваша милость. Разве может животное заговорить по-человечьи, если на то не было воли Аллаха?

— Никому не дано сомневаться в силе всевышнего,— ответил казий.— А что сказала тебе собака?

— Моя собака сказала так: когда я умру, похороните меня в саване по обычаю. И пожертвуйте господину казию сто таньга.

Афанди оправдали.

уабекск., 40, 91

133. Отравленное молоко

Жил однажды человек, и устроил он званый обед, на котором потчевали гостей молоком. Когда все молоко было выпито, он послал за молоком на базар свою рабыню. И взяла она сосуд, пошла на базар и купила молоко. Но когда она возвращалась домой, держа сосуд с молоком на голове, над ней пролетел коршун, в клюве которого была змея. И подул сильный ветер, и встрепелась змея, и выпустила струйку яда в сосуд с молоком, а рабыня этого не заметила.

Она принесла молоко своему хозяину, он угостил им присутствующих, и все они скончались. Кто же виноват в их смерти?

[Вопрос был задан философам и мудрецу Синдбану в присутствии царя и его сына.]

Первый философ сказал:

— Виноват хозяин дома. Ибо, прежде чем угощать молоком своих друзей, он должен был дать рабыне попробовать его.

Второй философ сказал:

— Не в этом дело. Хозяин ни в чем не виноват. Во всем виновата змея.

Третий философ поднялся и сказал:

— Ты тоже не прав. И змея не виновата, ибо не по злому умыслу, а по воле обстоятельств она выпустила яд из своего жала [...]

Тогда встал Синдбан. Он сказал:

— Знайте же, что все сотворенное богом, все, в чем есть живая душа, наделено от природы определенными свойствами. И коршун питается лишь тем, чем ему предопределено питаться свыше. Следовательно, коршун тоже ни в чем не виноват.

Тогда царь обратился к своему сыну и сказал ему:

— Я думаю, что мои советники не знают, чья здесь вина. Каково твое мнение?

Царевич ответил:

— Поистине, мой повелитель и царь, ни один из мудрецов

Каира не сумел определить подлинного виновника гибели гостей, пивших отравленное молоко. Лично я полагаю: они погибли потому, что такая смерть была им суждена.

сирийск., 58, 67

134. Станный чиновник

О чиновнике Хване люди вспоминают до сих пор. Он занимал высокие должности при разных правителях. Самым замечательным в чиновнике Хване было то, что он всегда говорил людям только «да». Его губы неспособны были выговорить «нет», даже если это было крайне необходимо. Казалось, ему безразлично все происходящее. Никогда лицо его не выражало озабоченности.

Однажды двое его слуг поспорили о чем-то и никак не могли прийти к согласию. Наконец один из них обратился к своему господину и сказал:

— Я поспорил со своим товарищем. Пожалуйста, рассудите нас!

И он рассказал ему суть спора. Чиновник выслушал его и ответил:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Но потом пришел другой слуга, рассказал о том же самом споре и тоже попросил чиновника рассудить. Хван и ему сказал:

— Твои слова справедливы. Ты прав.

Случайно при этом присутствовала его жена. Она засмеялась и сказала:

— О мой господин, почему вы не вынесете ясного решения? Вы ведь слышали, что двое ваших слуг спорили друг с другом. Разве не правильнее и не проще было бы одному сказать: «Ты прав», а другому: «Ты неправ»?

— Да, верно, — ответил тот, — ты права.

Эти слова дошли до наших дней. И сейчас, когда люди хотят сказать, что кто-то не может рассудить спор, они говорят: «Ты судишь, как чиновник Хван!»¹

корейск., 110, 156

135. Нубийский счет

Один нубиец пришел к другому и попросил у него займы пиастр.

Тот дал ему две монеты по двадцать парасов, потому что в пиастре как раз сорок парасов. Но когда пришел срок возвращать долг, второй нубиец принес первому не две монеты по двадцать парасов, а пиастр.

— Нет,— сказал первый нубиец.— Я дал тебе две монеты по двадцать парасов, вот и верни мне две монеты.

— Но ведь в пиастре ровно сорок парасов!

— Нет и нет! Взял две монеты — верни две монеты!

Слово за слово, сначала поспорили, потом чуть не подрались. И решили оба идти к судье-кади, чтобы он их рассудил.

Долго бился с ними кади, пока уразумел, в чем дело. Еще дольше пытался примирить спорщиков. Наконец вышел из терпения, взял у второго нубийца пиастр, а первому отдал две монеты по двадцать парасов из своего кошелька.

— Теперь ты доволен? — спросил кади.

— Слава Аллаху! — воскликнул первый нубиец.— Наш кади — золотой человек, справедливый. А главное — умеет считать!

нубийск., 87, 107

136. Ходжа разбирает тяжбу красавиц

Когда ходжа был в Сиврихисаре кази, пришли к нему красавицы. Вот одна и говорит:

— Эфенди, я заказала этой женщине сплести обыкновенную бечеву, а она начала прядь тонкие-претонкие нитки, вроде моих волос. Если она будет делать так, я отказываюсь от уговора; пусть она вернет мне деньги.

Так говоря, она кокетливо приоткрывала лицо и показывала ходже пряди своих волос.

Ходжа, в смущении призывая имя Аллаха, обернулся к другой женщине и спросил:

— Что ты скажешь на это?

А та, придав своему голосу дрожь и волнение, с жаром, как будто от гнева, отвечала:

— У нас уговор был насчет обыкновенных веревок для

белья, толщиной вот с мой палец, и вовсе не требовалось плести веревки толщиной в кисть моей руки,— говорила она и, чтобы доказать свою правоту, показала белоснежную руку...

Бедный ходжа остановил ее и, оглядев обеих с ног до головы, сказал, улыбаясь:

— Ну, девочки, столкнитесь как-нибудь между собой. Ты,— продолжал он, обращаясь к ответчице,— немного толще пряди; только не натягивай так сильно, чтобы не надорвалось сердце вашего ходжи, как это только что было.

Красавицы засмеялись и ушли.

турецк., 17, 120

137. Рассказ об Абу-Юсуфе

Рассказывают, что Джафар Бармакид однажды вечером разделял с ар-Рашидом¹ трапезу и ар-Рашид сказал ему:

— О Джафар, до меня дошло, что ты купил такую-то невольницу, а я уже давно стремлюсь купить ее, так как она прекрасна до предела и мое сердце занято любовью к ней. Продай мне ее.

— Я ее не продам, о повелитель правоверных,— ответил Джафар.

— Ну так подари мне ее,— молвил ар-Рашид.

И Джафар сказал:

— Не подарю!

И тогда ар-Рашид воскликнул:

— Если ты не продашь мне невольницу или не подаришь мне ее, Зубейда трижды разведена² со мной!

И Джафар сказал:

— Моя жена трижды разведена со мной, если я тебе продам эту невольницу или подарю ее тебе!

А потом они опомнились от хмеля и поняли, что попали в великое дело, и были бессильны придумать какую-нибудь хитрость, и ар-Рашид воскликнул:

— Вот происшествие, для которого не пригодится никто, кроме Абу-Юсуфа!³

И его потребовали, а это было в полночь, и, когда посланный пришел, Абу-Юсуф поднялся, испуганный, и сказал про себя: «Меня призывают в такое время только ради какого-нибудь дела, постигшего ислам!»

И он поспешно вышел и сел на мула и сказал своему слуге:
— Возьми с собой торбу; может быть, мул не получил весь свой корм, и, когда мы приедем в халифский дворец, привяжи ему торбу, и он будет есть оставшийся корм, пока я не выйду, если он не получил всего корма сегодня вечером.

И слуга отвечал:

— Слушаю и повинуюсь!

И когда Абу-Юсуф вошел к ар-Рашиду, тот встал перед ним и посадил его на ложе с собою рядом (а он не сажал с собою никого, кроме него) и сказал ему:

— Мы потребовали тебя в такое время лишь для важного дела, и оно обстоит так-то и так-то, и мы бессильны придумать какую-нибудь хитрость.

— О повелитель правоверных,— сказал Абу-Юсуф,— это дело самое легкое, какое бывает! О Джафар,— молвил он,— продай повелителю правоверных половину невольницы и подари ему половину, и вы оба исполните таким образом клятву.

арабск., 98, 102

138. Летающая лань

Поспорили в деревне два юноши. Один говорил, что лань прыгает. «Нет, летает»,— твердил другой. Спорили они, спорили — никак не могли друг друга переспорить; каждый продолжал стоять на своем. Наконец пошли они оба к судье и попросили, чтобы тот их рассудил.

— Хорошо,— сказал судья первому юноше,— когда ты видел, что лань прыгает?

— Однажды весной,— ответил тот.— Я шел по лесу и видел, как лань скакала и прыгала.

— А ты,— обратился судья к другому,— когда ты видел, что лань летала?

— Однажды в седьмой месяц года,— ответил тот,— мы праздновали шестидесятилетие тестя. Все были веселы и хмельны. Когда, возвращаясь домой, мы проходили по опушке леса, я увидел, как лань идет по верхушкам кустарника, а тот даже не шелохнется. Разве это не значит, что лань летает?

Судья тотчас все понял, но сказал, что хочет на месте посмотреть, как все было. Пошли они втроем на опушку и, дей-

ствительно, увидели лань, которая быстро удалялась по склону холма, покрытого кустарником.

Чтобы не портить отношений ни с кем из спорщиков, умный судья сказал:

— Вы оба правы. Весной лань прыгает, а осенью летает.

Оба были очень довольны таким решением, уплатили судебные издержки и разошлись добрыми друзьями¹.

корейск., 110, 146

139. Глазная болезнь

Одного чиновника назначили судьей. Уселся он в зале и начал разбирать судебное дело. Истец и обвиняемый стали приводить свои доводы.

— Оба вы говорите резонно,— сказал судья.— Поскольку истец прав, то присуждаю двадцать палочных ударов обвиняемому. Но и обвиняемый прав, поэтому присуждаю двадцать ударов палками истцу.

Объявив приговор, судья пошел из зала. Приказные бросились за ним и просили отпустить их домой.

— В чем дело? — спросил судья.

— С глазами плохо. Слепнем! — хором кричали приказные.

— А я вижу, у вас глаза в порядке. Почему вы кричите «слепнем»?

— Конечно, вы видите нас ясно, а мы как посмотрим на вас, так словно глупость глаза застилает...

китайск., 50, 211

140. Коза

А вот еще какая история приключилась с хелемским мела-медом *. Как-то по окончании школьного года¹ в его кошельке оказался целый капитал — десять звонких монет. Он долго сидел со своей женой и думал, на что употребить эти деньги.

Наконец жена сказала ему:

— Отправляйся, супруг мой, в местечко, которое славится своими козами, и купи козу. Недаром говорят люди: «Коза в доме — достаток в доме».

Меламед послушался жену, отправился и купил козу. В пути, когда он вел козу домой, его застала ночь. Страшно стало меламеду на безлюдной дороге, он свернул на постоянный двор и решил там заночевать.

Когда меламед блаженствовал за стаканом чаю, а коза его жевала в сарае сено, к нему подсел хозяин постоянного двора. Слово за слово, и уже через минуту тот знал, что его поздний гость — не кто иной, как хелемский меламед. Смекнув, какую шутку можно с ним сыграть, хозяин пошел в сарай и заменил козу козлом.

Назавтра чуть свет меламед зашел в сарай, взял за веревку козла и пошел своей дорогой. Домой он прибыл в прекрасном настроении и, увидев жену, воскликнул:

— В добрый час! Я привел тебе козу. Иди и подои ее.

Женщина взяла подойник, вышла во двор и видит — перед нею не коза, а козел. И она начала громко бранить козла, своего мужа и весь божий свет, нимало не смущаясь тем, что ее слышат дети, ученики меламеда.

Честь меламеда была задета. Он вскочил и поклялся, что тотчас вернется в местечко и на весь мир опозорит наглого обманщика, который осмелился вместо козы всучить ему козла.

— Он меня еще узнает! — кипятился меламед.

Схватив веревку, привязанную к рогам козла, он повел его в местечко, к человеку, который продал ему козу.

По дороге он завернул на постоянный двор, чтобы рассказать хозяину, какие бывают на свете обманщики. Улучив минуту, хозяин шмыгнул в сарай и заменил козла козой.

Отдохнув немного, меламед повел свою скотину дальше. В местечке он быстро нашел человека, продавшего ему козу, и набросился на него с бранью:

— Где твоя совесть? Как ты смел вместо козы подсунуть мне козла?!

Тот громко рассмеялся и сказал:

— Глупый ты человек, а еще меламед. Разве ты не видишь, что это коза, а не козел?

Он позвал свою жену, и та на глазах у меламеда надоила полный кувшин молока. Меламеду стало совестно: зря он, выходит, обругал человека. Взял он козу и отправился домой. В пути стемнело, и он завернул на постоянный двор. А когда наутро меламед вернулся домой, жена обнаружила, что он снова вместо козы притащил козла, — это уж постарался хозяин постоянного двора.

Женщина принялась проклинать мужа и всю его родню до десятого колена, и опять в присутствии его учеников. Разгневанная меламед поклялся, что теперь он непременно отомстит обманщику. Он схватил веревку и потащил козла в местечко. По дороге, как и прежде, он зашел на постоянный двор и в местечко привел опять не козла, а козу.

Снова посмеялся над ним продавец и обозвал меламеда круглым дураком, не отличающим козы от козла. И он опять позвал жену, чтобы она подоила козу. Но меламед решил, что на этот раз он не даст так легко обвести себя вокруг пальца.

— Знаем мы ваши штучки! — кричал он. — Видели таких умников! Я не поверю, что это коза, пока сам раввин вместе с духовным судьей не удостоверит это.

Пошли к раввину, и тот, вместе с духовным судьей обследовав со всех сторон животное, в присутствии всех собравшихся выдал хелемскому меламеду свидетельство, что это доподлинно коза. Бумага была подписана всеми присутствующими и скреплена печатью раввина.

— Теперь у меня нет к тебе никаких претензий, — сказал на прощание меламед бывшему владельцу козы. — Прости, что я невольно обидел тебя.

Он взял козу, свидетельство и пошел домой.

По дороге меламед по обыкновению завернул на постоянный двор. А когда на завтра он предстал перед женой, оказалось, что и на сей раз — увы! — он привел козла, а не козу. Жена всплеснула руками и заплакала:

— О, наказание божье! Зачем мне козел?

Тут уж меламед рассердился не на шутку:

— Дурная твоя башка! У меня есть свидетельство раввина и духовного судьи, подписанное ими и скрепленное печатью; в нем говорится, что это коза, а не козел.

Не прошло и десяти минут, как весь двор был полон народом.

Одни кричали:

— Женщина права! Это козел, а не коза. Все признаки налицо.

Другие возражали:

— Меламед прав! У него же на руках бумага, где черным по белому написано, что это коза.

В конце концов меламед и его жена, сопровождаемые толпой, повели козла к хелемскому раввину, дабы он обследовал животное и вынес окончательное решение.

Хелемский раввин водрузил на нос очки и три часа кряду

изучал животное, а также выданное меламеру свидетельство. Наконец он вынес решение:

— Прав, бесспорно, меламер. От рождения это коза, что подтверждает выданное по всей форме и найденное в полном порядке свидетельство. Но всевышний, должно быть, повелел, чтобы козы, вступив на хелемскую землю, тотчас превращались в козлов.

еврейск., 81, 126

141. [Пусть подождет]

Давным-давно жил в столице один сват. Целыми днями подыскивал он женихов и невест.

Однажды он просватал пятнадцатилетнюю девушку за тридцатипятилетнего мужчину, скрыв его возраст. Но родители невесты вскоре прослышали, что жених стар.

— Мы ни за что не отдадим дочь: ведь между возрастом жениха и невесты двадцать лет разницы, — сказали они.

Что мог поделаться сват? Он решил пожаловаться судье. Судья вызвал обе стороны и спросил родителей девушки:

— Вы дали слово, по какой же причине теперь отказываетесь?

— Сват обманул нас: жених на двадцать лет старше невесты, поэтому мы не согласны. Мы бы отдали ее, если бы он был хотя бы только вдвое старше ее.

— Пусть будет, как вы хотите. Отдайте ему свою дочь через пять лет. Жених обязан это время подождать. Тогда ему исполнится сорок, а ей — двадцать и жених будет старше невесты как раз вдвое.

Так порешил судья, и обе стороны с извинениями удалились.

Поистине мудрое решение!

японск., 81, 385

142. [Сварливая жена]

У одного человека была сварливая жена. Она постоянно затевала с ним ссоры. Однажды она так его рассердила, что он не удержался и дал ей пощечину. В это время к ним приехал

отец жены. Он проезжал мимо и решил по пути навестить их. Дочь стала рассказывать ему про то, что случилось.

— Он так ударил меня,— говорила она,— что у меня глаза на лоб полезли.

Муж сидел поблизости и все слышал.

— Я тебя еще раз ударю! — сказал он в гневе.

— Ты хочешь ударить мою дочь на моих же глазах? — спросил пораженный отец.

— О да, господин!

Услышав это, дочь схватила палку да так ударила мужа по лицу, что у него пошла кровь. Тогда он тоже взял палку и так ударил ее, что она упала на землю. Тут и тесть замахнулся на своего зятя, но тот перехватил его удар, сломав его палку на двое, и сам стукнул тестя по спине. Тесть убежал домой.

На другое утро он вернулся с двумя палками. Дочь его тоже схватила две палки. Человек подумал: «Нехорошо, если я стану бить ее отца»,— и побежал прочь. Отец с дочерью погнались за ним, но догнать не смогли и вернулись домой.

Вскоре человек отправил посыльного в дом тестя.

— Скажи старику,— велел он ему,— пусть его дочь больше не появляется в моем доме. И пусть он вернет мне назад выкуп за нее!

Посыльный передал эти слова. Тесть ответил:

— Хорошо, я и сам хочу, чтобы она осталась со мной. Но выкупа он обратно не получит, потому что он ударил меня палкой по спине.

Из-за этого выкупа у них начался долгий спор. Зять говорил тестю:

— Ладно, допустим, я тебя ударил, но это не причина не возвращать мне выкупа. Твоя дочь тоже меня ударила, причем первая. Я хочу получить свой выкуп.

Но тесть стоял на своем.

— Иди и жалуйся, если хочешь,— сказал он.

Ну что ж, пошел человек жаловаться к султану. Изложил он правителю страны суть дела. Султан выслушал его и велел позвать другую сторону: отца и дочь. Прежде чем начать речь, старик показал султану свою спину:

— Посмотри, султан!

— Что там у тебя на спине?

— Он меня ударил!

— В самом деле? — чуть не засмеялся султан.— Видно, ты перед ним сильно провалялся? Или он сошел с ума?

— Да, он сошел с ума,— сказал тесть,— он потерял рассудок. Он каждый день жалуется на мою дочь.

— Ты действительно бил его? — спросил султан.

— Нет— ответил тот,— я его еще не бил, вот только сейчас начну.

— Неужели ты будешь меня бить? — запричитал тесть.

— Но ведь вы сами, ты и твоя дочь, били меня!

— Да, в этом деле непросто разобраться,— сказал султан.— Все вы били друг друга. Но твоя дочь осталась при тебе, а у него жены больше нет. Так что ты должен вернуть ему выкуп.

Но тесть продолжал кричать:

— Он же меня ударил, а я должен отдавать ему выкуп!

— Не начинай спор заново,— сказал султан.— Не хочешь отдавать выкуп, верни ему свою дочь.

— Чтобы моя дочь вернулась к нему?! Он меня ударил, он и мою дочь будет бить, если она к нему вернется.

— Ты так его боишься? — засмеялся султан.— Бить он тебя больше не будет, а дочь приведи к нему обратно.

Тут она сама воскликнула:

— Нет, я ни за что не хочу возвращаться к нему, ведь он сумасшедший! Посмотри, султан, как он ударил по спине моего отца!

И муж тоже сказал:

— Нет, она мне больше не нужна, мне нужен только мой свадебный выкуп.

— Раз так,— сказал султан,— то тебе, старик, придется отдать ему выкуп.

— Ах,— сказал тесть,— мне уже все равно. Я отдам ему выкуп. Я соберу его, но он сможет его получить только через месяц.

— Тридцать дней?! — сердито воскликнул муж.— Кто станет ждать так долго? Тогда пусть твоя дочь эти тридцать дней живет у меня. Когда уплатишь выкуп, получишь ее обратно.

— Да, это будет правильно,— заключил султан.

Тесть уже не в силах был спорить.

— А моя спина? — только и сказал он.— Что он даст мне за удар по спине?

Султан опять засмеялся.

— За это он ничего тебе не будет платить. Ведь ты и твоя дочь тоже побили его. А разве вправе жена бить своего мужа?

— Ах, теперь мне все равно,— сказал старик.— Свой выкуп он получит через четыре дня.

— Ты согласен? — спросил султан.

— Нет, на четыре дня я не согласен. Пусть платит мне сегодня же. Как только я получу свой свадебный выкуп, я пойду своей дорогой, а он с дочерью — своей.

— Нет, султан, — испугался отец женщины, — сегодня я не могу уплатить. Посодействуй мне.

— Что я могу сделать? — возразил султан. — Таков закон. И ведь твоя дочь ударила своего мужа.

— Так и он меня тоже ударил! — чуть не заплакал тесть.

— Все это я уже слышал, — сказал султан, — и больше слушать не хочу.

Старик пошел к себе и собрал весь выкуп. Для этого ему пришлось залезть в долги. Все это он принес своему бывшему зятю, и тот вернулся к себе домой без жены, а она пошла со своим отцом.

ираку, 106, 58

143. «Это подлежит кази!»

Когда два человека сидели в лавке, что напротив их домов, стоящих рядом, выбежала собака и сделала на улице кучу, как раз против их домов. Один сказал:

— Это около твоего дома, ты убери!

— Нет, — заметил другой, — к твоему дому это ближе, тебе и убирать.

Между ними разгорелся спор, и они отправились в суд. А в это время у судьи находился ходжа. Желая позабавиться над ходжой, судья и говорит:

— Эфенди, разбери-ка ты этот спор.

Тогда ходжа обратился к тяжущимся и не задумываясь сказал:

— Разве улица — не общая дорога? Она никому и не может принадлежать. Стало быть, ни тебе, ни ему — никому из вас это не подлежит, а подлежит кази.

турецк., 17, 48

Жил я раньше на одном дереве. И под этим деревом жила одна птица, куропатка... Однажды куропатка отправилась с другими птицами за пищей в одно место, богатое свежим рисом, и не вернулась вовремя... Заяц по имени Шигхрага залез на востоке солнца в то дупло, а я, отчаявшись в возвращении куропатки, не удержал его. Между тем та куропатка, сильно разжирев от питания рисом и вспомнив о своем убежище, вернулась туда на следующий день [...] И увидя, что в дупло забрался заяц, она с упреком сказала: «Эй, эй, заяц! Нехорошо ты сделал, что проник в мое жилище. Поэтому уходи поскорей». Тот ответил: «Глупая! Разве не знаешь ты, что жилищем можно пользоваться, лишь пока занимаешь его?» Куропатка сказала: «Если так, давай тогда спросим соседей. Сказано ведь в книгах закона:

[...] Коль споры начинаются: чей дом, колодец или дуг,
Чья роща иль надел земли,— пусть судит спорящих сосед».

Тогда заяц ответил: «Глупая! Разве не слыхала ты слов предания, гласящих:

[...] Решает споры у людей владенье сроком в десять лет,
А споры у зверей и птиц решает обладание.

Поэтому, если это — твое жилье, все равно я занял его, когда оно пустовало. Итак, оно — мое». Куропатка сказала: «О, если ты упоминаешь предание, то пойдем со мной. Мы спросим знатоков предания. Пусть они отдадут жилище тебе или мне». Решив так, они отправились разрешать свой спор. А я подумал: «Посмотрю, что тут будет», и с любопытством последовал за ними. И пройдя немного, заяц спросил куропатку: «Дорогая! Кто же разрешит наш спор?» Та ответила: «Кто же, если не кот по имени Дадхикарна, полный сострадания к живым существам, ревностно исполняющий обет поста и воздержания. Он живет на берегу блаженного Гапга, громко шумящего от ударов быстрых разбивающихся волн, поднимаемых сильным ветром» [...]

А Дадхикарна, скрывавший свои прирожденные свойства, чтобы легким способом добывать средства к жизни, услышал эти слова. И, чтобы вызвать в них доверие, он поспешно обратил морду к солнцу, уселся на задние лапы, поднял вверх передние, зажмурил глаза и, желая обмануть их благочестивыми мыслями, произнес такое добродетельное наставление: «Увы! [...] Мгновен-

на брeнная жизнь. Сновидению подобно общение с любимыми. Нет поэтому другого пути, кроме добродетели» [...]

И, услышав его добродетельное наставление, заяц сказал: «О куропатка! На этом берегу реки стоит отшельник, произносящий благочестивые речи. Так спросим его». Куропатка ответила: «Ведь по природе своей он — наш враг. Поэтому спросим его, став подальше». И оба они начали его спрашивать: «Эй, отшельник, наставник в законе! У нас возник спор. Дай же нам совет, согласный с учением закона. Кто говорит неправду, пусть будет съеден тобой». Тот ответил: «Дорогие! Не говорите так. Я отвернулся от жестоких дел, указывающих дорогу в ад [...] Поэтому я никого не съем. Однако я стар и плохо слышу издали ваш разговор друг с другом. Как же определяю я победу и поражение? Зная это, подойдите ближе и расскажите мне о вашей тяжбе. Тогда я скажу свое слово, зная, в чем суть спора, и не наложу на себя оков в том мире [...] Поэтому доверьтесь мне и отчетливо говорите прямо в мое ухо».

К чему много слов? Этот низкий вызвал в них такое доверие, что они приблизились к нему. И тогда он одновременно схватил одного из них лапой, а другого зубами, схожими с пиллой. Так оба они лишились жизни и были съедены.

Поэтому я и говорю:

Когда злодей свершает суд, то ждет несчастье спорящих.
Так заяц с куропаткою постигла смерть из-за kota.

индийск., 62, 208

145. Как судились лиса и собака

Как-то раз лиса и собака нашли кусок мяса и стали спорить, кому он должен принадлежать. Спорили, спорили, ни к чему не пришли и обратились к обезьяне, которая считалась мудрейшей среди зверей, чтобы она их рассудила. Обезьяна внимательно выслушала их и сказала:

— Так как вы оба нашли мясо одновременно, я разделю его между вами и дам каждому равную часть.

Обезьяна на глазок разрешила мясо на два куска и положила их на весы. Конечно, один кусок оказался тяжелее. Обезьяна откусила от него немного и опять положила на весы. Теперь тяжелее оказался другой кусок. Обезьяна откусила кусок от него и стала взвешивать снова. Опять оказался тяжелее первый ку-

сок, и опять обезьяна от него откусила. Так она кусочек за кусочком съела все мясо, пока на весах не осталось ничего.

Лиса и собака ушли ни с чем. Можете представить, каково у них было настроение и как они злились на судью, который обманул их обоих! ¹

корейск., 110, 104

146. [Беру на себя две очереди]

Некая красивая женщина повела своего мужа к кадию и стала жаловаться, что муж не справляется со своими обязанностями:

— Я не могу губить свою молодость,— говорила она,— молодость не вещь, которую можно продать и потом купить.

Кадий — большой шутник — спросил мужа:

— Почему ты не удовлетвориешь свою жену?

— Клянусь Аллахом, я стараюсь как могу,— оправдывался тот.

— Ничего и знать не хочу,— упорствовала жена.— Если каждую ночь он не будет стучаться во врата этого серебряного дворца пять раз, то придется найти для этого дворца другого владельца.

— Я не могу более трех раз входить в этот священный храм,— пытался отвертеться муж.

— Я осведомлен в делах судьбы,— сказал кадий,— и мне придется отдать вам часть своего имущества, чтобы прекратить вашу тяжбу. Поэтому я беру на себя две очереди, чтобы округлить счет.

персидск., 63, 54

147. [Загадочно дело сие]

Пришли однажды к судье Мухаммаду Имами двое.

— Этот человек,— воскликнул один из них, указав на другого,— сказал, что совращаю я женщин честных. У меня и свидетель есть.

— Да нет, он сказал, что нет у тебя силы в чреслах,— поправил его свидетель.

— Загадочно дело сие и темно, — сказал судья жалобщику, — ибо как можешь ты совращать женщин, коли нет в тебе силы мужской?

персидск., 14, 111

О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ И ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

148. Почему у баклана нет хвоста

Жил-был когда-то царь, повелитель всего живого на земле. При дворе его служили и люди, и звери, и птицы, и рыбы. А одним из придворных был баклан. Птица эта очень гордилась своей красотой. Баклан с важным видом прохаживался по царскому дворцу, помахивая длинным хвостом. А хвост у него был пречудесный, с раздвоенным кончиком, весь в черных пятнышках, как, как, впрочем, и все оперение.

Однажды царь приказал всем своим подданным явиться ко двору и предстать перед ним. И тут-то пескарь, направляясь в тронный зал, увидел стоящего у входа баклана. Сердце пескаря замерло: ведь баклан питается рыбой и больше всего на свете любит пескарей! Но вспомнив, что в стольном городе всем строжайше предписано соблюдать мир, пескарь успокоился. А у баклана даже слюнки потекли при виде такого лакомства. Однако он знал, что его обвинят в государственной измене и казнят, если даже он просто прикоснется к пескарю. И все же робость и неуверенность, которых нельзя было не заметить во взгляде и движениях пескаря, так и подталкивали баклана пострадать его. Баклан уставился на пескаря, а когда тот испуганно взглянул на него, неожиданно подмигнул левым глазом. Пескарь громко вскрикнул и, выбежав из царского дворца, помчался во весь дух к своему дому. Но бедную рыбку тут же схватили и обвинили в измене.

— Почему ты нарушил порядок и покинул дворец без моего разрешения? — грозно спросил царь.

— Ваше величество, — отвечал пескарь, — мой заклятый враг баклан, стоявший у входа в тронный зал, посмотрел в мою сторону так, как будто бы собирался меня съесть.

Поскольку тщательное расследование подтвердило слова пес-

каря, он был помилован. Баклану же за то, что он напугал бедную рыбку, было приказано в тот же самый вечер задать в честь пескаря пир.

Баклан устроил пир и так радушно угощал пескаря разными винами, что тот свалился с ног и уснул. Тогда коварный баклан оторвал у него хвост и спрятал его в ветвях дерева. Он хотел им полакомиться, когда его перестанут искать.

А пескарь, проснувшись утром, обнаружил пропажу и горько заплакал. Баклан уверял его, что хвост украден ворами, которых так много в городе. Однако пескарь, хорошо зная коварные повадки баклана, не внял его доводам и обратился в суд.

Заслушав свидетелей, суд решил, что, поскольку хозяин несет ответственность за жизнь и имущество гостя, баклан обязан возместить ущерб, нанесенный пескарю, отдав ему свой хвост, который был тут же отрезан и приставлен к обрубку хвоста пескаря.

Вот почему кончик хвоста у пескаря раздваивается и покрыт черными пятнышками, которых нигде на теле у него больше нет.

А баклан не посмел снять с дерева украденный у пескаря хвост и воспользоваться им вместо своего. Ведь тогда бы все узнали, что он вор. Вот почему у баклана и по сей день нет хвоста.

бирманск., 54, 32

149. Приговор мудрого негуса

Однажды к одному человеку в виноградник забрались чужие овцы и обглодали виноградную лозу. Владелец виноградника разыскал хозяина овец и повел его к судье. Когда они пришли к судье, владелец виноградника сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! Овцы этого человека забрались ко мне в виноградник и объели всю лозу. Я ему говорю: «Заплати за мой виноград, который они съели», а он отвечает: «Я их не заставлял есть твой виноград и платить не буду». Поэтому я и привел его к вам.

Судья выслушал и говорит хозяину овец:

— Ну что ты ответишь на это?

И хозяин овец сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! Мой господин, я не позволял моим овцам есть его виноград. Дело было так: они ушли от меня, забрели к нему в виноградник и поели виноград.

— Если бы ты смотрел за своими овцами, этого бы не случилось, — возразил судья, — а раз ты допустил, чтобы они поели его виноград, так изволь заплатить ему. Пусть старейшины подсчитают, сколько стоил виноград!

Старейшины подсчитали и сказали судье, что цена съеденного винограда равна цене овец с их ягнятами.

Тогда судья сказал хозяину овец:

— Ты должен отдать своих овец вместе с ягнятами хозяину виноградника!

— Это несправедливо! — возразил тот. — Пусть нас рассудит его величество! — И они отправились к негусу.

Когда они предстали перед негусом, хозяин овец сказал:

— Да поможет вам господь рассудить нас! О негус! Мои овцы ушли от меня, забрели в виноградник этого человека и поели весь виноград. Судья и старейшины сказали мне, что я должен отдать ему за это моих овец вместе с ягнятами. Тогда я решил прийти к вашему величеству, чтобы вы рассудили нас.

— Так ли было дело? — спросил негус владельца виноградника.

— Да, ваше величество! — ответил тот. — Старейшины подсчитали стоимость моего винограда и сказали, чтобы он отдал за него своих овец вместе с ягнятами.

Тут негус подумал и спрашивает владельца виноградника:

— Овцы этого человека поели плоды или ветви с листьями?

— У меня поспел виноград, и они поели его, а ветви с листьями оставили. Но какая польза теперь от ветвей и листьев, если на них нет винограда!

Тогда негус вынес такой приговор:

— Если бы его овцы поели ветви с листьями и плодами, ты должен был бы взять у него за это овец с их шерстью и ягнятами. Но ведь они поели только плоды. Поэтому ты возьми у него только ягнят, а овец с их шерстью оставь хозяину.

Недаром говорится в пословице: «Сердце мудрого подобно весам».

амхарск., 39, 95

150. Справедливый султан

Жили два человека, богатый и бедный. У бедняка была единственная овца, а у богатого их было много. Однажды пришел богач к бедняку и спросил его:

— Как поживаешь, что у тебя нового?

— Ничего нового, все хорошо, — ответил тот.

— А слышал ли ты послание правителя нашей страны? — спросил богач.

— Что за послание?

— Ты нужен султану, — сказал богач.

— Зачем я ему?

— Он хочет, чтобы ты дал ему свою овцу.

— Но султан куда богаче меня, — возразил бедняк, — зачем ему моя единственная овца?

— Как бы там ни было, он велел, чтобы я привел ему твою овцу, — ответил богач.

Бедняк был послушный человек, отдал он богачу свою овцу. Богач привел ее к себе домой, забил там и вместе со своими домочадцами досыта наелся мяса.

На другой день бедняк встретил султана. Он приветствовал его и сказал:

— О властитель страны, ты богат и велик, у тебя большое состояние. А я бедный человек. Зачем же ты забрал мою единственную овцу?

— Когда я мог взять твою овцу? — удивился султан.

— Вчера ты прислал ко мне богача, — сказал бедняк.

— И что он тебе сказал? — спросил султан.

— Он взял мою овцу и сказал, что должен отвести ее султану.

Султан тотчас послал за богачом и, когда тот пришел, спросил его:

— Ты взял вчера у этого бедняка овцу?

— Да, — ответил тот.

— Зачем ты ее взял? Разве у тебя нет своих?

— Есть, но я хотел иметь еще и эту. Мои мне слишком дороги, я не хотел их убивать.

Тогда султан сказал:

— Раньше у этого бедняка была единственная овца, но, думаю, теперь их у него станет больше.

— Каким это образом? — спросил богач.

— Ты сейчас же отдашь ему всех своих овец.

— Не отдам,— сказал богач.— Я взял у него только одну овцу, почему же я должен отдать ему всех?

— Мое слово — закон,— сказал султан.— Ты забрал у него все состояние и расплатишься всем.

И он послал к богачу людей, чтобы они забрали у него овец и отдали их бедняку.

— Султан, султан,— возмущался богач,— ты стал плохим судьей!

— Теперь ты станешь беден,— сказал ему султан,— а бедняк станет богатым.

И бедняк получил всех овец богача, а тот в слезах вернулся домой.

праку, 106, 69

151. Необычный суд

Однажды обронил скупец кошелек. Было в нем сто золотых. Нашел этот кошелек честный человек и отдал его чиновнику. Приходит скупец в присутственное место заявить о своей потере, а чиновник показывает ему кошелек и спрашивает:

— Не твой ли это?

Обрадовался скупец, заулыбался.

— Он самый! — говорит. Протянул было к кошельку руку, но чиновник остановил его.

— Нет, погоди. Где это видано, чтобы потерянное возвращали даром? Ты должен отблагодарить того, кто нашел твои деньги.

Не хотелось скупцу отдавать кому-то деньги. Заглянул он в кошелек и говорит:

— Тут всего только сто золотых, а я потерял сто двадцать. Не иначе как этот человек уже взял себе двадцать золотых.

— Что ты выдумываешь! — возмутился тот, кто нашел деньги.— В кошельке было ровно сто кобан *.

— Нет, сто двадцать! — не унимался скупец.

Спорили они, спорили, а конца спору и не видно. Что было делать чиновнику? Пошел он к правителю. Выслушал обоих правитель, а потом и спрашивает скупца:

— Ты уверец, что у тебя в кошельке было сто двадцать золотых?

— Да, господин, я хорошо помню, было ровно сто двадцать.

— Ну тогда этот кошелек не твой. А раз он не твой, пусть деньги возьмет тот, кто их нашел. Тебе же лучше самому пойти поискать свои сто двадцать кобанов. Ищи лучше! Может быть, и найдешь! ¹

японск., 104, 173

152. Изменница Хантиру

Жила-была женщина по имени Хантиру. Каждый день она уходила со своей маленькой дочкой Тинелáби в шамбу *. Там она укладывала дочку на землю, а сама шла работать на просяное поле...

Однажды Хантиру положила дочку на землю и ушла далеко, к другому мужчине. Девочка начала сильно кричать, но мать ее не услышала. Пришел большой павиан, схватил ребенка и унес с собой в горы.

Хантиру вернулась к месту, где оставила ребенка, но никого не нашла и стала причитать: «Где моя дочка? Куда она делась?» Она искала ее всюду и сильно плакала, но не нашла и вернулась в деревню...

[Дальше рассказывается, как ворон с помощью сородичей разыскал девочку, похитил ее у павианов и вернул в семью].

На следующее утро Хантиру сказала:

— Я пойду в шамбу.

Она взяла ребенка и пошла в шамбу. Там она работала, пока не наступил час, когда она обычно ходила к другому мужчине. Тогда Хантиру опять оставила девочку одну лежать на земле, а сама ушла.

Девочка начала сильно плакать. Муж Хантиру, Мунчу, услышал этот плач. А потом услышал и песню — песню, которую Хантиру пела другому мужчине. «Надо посмотреть, где моя жена», — решил он и тихо пошел на ее голос. Шел, шел и увидел свою жену. «Что делать? — подумал он. — Я должен убить этого мужчину». Он взял стрелу и пустил ее в прелюбодея. Стрела попала прямо ему в бок. Хантиру хотела убежать, но Мунчу поймал ее и как следует отколотил. А соперник его уже лежал на земле мертвый.

Потом Мунчу сказал жене:

— Один раз наш ребенок уже потерялся, его похитили павианы. А ты опять повторила то же самое! О чем ты только думаешь? Ведь я твой муж, зачем ты ищешь другого?

Он взял тетиву со своего лука, связал ею жену, привязал ребенка к спине матери, и они вместе пошли домой.

На другой день Мунчу созвал весь народ. Пришли и старейшины.

— Зачем ты созвал нас? — спросили они.

— Подождите, — ответил Мунчу.

Но вот собрались все, в том числе и родственники Хантиру.

— Все здесь? — спросил Мунчу.

— Да, все, — ответили ему.

— Теперь слушайте, — сказал Мунчу, — что я хочу вам сказать. Помните, как однажды моя жена потеряла ребенка в пори? Вы, матери, и ты, моя бабушка, вы все — слушайте! Моя жена потеряла тогда ребенка потому, что в шамбе у нее был другой мужчина. Она ходила к нему каждый раз. Зачем ты занималась этим с другим мужчиной? Теперь я забираю себе своего ребенка, а вы, родители Хантиру, забирайте себе своего. Старейшины, вы слышите это?

— Да, мы слышим это, — ответили те.

— Старейшины, видали ли вы когда-нибудь подобное? — продолжал Мунчу. — Если б мне тогда не помог ворон, я бы никогда больше не нашел ребенка.

— Это плохое дело, — сказали старики.

— Видели, слышали ли вы когда-нибудь подобное? — продолжал Мунчу. — Мужчину, которого я застал с матерью этого ребенка, я убил на месте.

— Это твое право, — сказали старики.

— Я думал, что эта женщина вышла замуж за одного меня, — сказал Мунчу, — а она замужем за всем миром.

Тут поднялся один из старейшин и сказал:

— И все-таки, Мунчу, ты сделал плохо, убив человека!

Мунчу ответил:

— Я слышу твои слова, старик, и сделаю так, как вы распорядитесь. Я слушаю, что вы решите.

Тогда старик сказал:

— Я думаю, твоя жена должна вернуться к тебе.

— Но я не хочу, чтобы она опять входила в мой дом, — возразил Мунчу.

И другие старики сказали отцу Хантиру:

— Она должна понести наказание.

Начался долгий большой совет. Он длился с раннего утра до позднего вечера.

Наконец старейшины сказали:

— Сегодня мы не можем решить это дело. Сначала всем надо поспать.

Ого! Вот как наказали Хантиру на другой день: ее решили запереть в одном доме со множеством юношей и мужчин. Целых пять суток должна она была спать в доме со всеми мужчинами, пять дней и ночей! Все эти пять дней и ночей она не получала никакой еды: мужчины были ее пищей. Через пять дней и ночей Хантиру ослабела и сказала:

— Теперь с меня довольно!

Она так устала, что не могла ходить. На шестой день мужчины оставили Хантиру, и старухи отнесли изменницу в дом ее родственников.

— Видишь, — сказали старухи, — видишь, чем это кончается? В другой раз больше так не делай.

бурунга, 108, 44

153. Леопард в книжном ящике

Жил некогда человек, которого звали мастер Мак Ту. Однажды он шел по лесу, неся на спине книжный ящик. Вдруг навстречу ему выбежал леопард, спасавшийся от охотников.

— Помогите мне! — закричал леопард. — Спрячь меня, иначе я погиб!

Мак Ту был добрый и жалостливый человек. Он поставил свой ящик на землю, открыл его и спрятал там леопарда.

Только он успел это сделать, как появились охотники.

— Не видал ли ты леопарда? — спросили они мастера.

— Нет, — ответил Мак Ту, и они помчались дальше по лесу догонять зверя.

Леопард в ящике все это слышал. Когда охотники удалились, он стал просить Мак Ту поскорее выпустить его из ящика, а то он уже задыхается. Мак Ту открыл дверцу и освободил его. Как же был его ужас, когда он увидел, что леопард собирается броситься на него! Он схватил свою палку, чтобы защититься, и закричал:

— О неблагодарное, вероломное животное, что ты хочешь делать?!

Но тут же понял, что стыдить зверя бесполезно, и сказал:

— Что толку с тобой спорить! Давай пойдем вместе по дороге, и, если кто-нибудь из встречных признает твое поведение правильным, тогда можешь меня сожрать.

Леопард согласился, и они вместе пошли по дороге, ни слова не говоря друг другу. Так они шли, пока не встретили буйвола.

— Скажи,— спросил его леопард,— как по-твоему, вправе я съест этого человека?

— Что ты об этом спрашиваешь? — ответил старый буйвол.— Когда я был еще молодым, мой господин заставлял меня целыми днями работать в поле. Благодаря мне он нажил богатство. А когда я стал стар и слаб и не смог больше приносить ему пользы, он нашел случай продать меня на бойню. Люди неблагодарны, поэтому ты, леопард, вправе спокойно съест человека. Зачем падать таких неблагодарных?

Но Мак Ту заявил, что одного мнения недостаточно.

— Будем спрашивать до трех раз,— сказал он.— Первый раз из трех — в твою пользу.

Они пошли дальше и увидели абрикосовое дерево.

— Скажи,— спросил его леопард,— могу я съест этого человека?

— Когда я было молодым,— ответило дерево,— я цвело и плодоносило, и мой господин разбогател благодаря мне. А теперь я состарилось и не приношу плодов, поэтому он хочет меня срубить и сжечь. Люди неблагодарны и несправедливы. Зачем их падать? Можешь спокойно съест человека.

Третьим встретился им старик, и Мак Ту рассказал ему все, что с ним случилось, рассказал и о суде буйвола и абрикосового дерева. Старик сказал леопарду:

— Я хочу посмотреть, правда ли то, что рассказывает этот человек. Что-то не верится, чтобы ты мог поместиться в его ящичке. Чтобы поверить, мне надо убедиться в этом собственными глазами. Покажи мне, как это было, залезь туда опять.

Леопард так и сделал. Старик убедился, что Мак Ту сказал правду. Но когда он опять открыл ящик, леопард вновь захотел броситься на своего спасителя. Старик в возмущении выхватил меч и заколол зверя.

— Неблагодарный! — воскликнул он.— Тебе сделали добро, а ты хотел отплатить злом?

Так умер неблагодарный леопард, а Мак Ту, целый и невредимый, понес свой ящик к себе домой¹.

вьетнамск., 111, 97

154. [Коварный крокодил]

Поспорили река и крокодил, кто сильнее.

— Я выпью тебя досуха, — сказал крокодил Нилу.

— А я подниму тебя и заброшу в пустыню, — сказала река. И она схватила крокодила, занесла далеко в пустыню и там оставила, а сама вернулась в свое русло.

Лежал крокодил в пустыне и увидел араба с верблюдом.

— Будь добр, — закричал ему крокодил, — возьми меня и принеси на берег реки! Я дам тебе за это золота.

Араб взял его и принес на берег.

— Занеси меня подальше, — сказал крокодил, — пока вода не дойдет тебе до колен.

Араб так и сделал. А крокодил сказал:

— Повнеси меня еще дальше, пока вода не дойдет тебе до пупка.

Араб сделал и это.

— А теперь еще дальше, — сказал крокодил, — пока вода не дойдет тебе до шеи.

Араб занес его так глубоко, как только мог, но крокодил все его не отпускает.

В это время мимо проходил лис.

— Дядюшка, — закричал ему араб, — крокодил меня не отпускает! Будь добр, расцепи нас!

Лис сказал:

— Я не слышу, что ты говоришь. Выйдите сюда на берег.

Араб с крокодилом вышли на берег. Лис сказал:

— Крокодил и сын араба, я свяжу вас.

Он связал араба листьями лука, а крокодила волосяными веревками и сказал:

— Кто из вас не сумеет разорвать своих пут, того мы разделим на части и съедим.

Араб разорвал свои путы раньше крокодила. Тут араб и лис убили крокодила, разделили на части и съели.

пубийск., 114, 166

155. Торговец и мальчик

Нанял торговец мальчика, чтобы тот поехал с ним за товарами. А по возвращении обещал дать ему денег¹. Поездка продолжалась два года и была нелегкой для мальчика. Но при рас-

чете торговец дал мальчику лишь грошовый нож. Заплакал мальчик и пошел к судье жаловаться.

Судья позвал торговца и сказал ему:

— Этот мальчик говорит, что ты не заплатил ему обещанную плату.

— Я ему все заплатил,— отвечал торговец.

— Ты лжешь! — закричал мальчик.— Ты ничего мне не дал, кроме этого маленького ножика.

— Так ли это? — спросил судья.

— Так,— ответил торговец.— Ведь я обещал, когда мы вернемся из поездки, дать ему то, чем едят мясо. Вот я и выполнил обещание.

— Теперь я все понял,— сказал судья.

Он приказал слуге принести мясо и положить на него нож, который торговец дал мальчику.

— Нож, ешь мясо! — воскликнул судья.

Но нож лежал неподвижно.

— Все видите, что нож не ест мяса? — спросил судья.— Мясо едят зубами, а поэтому вырвите зубы у торговца и отдайте мальчику.

Торговца схватили и начали выдергивать ему зубы.

— О уважаемый, стой! Я отдам мальчику все, что прикажешь,— закричал торговец.

— Хорошо,— сказал судья,— тебе придется выкупить свои зубы. За каждый зуб ты заплатишь один фунт².

Получилось, что торговец должен уплатить мальчику тридцать два фунта. Так он и сделал. И еще судья заставил его заплатить судебные издержки³.

хауса, 89, 52

156. Сон

Однажды, когда Молла был кази, один хитрюга-богач притащил к нему своего соседа, бессловесного простака, и сказал:

— Мне приснилось, что он мне должен. Сейчас я прошу его вернуть долг, а он отказывается.

Молла подумал немного и сказал:

— Ты прав! Раз ты увидел во сне, значит, он тебе должен. Но в этих проклятых книгах закона ничего не разберешь. Закон

не позволяет получать приснившийся долг. Пойди и засни. И если тебе опять приснится тот же сон, ты, не просыпаясь, прибеги ко мне и я возьму твои деньги¹.

азербайджанск., 15, 90

157. Как пеландук бедняков с купцом рассудил

Рассказывают, будто жил некогда в одном городе купец, такой богатый, что каждый день стол его ломился от яств. А неподалеку ютилась в ветхом домишке семья бедняков — муж и жена.

Однажды повстречался жене бедняка приятель того купца. Разговорились они, а женщина возьми да скажи:

— Повелось у нас с мужем обедать в тот самый час, когда жарят в купеческом доме овощи в масле да еще разными травами приправляют. Такой дух от того кушанья идет, что мы только вдохнем его — и уже сыты. Видишь, как мы оба растолстели!

Передал приятель купца слова эти самому купцу. Тот выслушал его и говорит:

— Теперь мне понятно, отчего мы с женой такие худые да тощие, отчего еда нам впрок не идет. Ведь запах-то наших купаний беднякам соседям достается!

Разгневался купец на бедняков, принялся бранить их на чем свет стоит — должны, мол, платить за запах моей еды, и делу конец!

Отправился он с жалобой к радже той страны. Призвал раджа бедняков и спрашивает:

— Верно ли то, что купец говорит?

— Все верно, — отвечают бедняки. — Как долетит до нас запах жареных овощей из соседской кухни, так и мы за обед садимся.

Что тут делать? Думал, думал раджа — не может бедняков с купцом рассудить. Приказал он бить в гонг, созывать подданных:

— Эй, знатные господа, добрые люди! Кто бедняков с купцом рассудит, того я визирем сделаю.

Всю страну обошел глашатай раджи, всюду волю своего господина возвещал, всюду в гонг бил, да только никто на зов его

не откликнулся. Повстречался наконец глашатаю пеландук * и спрашивает:

— Скажи-ка, глашатай, уж не случилась ли с нашим раджей беда какая? Может, враги на него напали, военачальника его убили да крепостную стену проломили?

— Нет,— отвечает глашатай.— Хвала Аллаху, ничего такого не случилось. А только пришел к нашему радже купец с жалобой на двоих бедняков. Приказал мне раджа бить в гонг, искать мудреца, который смог бы купца с бедняками рассудить. Тот, кто их рассудит, станет главным визирем!

— Дядюшка-глашатай, доложи обо мне радже,— говорит пеландук.— Я могу эту тяжбу разрешить.

— Ну что ж, коли так, идем к радже.

Пришли они в приемный зал, раджа и спрашивает:

— Скажи, глашатай, нашел ты мудреца, который может подданных моих рассудить?

Глашатай отвечает:

— Простите меня, господин мой, тысячу раз молю я вас о прощении. Исполнил я приказ государя. Вот мудрый судья по прозванию Лесной Миротворец.

— Отвечай-ка, Лесной Миротворец, правду ли сказал мой слуга? — спросил раджа.

— О раджа, да преумножится твоя слава, нет и слова лжи в речах твоего глашатая.

— Смотри же, Лесной Миротворец, не рассудишь подданных моих по справедливости — прикажу я тебя казнить.

— Твоя воля,— отвечает пеландук.— Да только казнишь меня — одним подданным у тебя меньше станет. Мало в этом проку.

— Ладно, начинай быстрее свой суд,— приказал раджа.

Уселся пеландук на трон, ввели слуги купца и бедняков, у подножия трона усадили.

Спрашивает пеландук:

— Дядюшка-купец, какую цену назначишь ты за запах пищи, которым эти бедняки лакомились?

Подумал купец, в затылке почесал и отвечает:

— Думаю, тысячу серебряных монет, никак не меньше.

Тогда спрашивает пеландук бедняка:

— Правда ли, что обедал ты, когда с купеческой кухни жареным пахло?

— Истинная правда,— отвечает бедняк.— Обедаю я, бывало, а сам знай принимаюсь. Такой запах вкусный!

— Ну а входил ли ты в дом купца, когда там овощи в масле жарили?

— Нет, такого не бывало.

Спрашивает пеландук у купца:

— Что, дядюшка, не лжет ли этот бедняк?

— Нет, — отвечает купец. — Правду он говорит — ни в дом мой не входил, ни в квартал мой не забредал.

Отправился пеландук к радже, попросил у него тысячу серебряных монет да приказал повесить посреди приемного зала узорчатый занавес так, чтобы по одну сторону занавеса купец сидел, а по другую — бедняк. Потом отдал монеты бедняку:

— Считай-ка, — говорит, — да погромче, а ты, дядюшка-купец, с превеликим вниманием счет его слушай.

Звякают монеты, считает бедняк: «Одна, две, три, четыре, пять...» Досчитал до тысячи пеландук и говорит купцу:

— Ну что, дядюшка, все сполна получил?

— Дай мне монеты, тогда и спрашивай!

— Ишь ты какой, — рассердился пеландук. — Еще и монеты ему подавай. Бедняк-то ведь одним запахом сыт был, самой еды не просил. Вот за запах он звоном монет и расплатился.

малайск., 28, 32

158. Ходжа присуждает истцу «ничто»

Пришли однажды к хакиму¹ два человека. Истец и говорит:

— Эфенди! Этот человек шел, взвалив на спину дрова. Нога у него загнулась, он упал. Дрова свалились, и он попросил меня взвалить ему вязанку дров на спину. Я спросил у него, что он мне даст за это. «Ничего», — сказал он. «Ладно», — подумал я и согласился. Взвалил ему дрова и потребовал обещанное им «ничто», а он мне не дал. Вот я и требую теперь это «ничто». Удовлетвори меня в моих правах.

Хаким переправил их к ходже, искусство которого в разрешении подобных тяжб было уже испытано. Ходжа, согласно положению, внимательно выслушал все как было и сказал:

— Ну, конечно, ты прав: безусловно, он должен исполнить свое обещание — уплатить свой долг, — и, указывая на коврик,

на котором сидел, продолжал: — Подойди сюда, дружок! Подними этот ковер, на котором я сижу. Что там?

— Ничего, — ответил истец.

— Возьми его и уходи. Ну-ну, не задерживайся, бери, что тебе принадлежит, и проваливай по своим делам!

турецк., 17, 133

159. Ростовщик и бедняк

Жил когда-то бедный, но очень хитрый человек. Однажды он отправился к ростовщику и попросил займы рубль, обязавшись назавтра вернуть два. Он вернул ростовщику два рубля в тот же день, к вечеру.

Через некоторое время бедняк попросил у ростовщика десять рублей, пообещав через две недели вернуть пятнадцать. И недели не прошло, как он принес и долг и проценты.

Потом бедняк взял займы уже сто рублей, с тем чтобы через месяц вернуть сто двадцать. Спустя двадцать дней ростовщик получил от него сто двадцать рублей. При этом бедняк сказал ростовщику:

— Деньги твои оказались счастливыми, они принесли мне большую прибыль.

Ростовщик остался очень доволен и даже сказал:

— Когда бы ты ни пришел, мои деньги всегда к твоим услугам.

Прошло немного времени, и бедняк вновь пришел к ростовщику; на этот раз он попросил сто туманов *, пообещав вернуть через год сто сорок, и даже написал обязательство: если он задержит долг хотя бы на один день, ростовщик в наказание вырежет из его тела фунт мяса.

Прошел год, за ним второй, а бедняка и след простыл. Но ростовщик все-таки разыскал бедняка, и не успел он сказать и слова, как бедняк стал его упрекать:

— Зачем ты дал мне деньги, которые приносят несчастье? Из-за них я разорился! Мне нечем платить долги!

Ростовщик потребовал, чтобы бедняк пошел с ним к судье [...] [Там он] предъявил расписку бедняка и потребовал свой фунт мяса. Судья дал ростовщику острый нож и сказал:

— Вырежь ровно фунт, но не меньше и не больше! В противном случае разница будет вырезана у тебя.

— Разве я Аллах, чтобы вырезать ровно фунт? Я не согласен с таким решением.

Тогда судья взыскал с него десять туманов в пользу бедняка [...] ¹

аварск., 12, 23

160. Как Суан разбогател

Жили два приятеля, Суан и Педро. Педро покойные родители оставили богатое наследство, Суан же был беднее самого бедного нищего.

Однажды утром пришел Суан к своему приятелю и спросил:

— Скажи-ка, Педро, не найдется ли у тебя лишнего бревна для сваи?

— Найдется,— сказал Педро.— А зачем тебе?

— Я строю дом, и мне не хватает сваи.

— Раз так, бери,— сказал Педро.— Платить мне не надо, я даю тебе даром.

Суан, не ожидая никакого подвоха, взял бревно и пошел достраивать дом. Дом вышел на славу — даже выше, чем у Педро. Педро увидел это, и его разобрала досада. Пошел он к Суану и потребовал свое бревно назад.

— Как же я тебе его отдам? — сказал Суан.— Если я выну сваю, дом разрушится. Хочешь, я тебе уплачу за это бревно или достану в деревне другое и отдам тебе взамен?

— Нет,— ответил Педро,— мне нужно только мое.

Спорил с ним Суан, спорил, уговаривал-уговаривал, наконец рассердился и заявил:

— Не отдам я тебе твое бревно, и все!

— Смотри, Суан, я пожалуюсь на тебя королю!

— Пожалуйста! Можешь жаловаться!

— Тогда пойдем к королю в следующий же понедельник! — сказал Педро.

— Когда угодно. Я готов.

Наступил понедельник, и оба собрались идти во дворец. Педро, больше всего на свете дороживший деньгами, взял с собой в дорогу побольше серебряных монет. А у Суана денег не было; он взял в дорогу вареного риса и рыбы.

Шли они, шли, и к полудню остановились отдохнуть. Суан достал свой сверток с едой и принялся за еду. Педро тоже очень проголодался, но что он мог купить себе посреди дороги? Суан

великодушно пригласил Педро поесть вместе с ним, и они оба как следует пообедали. А потом отправились дальше [...]

Пришли они во дворец.

— С чем вы ко мне явились? — спросил их король.

— Я пришел к тебе с жалобой на Суана, — ответил Педро. — Он взял у меня бревно и не хочет возвращать.

— Так ли было дело? — спросил король Суана.

Суан кивнул головой и добавил:

— Но когда мы шли сюда, Педро съел часть моего риса и рыбы.

— Вот мое решение, — сказал король. — Пусть Суан отдаст Педро его бревно, а Педро вернет Суану его рис и рыбу [...]

С тем они и ушли от короля.

Вернувшись домой, Суан достал бревно Педро, взял острую бритву и пошел к дому своего приятеля.

— Вот твое бревно, — сказал он. — А теперь ложись-ка, я хочу забрать у тебя свой рис и свою рыбу.

Педро перепугался и забормотал:

— Ладно, бревно можешь мне не возвращать.

— Ну нет, — ответил Суан, — королевские решения надо выполнять.

— Не будь таким жестокосердным! — взмолился тот. — Если ты откажешься от своего требования, я отдам тебе половину своего состояния.

— Нет, — сказал Суан, — мне нужен только мой рис и моя рыба.

Он взял Педро за плечо и поднес острую бритву к его животу.

— Не режь меня! — закричал тот в ужасе. — Я отдам тебе все свое добро!

Так Суан стал самым богатым человеком в деревне.

тагальск., 121, 35

161. Как лягушка спасла Логоро

Однажды Логоро с отцом взяли луки и стрелы, позвали своего пса и отправились в чащу на охоту.

Сначала им ничего не попадалось, и они хотели уже вернуться в деревню, но тут Логоро наткнулся в зарослях на ручей и увидел водяных крыс. А кто не знает, что водяная крыса — лакомое блюдо!

Водяные крысы резвились на отмели, ничего не замечая. Логоро прицелился, выстрелил, и его стрела попала в одну из крыс. Пес вынес ее на берег. Логоро с отцом спрятались в кустах и стали ждать. К вечеру им удалось убить еще трех водяных крыс. Пес верно приносил добычу.

Но вот солнце зашло, и охотники проголодались. Они решили разложить на берегу костер и поджарить водяных крыс. Логоро отправился за хворостом для костра, а его отец начал снимать с крыс шкурки.

В лесу было уже темно, и Логоро с трудом отыскивал сухие ветки. Вдруг он увидел впереди две зеленые искры. Обрадовался Логоро.

— Кто-то не погасил костер! — воскликнул он. — Вот удача: не придется самим добывать огонь! ¹

И он побежал к тому месту, где горели зеленые искры, чтобы раздуть их, пока не погасли.

Но едва протянул он руку к искрам, раздался такой рев, что Логоро от испуга плюхнулся на землю. Перед ним, потрясая гривой, стоял старый лев! Это его глаза горели в темноте, как зеленые искры.

— Ах ты, паршивая, голая обезьяна! — зарычал лев. — Как ты смел нарушить мой вечерний отдых!

Зубы у льва были длинные, а морда вся в крови. Логоро задрожал от страха. Он видел, что ему не убежать. Что было делать? И он сказал:

— О могучий вождь, прости меня. Мы с отцом охотились неподалеку и подстрелили четырех водяных крыс. Вот отец и послал меня спросить: не захочешь ли ты разделить с нами нашу добычу?

— Хорошо, — проворчал лев. — Но тебе придется нести меня, потому что мне лень шевелиться.

И пришлось Логоро тащить на себе льва да еще хворост для костра. Нес он свою ношу и думал: «Что-то отец скажет, когда меня со львом увидит?»

Когда они подошли к тому месту, где отец Логоро добывал огонь, отец крикнул:

— Что это ты несешь на спине?

Глуховатый лев насторожил уши и спрашивает:

— Что говорит твой отец?

Хорошенько подумал Логоро, проглотил слюну и отвечает:

— Отец говорит: «Неси доброго льва осторожнее».

Подошли они ближе. Отец никак в темноте не может разоб-
раться, что это у сына на плечах. Опять он спросил:

— Что ты сюда принес?

— А теперь что он говорит? — спросил глуховатый лев.

Логоро подумал хорошенько, проглотил слюну и ответил:

— Он говорит: «Отпусти доброго льва на землю поти-
хоньку».

И только тут увидел отец Логоро, что сын притащил на спи-
не огромного льва. Он посерел от страха, но лев этого не замети-
л. Он посмотрел на водяных крыс, потом на собаку, потом на
Логоро, потом на отца Логоро.

— Прекрасно, прекрасно, — прорычал лев, облизываясь. —
Я кое-что придумал.

— Что же ты придумал, могучий вождь? — задрожав, спро-
сил Логоро.

— А вот что, — сказал лев и хихикнул. — Сначала пес дол-
жен съесть всех водяных крыс.

— А дальше? — с сомнением проговорил Логоро.

— Потом ты сам съешь пса, — продолжал лев.

— А дальше? — с еще большим сомнением спросил отец
Логоро.

— Потом ты съешь Логоро! — прокричал лев.

— Нет! — воскликнул отец Логоро, вскакивая на ноги.

— Да, — прорычал лев и затряс гривой.

— А что будет, если я съем моего сына? — дрожа, спросил
отец Логоро.

— Ах-ха-ха! — рассмеялся лев. — Тогда я съем тебя!

— Я не буду есть моего сына! — сказал отец Логоро.

— Будешь! — прорычал лев.

— Я не буду есть моего верного пса! — сказал Логоро.

— Будешь! — прорычал лев еще громче.

— Я не буду есть добычу моих хозяев! — сказал пес.

— Будешь! — прорычал лев, да так громко, что разбудил
лягушку-великана², которая спала под кустом совсем рядом.

Послушала лягушка-великан, о чем идет спор, и очень ей это
не понравилось. Раздулась она, поднатужилась да как гаркнет:

— Эй, вы там, о чем расшумелись?

И так громко и страшно прозвучал ее голос, что все, даже
лев, едва не попадали. Уставились все в темноту, а разглядеть
ничего не могут. Но такой громкий голос мог быть только у
очень большого и сильного зверя. Подумал так Логоро и робко
ответил:

— О великий, самый могучий вожды! Лев говорит, что наш пес должен съесть водяных крыс.

— А потом Логоро должен съесть нашего пса,— добавил отец Логоро.

— А потом старик должен съесть своего сына,— подтвердил лев, облизываясь.

Но он не сказал, что будет дальше.

— Ага,— понятно! — проквакала лягушка громовым голосом.— Ну так слушайте меня. Пусть пес съест водяных крыс. Пусть Логоро съест пса. Пусть отец съест Логоро.

— О! О! — застонали Логоро и его отец.

— А потом пусть лев съест отца Логоро! — продолжала лягушка-великан.

— Аррр! — прорычал лев, облизываясь.

— А потом...— закричала лягушка-великан, и голос ее прогремел, как раскаты грома.— А потом я сожру разжиревшего льва!!!

Услышал лев такое, поджал хвост и бросился прочь. А когда его и след простыл, из-за куста выпрыгнула лягушка-великан, падулась, поднатужилась и громко проквакала:

— Здравствуйте!

Логоро, его отец и их пес покатались со смеху. Они поблагодарили лягушку-великана за спасение и отправились домой, захватив водяных крыс.

бары, 87, 247

162. Человек, который хотел творить добро¹

Жил-был некий человек. За всю свою жизнь не совершил он ни одного хорошего поступка. Сидел он однажды у себя во дворе на краю суфы* и думал: «За всю жизнь я не сделал ни одного доброго дела, хорошо бы мне сейчас пойти и сделать что-нибудь похвальное».

Так решив, пошел он со двора. Шел, шел и вышел в степь. Видит, почтенный старец слез с коня, отошел в сторону и совершает омовение перед молитвой². Человек, пожелавший сделать добро, подумал:

— Этот старец оставил лошадь без присмотра, она может

убежать в степь. Пойду-ка я подержу его лошадь, вот и будет доброе дело.

Подбежал он к лошади, только хотел схватить ее за уздечку, а она шарахнулась в сторону и ускочила. Он бросился за лошадью, но чем быстрее он бежал, тем быстрее она скакала. Понял он, что так ему лошадь не поймать, и пустился ей наперерез. Хотел погнать ее назад, схватил камень и бросил в нее. Камень попал лошади в глаз, и она окривела.

Тут подоспел старец, взял лошадь за уздечку и видит: этот дурень выбил ей глаз. Рассердился он, схватил человека, пожелавшего сотворить добро, за шиворот и стал требовать возмещения убытков. Тот ответил:

— Я бедный, у меня ничего нет, как я тебе заплачу?

— Раз так, я отведу тебя к судье, — сказал старец и повел его в суд.

Идут они и видят человека, у которого осел поскользнулся на мокрой глине, упал и увяз, а тот его никак не может поднять.

Пожелавший сотворить добро увидел это, позабыл обо всем на свете, бросился на помощь. Подбежал к ослу, взял его за хвост, потянул, а хвост оторвался и остался у него в руках. Хозяин осла разозлился, схватил того человека за шиворот и стал требовать возмещения убытков.

— Я бедный, у меня ничего нет, как я тебе заплачу? — отвечает он.

— Раз так, я отведу тебя к судье, — говорит хозяин осла.

Истцов стало теперь двое, и они повели беднягу в суд. Когда они пришли, наступил уже вечер и судьи на месте не оказалось. Помощники судьи заперли виновного и велели истцам прийти завтра. Человек, пожелавший сотворить добро, сидел взаперти и думал: «Один потребует денег за лошадь, другой за осла! Что мне делать? Лучше всего мне сбежать отсюда!»

Так решив, он поднялся к окошечку тюрьмы, ухватился за решетку, выломал ее и вылез на крышу. Переходил он с крыши на крышу и свалился во двор какого-то дома, упал прямо на семидесятилетнего старика, и тот с перепугу умер. Его сын выбежал на шум, схватил пожелавшего сотворить добро, избил и продержал до утра, а утром повел в суд. Бедняга подобрал по дороге камень и спрятал за пазуху. Пришли они к судье. А у дверей суда поджидали их уже два прежних истца.

Вскоре пришел судья. Пожелавший сотворить добро показал судье потихоньку себе за пазуху и пошевелил там камень. Судья подумал, что у него там какая-нибудь дорогая вещь и он хочет

дать ему взятку. Он решил обернуть дело в пользу обвиняемого. Сперва обратился он к хозяину лошади.

— Чего ты от него хочешь?

— Он выбил моей лошади глаз, прикажи ему возместить убытки,— ответил тот.

Тогда судья опросил пожелавшего сотворить добро. Тот рассказал все как было.

— Если так, сказал судья,— следует зарезать лошадь, разделить ее на две части и отдать каждому из вас по равной доле.

Хозяин лошади, конечно, не согласился; судья взял с него десять тенег * штрафа за невыполнение решения суда и прогнал. Потом судья обратился к сыну умершего ночью старика:

— Ну а ты чего требуешь?

— Этот человек ужал на моего отца и убил его,— ответил сын старика.

Судья снова опросил пожелавшего сотворить добро. Тот рассказал все как было. Судья сказал истцу:

— Если так, пусть этот человек ляжет на землю, а ты прыгнешь на него с крыши тюрьмы.

Сын старика не согласился с таким решением. Судья и с него взял десять тенег и отпустил. Дошла очередь до хозяина осла. Судья его спросил:

— Ну а тебе чего надо?

Хозяин осла подумал и ответил:

— Я ничего не требую, осел мой таким всегда и был, он без хвоста родился³.

Судья отпустил его без штрафа и, довольный, обратился к пожелавшему сотворить добро:

— Я решил все в твою пользу, освободил тебя от тяжкого наказания. Давай-ка теперь сюда, что у тебя там есть.

Человек вынул из-за пазухи камень и сказал:

— Если б ты не решил дело в мою пользу, я бы выбил тебе все зубы этим камнем.

Судья подумал, что он сумасшедший, и отпустил его.

таджикск., 92, 534

163. Суд над Бирбалом

Однажды в беседе с падишахом Бирбал сказал:

— Владыка мира! Ежели я когда провинюсь, то пусть меня судят люди, которых я сам назначу.

Падишах согласился.

Рад был вазир, крепко верил он слову падишаха.

Вскорости падишах осерчал за что-то на Бирбала. Решил он вазира наказать — наложить на него штраф в несколько тысяч рупий. Проведал Бирбал о замысле падишаха и все загодя обдумал.

Совет падишах Бирбала на суд.

— Бирбал! Недостойно ты поступил, и будет тебе за твою вину наказание — денежный штраф.

Бирбал не стал отпираться, повинился.

— Ну раз ты и сам признаешь свою вину, я накажу тебя непременно.

— Владыка мира! Сами вы не можете меня наказать, — напомнил Бирбал. — Придется вам позвать судей, которых я назначаю.

— Ладно. Выбирай пятерку¹, и я велю им судить тебя. Что они ни решат, я наперед согласен.

— Моими судьями будут пятеро чамаров². Я приму от них любое наказание.

Удивился падишах.

— Как! Разве могут вершить суд такие низкородные люди?! Почему ты не выбираешь ростовщиков, торговцев?

Но Бирбал стоял на своем: пусть судят чамары.

Созвали во дворец чамаров — пять старшин из пяти деревень. Падишах растолковал им, в чем Бирбал провинился, и велел его судить. Бедняги не ждали такой великой чести, обрадовались несказанно.

Стали судьи совет держать.

— Ну, други, — говорит один чамар, — Бирбал нас всегда гнет и мнет, как его душе угодно, а нынче он к нам в руки попался. Надо его так проучить, чтобы вовек не забыл.

— Присудим ему заплатить семь двадцаток да еще одну десятку³ сверх того, — молвил другой чамар.

— Эка ты куда хватил! — с опаской сказал другой судья. — Да ведь его хозяйство прахом пойдет, пустим человека по миру. На нашей совести будут слезы его детей. По мне, так хватит с него и пяти двадцаток.

— Вах! Вот так пожалел! — подивился третий судья. — Да разве ж это мало?! Где он возьмет такую уйму денег? И три двадцатки — целая мошна. Коли нет вашего согласия, то накиньте еще десятку. И такие-то деньжищи отдать, поди глаза на лоб полезут.

— Не согласный я с вами. Поменьше присудить надо,— сказал четвертый чамар.

Пятый судья поддакнул четвертому. Спорили они, спорили и порешили: пусть Бирбал заплатит две двадчатки и сверх того еще десятку.

Потом старший из судей почтительно сложил руки и промолвил:

— Защитник бедных! Мы долго думали, держали совет промеж себя и в один голос порешили это дело. Коли приказать соизволите, то я оглашу приговор.

Падишах приказал огласить приговор.

— Благодетель наш милостивый! Велика вина господина вазира, и кара поделом быть должна — тяжкая. Мы и присудили ему кару — вовек не забудет: две двадчатки и сверх того десятку. И срок уплаты — одна неделя. Нелегко будет Бирбалу справиться с таким бременем, потому да будет наш взор к нему милостив.

Падишах в душе хвалил Бирбала за ум и хитрость. Отпустил он чамаров и, усмехаясь, пошел к Бирбалу. Взглянул на него и вдруг расхохотался. Гнева как не бывало. «Назначенную чамарами кару — пятьдесят рупий — бери не бери, все одно», — рассудил падишах и простил Бирбала.

В глазах падишаха провинность вазира была очень велика, а такие-то деньги для обоих были мелочью. Другое дело — бедные чамары. Они на тысячи и считать-то не умели. Как чамар ни трудись, как ни ломай спину, а больше чем сорок-пятьдесят рупий за год не соберет. По своим доходам они и счет ведут. Об этом-то и подумал Бирбал, когда назначал чамаров своими судьями.

индийск., 37, 222

164. Черепаха и обезьяна

Был жаркий полдень. Солнце палило вовсю. Звери искали прохлады у воды.

На берегу реки, в тени большого дерева черепаха и обезьяна вели неторопливую беседу о временах минувших, нынешних и грядущих. Вдруг они увидели, что по воде плывет банановый стебель.

— Как ты думаешь, — сказала обезьяна, — не достать ли нам

этот стебель и не посадить ли его? По-моему, это было бы неглуно.

— А ты умеешь плавать? — спросила черепаха.

— Я-то не умею, зато ты умеешь.

— Что ж, — сказала черепаха, — я достану стебель. Только давай мы его разделим. Я хочу, чтоб моя была верхушка, с листьями.

Обезьяна согласилась. Но когда стебель оказался вытащен на берег, всю верхушку с листьями она забрала себе. Черепахе остались одни корешки.

Что ей было делать? Не драться же с обезьяной! Взяла черепаха свою долю, отнесла корешки в лес и там их посадила. Прошло немного времени, и из них выросло целое деревце с гроздьями спелых бананов. А у обезьяны, конечно, ничего не выросло.

Узнала обезьяна, что у черепахи созрели бананы, и пришла к ней.

Черепаха говорит:

— Если ты залезешь на дерево и сорвешь мне бананы, я дам тебе половину.

— С удовольствием, — ответила обезьяна, и в ту же минуту была уже на вершине. Там она быстро оборвала бананы и стала их есть, а черепахе вниз бросала одну кожуру. Бедняга не знала, как ей и быть. Не могла же она вскарабкаться наверх!

— Вот что я сделаю, — сказала она себе наконец. Нашла несколько острых палок и воткнула их в землю вокруг бананового дерева. А потом как закричит:

— Охотники! Охотники идут!

Обезьяна испугалась и прыгнула вниз, прямо на острые палки. Палки вонзились в ее тело. Тут ей и конец пришел.

Черепаха освежевала обезьяну, мясо завялила и продала его другим обезьянам, жившим по соседству. Но оказалось, что тут она допустила промашку: кусочки обезьяньего меха попали в мясо, и обезьяны сразу догадались, что это мясо одного из их собратьев. Схватили они черепаху и повели к своему вождю.

Вождь обвинил черепаху в убийстве и устроил над ней суд. Когда вина черепахи была доказана, обезьяны стали думать, какую ей учинить казнь.

— Сжечь ее! — сказал вождь обезьян.

Но хитрая черепаха ответила:

— Огонь мне не страшен. Видите красные следы на моей спине? Отец много раз бросал меня в огонь, а мне хоть бы что.

— Что ж, раз огонь не может причинить ей вреда,— сердито сказал вождь обезьян,— разрежем ее на куски.

— Это для меня не наказание,— ответила умная черепаха.— Посмотрите, моя спина вся в рубцах. Отец сколько раз хотел меня разрезать!

— Как же с ней быть? — задумались глупые обезьяны.

Наконец самая сообразительная из них придумала:

— Давайте утопим ее в озере!

Черепаха, услышав это, обрадовалась: ведь вода ей была не страшна. Но она ничем не выдала своей радости, притворилась испуганной и стала умолять обезьян, чтобы они не бросали ее в озеро. А сама думала: «Ловко я обманула этих глупых обезьян!»

Те тотчас потащили ее к озеру и бросили в воду. Черепаха нырнула, но тут же высунула голову из воды и громко рассмеялась.

Так благодаря своему уму она спасла себе жизнь¹.

пампанго, 121, 366

165. Трое глухих

Однажды глухая женщина с маленьким ребенком за спиной полела поле. Подошел к ней глухой мужчина, который искал своих пропавших овец, и спросил:

— Не видела ли ты здесь овец? Если покажешь, куда они ушли, я дам тебе овцу со сломанной ногой.

Она же подумала, что он спрашивает границу ее хлебов, и указала ему рукой в сторону поля. Глухой решил, что в эту сторону ушли овцы, и пошел туда. Овцы, и в самом деле, оказались там.

Взял человек овцу со сломанной ногой, возвратился к женщине и сказал:

— Да поможет тебе бог. Я пришел к тому месту, которое ты указала, и нашел там овец. Вот тебе обещанная овца со сломанной ногой.

Женщина же подумала, что человек говорит ей: «Ты искалечила мою овцу», рассердилась и сказала:

— Не видела я твоих овец!

Глухой человек заметил гнев женщины и решил, что она

зовет его к судье за то, что он дал ей хромую овцу. Он тоже рассердился и сказал:

— Ну так пойдем!

И они пошли к судье, а тот оказался тоже глухим.

— Рассказывайте ваше дело, — сказал он.

Тогда глухой хозяин овец рассказал о случившемся, как он понял, а глухая женщина объяснила все, как она поняла.

Тут глухой судья, ничего не расслышав, задумался, но, увидев ребенка за спиной женщины, решил, что она судится с отцом ребенка о его пропитании, и сказал:

— К чему столько слов? Это твое дитя, оно на тебя похоже; плати столько, сколько надо! ¹

амхарск., 79, 301

166. Умная девушка

В старые времена был один вор. Однажды он ограбил сокровищницу падишаха. Вдогонку за вором падишах послал всех своих сыщиков. Вора схватили и отняли у него награбленное. Тут падишах спросил своего главного везира:

— Как поступить с этим вором?

— Нужно собрать все население города и при всем народе этого вора зарезать, — отвечал везир.

А у падишаха была дочь. Падишах спросил ее:

— Правильно ли говорит везир?

— Везир рассудил по сути, — отвечала девушка.

Тогда падишах спросил среднего везира:

— Как поступить с этим вором?

— Нужно сложить побольше дров, посадить на них вора и поджечь.

И снова падишах спросил у своей дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

И дочь падишаха снова отвечала:

— Твой везир рассудил по сути.

Наконец падишах спросил своего младшего везира:

— Как поступить с вором?

— Нужно одеть вора с гяловы до ног, дать ему все, чтобы живот у него всегда был полон, и отпустить его.

Падишах опять спросил у дочери:

— Как ты находишь то, что сказал везир?

— Твой везир рассудил по сути,— отвечала девушка.

Тогда падишах сказал:

— Ты о каждом из трех везиров говорила, что он рассудил по сути. Что же ты имеешь в виду, объясни нам.

И девушка отвечала:

— Главный везир, который сказал, что вора нужно зарезать, по происхождению, должно быть, из мясников. Твой средний везир, видно, из обжигальщиков кирпича. А младший везир по всей своей сути — благороден.

Падишах проверил, и оказалось, что девушка была права. С воров поступили, как советовал младший везир: накормили досыта, дали на расходы денег и избавили от смерти. А младшего везира сделали главным везиром.

IV. О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИГОВОРОВ

167. Справедливый мандарин

Жил в Нам-Дине мандарин, знаменитый своей справедливостью и неподкупностью.

Как-то один судья приговорил к смерти разбойника. Когда разбойника выводили из суда, он вдруг бросился в ноги человеку, которого ограбил, и стал просить его о милости.

— Наказание, к которому я приговорен, справедливо, — сказал он. — Своим преступлением я не заслужил ничего другого. Прошу я только об одном: пусть справедливый мандарин ничего об этом не знает.

Потом разбойника отвели в тюрьму, и он стал дожидаться утра, когда его должны были обезглавить.

Но люди болтливы. В тот же вечер до мандарина дошел слух о смертном приговоре и о странных словах разбойника. Он пошел к судье и сказал ему:

— Я вижу, у этого разбойника сохранилось чувство стыда. Он еще не до конца испорчен. В нем есть добрый росток. Поэтому я прошу тебя отпустить его.

Судья удивился таким словам, но сделал все, как его просил мандарин. Когда утром наступило время казни и разбойника не оказалось среди приговоренных, ограбленный, который находился среди зрителей, почувствовал досаду. Ему не удалось удовлетворить свое чувство мести. И он сказал несколько недобрых слов в адрес мандарина, весьма нелестно отозвавшись о его разуме и еще менее лестно — о его справедливости.

Поскольку человек этот был хорошим купцом, довольно скоро ему удалось восполнить потерю, и он опять стал зажиточным человеком. Он возил свои товары по разным местам и торговал с большой прибылью.

С годами, однако, занятие это давалось ему все тяжелее и тяжелее. Ведь он сам носил свои товары на коромысле, и его слабым от старости плечам это становилось уже не под силу.

А люди на дороге несли каждый свой собственный груз, и никто не помогал ему.

Поэтому он так обрадовался, когда однажды вечером близ Нам-Дня какой-то немолодой человек сам вызвался поднести ему груз до города. Купец спросил доброго прохожего, как его имя, но тот скромно ответил, что имя не имеет значения, и не успел купец его поблагодарить, как неизвестный помощник уже исчез.

Вскоре купец нанял для переноски товаров молодого подручного. Однажды (это было год спустя), возвратясь из торговой поездки, он с ужасом обнаружил, что кошелек со всей его выручкой куда-то исчез. Бедняга стал искать его повсюду, но не мог найти и даже не знал, где он его мог потерять.

Вдруг послышался стук и кто-то спросил из-за двери, не потерял ли купец чего-нибудь. Тот сказал «да» и открыл дверь. Каково же было его изумление и радость, когда вошедший подал ему кошелек! Он нашел его на рынке, на том самом месте, где купец раскладывал свои товары.

Купец взгляделся в этого честного человека внимательнее и увидел, что это тот самый, кто когда-то помог ему поднести груз. Преисполненный благодарности, он стал предлагать ему вознаграждение, но тот отказывался. Тогда купец стал допытываться, как его зовут. Сперва неизвестный не хотел себя называть, но потом поддался уговорам и сказал, как его зовут.

Это был не кто иной, как помилованный разбойник.

Тогда купец пошел к справедливому мандарину и попросил простить его за то, что он когда-то усомнился в его справедливости и мудрости.

вьетнамск., 111, 106

168. Не верю тебе!

Каждому бедняку, приходившему с жалобой на баев, казий говорил:

— Ты не видел вора своими глазами, не поймал своими руками — не верю тебе! — и выгонял беднягу прочь.

Вот как-то богатый сосед увел со двора Салая Чаккана его осла. Делать нечего: пошел бедняк жаловаться казию. Выслушал тот Салая и ответил ему, как и всем:

— Ты не видел вора своими глазами, не поймал своими руками — не верю тебе!

Мало ли, много ли времени прошло, но вот как-то казий позвал к себе Салая Чаккана.

— Говорят, ты болтаешь везде, будто нет бога? — спросил казий.

— Да, господин, — ответил Салай.

— В своем ли ты уме! — возмутился судья. — Как можно сомневаться в существовании всевышнего!

— Но ведь ты сам, господин, неустанно твердишь нам, что нельзя верить в то, чего не видел своими глазами, не поймал своими руками!

уйгурск., 100, 27

169. Как аист судил птиц

В провинции Кёнсань жил богатый человек, и был у него мот-родственник, который все время вымогал у него деньги. В конце концов богатому это так надоело, что он велел арестовать родственника и доставить его в Сеул, где они должны были предстать перед судьей.

Но родственник этот сделал судье богатый подарок, и тот решил дело в его пользу. Тогда богатый попросил разрешения рассказать одну историю.

— Пожалуйста, — сказал судья. — Разрешаю. Я люблю слушать истории.

И тот рассказал такую басню: «Поспорили однажды три птицы, кто из них лучше поет: кукушка, дрозд или журавль. Пришли они к аисту и попросили его быть судьей. Но поскольку журавль сам хорошо знал, как ужасен его крик, он перед началом суда пошел к рисовому полю, наловил там лягушек и насекомых и принес аисту в подарок. Наконец наступил день, когда предстояло решить, чье пение лучше. Судья-аист по очереди выслушал всех. Пение дрозда он нашел слишком слабым, пение кукушки слишком однообразным, пение же аиста, который кричал совсем ужасно, нашел превосходным, даже очаровательным, и сказал: „Да, это голос полковника!“»

Услышав эту басню, судья не рассердился за намек, а велел освободить осужденного и наказать виновного.

Так осужденный богач сравнил судью с неразумным аистом, который позволил себя подкупить.

корейск., 110, 112

[...Парень и кузнец купили корову.] Расплатились они, обвязали корове шею веревкой и двинулись в обратный путь. В дороге застигла их ночь. Идут они через большую деревню — там даже базар был — и размышляют: «Где бы на ночь остановиться? Хорошо бы заночевать здесь у кого-нибудь на веранде». С такими мыслями шли они вдоль по улице и, как увидели дом с верандой, зашли и попросили:

— Послушай, хозяин. Пусти-ка ты нас переночевать где-нибудь здесь у тебя на веранде.

— Ну что ж, — отвечает тот. — Почему бы не дать вам заночевать?

Вот они здесь и остановились. Поужинали вареным рисом, привязали корову и легли на веранде. Только заснули, хозяйева отвязали корову, а на ее место свою, совсем старую, привязали и тоже легли. Утром, как рассвело, парень и кузнец увидели, что корова не та, и к хозяину:

— Слушай, отец, ты не подменил нашу корову? Эта корова — не наша. Ты нашу взял, а вместо нее поставил другую.

— Да нет, это ваша корова, — заспорил хозяин. — Я сам видел, вы ее вчера тут привязали.

— Ну нет, — говорят. — Вон наша корова. Ты ее к себе в хлев поставил.

— Нет, эта корова моя. С чего мне ее вам отдавать? Заберите вашу корову и идите своей дорогой. Чего ради должен я вам мою отдавать?

Так они спорили и спорили, наконец хозяин им говорит:

— Нет, мы так ни на чем не столкнемся. Давайте я народ соберу, и пусть нас рассудят.

Пошел он прямо к старосте, а потом туда собрались другие почтенные люди, и он им сказал:

— Мне приглянулась корова одного прохожего. Я ее взял себе, а взамен подсунул ему свою, старую. Я вам это напрямик говорю. Решите в мою пользу — я вас отблагодарю.

— А ты сколько нам дашь? — спросил один.

— Поможете мне выиграть дело, пять рупий дам.

— Ладно, — сказали они [...]

И когда он их так подкупил и уговорил решить в его пользу, они все пошли к нему в дом. Начавши судить, стали винить парня и кузнеца и говорили, что корова у них была старая и пусть ее-то они и берут. Тогда парень им сказал:

— Что ж, почтенные. Что ж, староста, и ты, помощник старосты, и вы, пятеро¹. Мы не согласны с вашим судом. Мы видим, что суд ваш несправедливый. Подождите, дайте нам кого-нибудь привести, кто бы правду сказал.

— Ладно, ведите,— говорят те.

А про себя они, конечно, подумали так: «Эти двое здесь чужаки. Пусть они даже найдут человека, кто покажет в их пользу; так это будет кто-то из здешних, не иначе, а уж ему-то мы выправим мозги». Вот поэтому они и сказали: «Ладно, ведите».

Тогда парень обернулся к своему спутнику.

— Послушай-ка, друг,— говорит.— Ты пока останься здесь и последи за нашим добром, а я схожу в ту деревню и позову сюда человека или двоих. Если уж и они подтвердят, что это наша корова, значит, придется нам ее взять.

С такими словами он встал и ушел. Дорогу искать он не стал, а пошел напрямик — туда, где вдали виднелась деревня. Только вскоре он потерял деревню из виду. Вокруг росли густые кусты, и в этом кустарнике он совсем запутался. Вдруг видит он сквозь кусты двух шакалов — они куда-то по своему делу бежали.

— Эй вы! Подождите! Пойдите! — кричит.— Вас-то я и ищу.

Остановились шакалы и спрашивают:

— Зачем ты нас ищешь?

Парень им все рассказал.

— Я сирота,— говорит.— Отец мой умер, когда я был еще во чреве у матери. А все добро, какое он нажил, забрали дядья — старший и младший. Да они еще мать мою почем зря изругали. И землю они у нас отняли. А теперь, когда мы по-денной работой и сбором колосьев скопили малость деньжат, я купил телку и уже вел ее домой, да только пришлось заночевать по пути на веранде у одного человека — вон в той деревне, где базар. Пока мы с приятелем спали, хозяин увел мою телку, а на ее место привязал свою старую корову. Утром я увидал, что это не та корова; гляжу, а моя корова — та, что я привел,— стоит у него в хлеву. Тогда я сказал ему: «Слушай, батюшка, не моя это корова. Вон та вот — моя». А он говорит: «Да нет, это та самая, что ты вчера привел. С чего я тебе стану свою отдавать?» Тут мы крепко поспорили, и тогда он созвал своих деревенских. Те стали судить да рядить и порешили с пристрастием — в его пользу. А я с этим судом не согласился. Я сказал пятерым: «Ладно, почтенные, я не согласен с вашим

судом. Подождите, дайте я приведу кого-нибудь кто за меня скажет». Вот я и пошел искать кого-нибудь и встретил вас. Пойдите со мной, рассудите нас.

Шакалы его спрашивают:

— А что, не брали ли деревенские взятку?

— Не знаю,— говорит парень.— Сам я этого не видал.

— Ну ладно,— сказали шакалы.— Пойдем. Мы попробуем решить твое дело. Раз ты нам доверился, мы вас рассудим.

А по дороге шакалы говорят парню:

— В деревню мы не пойдем — собаки нас загрызут. Давай встретимся где-нибудь за деревней под большим деревом. Приведи с собой коров — ту и другую, и, пока суд да дело, мы их привяжем где-нибудь поблизости.

Так они дошли до баньяна, что рос за околпцей у самой дороги. Тут шакалы сказали:

— Веди их сюда, к этому дереву. Здесь мы все и рассудим.

Шакалы остались под деревом, а парень пошел в деревню. Позвал он старосту, и помощника старосты, и народ из деревни, и вчерашнего своего хозяина — всех их прийти к баньяну. Обои коров привели тоже. Вот все собрались под деревом и спрашивают у парня:

— А где твои свидетели? Кто будет говорить за тебя?

Шакалы-то сидели в сторонке. Показал на них парень.

— Вот они сидят,— говорит.

— Так это шакалы,— ему отвечают.

— Ну и что же? Я их привел,— говорит.

— Ну ладно,— сказали те.

Все расселись под деревом. Шакалы подошли поближе и тоже сели сбоку. Все сидят и молчат, никто слова не молвит.

Староста говорит:

— Что же все замолчали? Рассказывайте, как дело было.

— Кому говорить-то? — кто-то спрашивает.— Пока тот, кто нас позвал, не расскажет, в чем дело, что мы сможем сказать?

— Значит, тебе начинать,— обратились все к парню.— Расскажи, что приключилось, зачем ты нас позвал. Расскажешь — мы будем знать, что тебе надо.

— Хорошо, почтенные,— говорит тот.— Это верно. Раньше, чем услышишь про дело, его не поймешь. Вот, почтенные, дело такое. Сегодня утром мы о нем толковали, так надо бы разобраться.

— Что? — удивились они.— Мы утром и рассудили. Чего тебе еще надо? Бери корову, какую сказано, и уходи.

— Я ведь не согласился с тем, как вы решили,— возразил парень.— Я ее и не взял. И от меня в вашем суде никого тогда не было. А теперь я привел двоих, так разберитесь при них еще раз. Присудите мне опять ту корову — придется мне ее взять.

Пока шел такой разговор, шакалы тихо сидели и головы свесили. Тут все принялись толковать между собой:

— Вот это свидетели! Видно, всю ночь пробегали за крабами да за кузнечиками, а теперь их сон сморил. Будь они в состоянии говорить толком, разве б они так сидели? Они и слова не вымолвили.

Вдруг шакал-самец говорит:

— Да, почтенные, мы свидетели. Вы говорите: «Их сморила дремота». Это неправда — нас не клонит ко сну. Мы тут поспорили промеж себя. Мы пришли сюда по делу этого парня. Верно, нам надо помочь разобраться его дело. Об этом мы не забудем. Только раз уж выпала нам такая удача встретить здесь весь ваш совет, рассудите сперва нас самих. Вы в таких делах понаторели — рассудили же вы дело этого парня. Это хорошо, мы считаем. Так вот, вы сначала нас рассудите, тогда мы вам скажем, что и дело этого парня решено верно. А если вы наш спор не решите, значит, вы судьи нестоящие.

Тут пятеро говорят:

— Ладно, рассказывайте, в чем у вас дело.

— Дело вот в чем,— сказал шакал.— Мы с ней, с моей самой, повсюду бегаем вместе, едим одну пищу, пьем одну воду, так почему же она испражняется дважды? Я хожу только раз в день, а она — два. Рассудите, сделайте милость, почему это так.

— Кто же может сказать, с чего так получается, что она ходит в день дважды? — удивились они.

— Тогда сделайте милость, вы у нее у самой про это спросите: зачем она ходит дважды,— просит шакал.

Ну они ее и вправду спросили:

— Верно, что ты ходишь дважды или он врёт?

Спросили так, а сами смеются.

— Ну-ну, не смейтесь,— отвечает самка шакала.— Смеяться тут нечему. В старину говорили: «Коли сидишь с почтенными людьми в совете, не пересмешничай». Вот потому, я вам говорю, смеяться тут нечему. Вы и не смейтесь.

Тогда они перестали смеяться и просят:

— Скажи, почему ты ходишь дважды? Вы оба бегаеете вместе, едите и пьете вместе, так почему ты ходишь дважды?

Она говорит:

— Это все верно. Мы бегаем вместе, мы едим и пьем одно и то же, только, в самом деле, я хожу дважды. Такое мне вышло веление: один раз я хожу как все, и кал мой падает на землю и на ней остается; а еще раз я хожу для того, чтобы этот мой кал падал в рот потомкам тех неправедных судей, кто берет взятки и за то обижает вдов и сирот, бедняков и немущих. И уста всех их потомков, из колена в колено, во веки вечные не очистятся от этого кала. А если тот, кто взял взятку, признается перед советом и обратится ко мне за прощением; с него это проклятие может быть снято; но если он не признается, тогда его потомков ждет та судьба, о какой было сказано. Вот зачем мне вышло веление ходить дважды в день. Вы это, сделайте милость, запомните.

Самец-шакал тоже сказал:

— Сделайте милость вы, почтенные пятеро, запомните это. И если с кем-то из вас случилось такое, лучше признайтесь в том сразу перед советом. Ведь вы теперь знаете, какая судьба вам уготована.

Тут те, кто уже принял взятку или только собрался ею попользоваться, сами начали сознаваться и рассказали все, как оно было. Парню присудили его корову, а все дело повернули против обидчика и наказали его штрафом в пять рупий. Парень ушел и увел с собой корову, разошлись и остальные, каждый своим путем. Шакалы пошли вслед за парнем и дошли с ним до лесной опушки. Здесь они сказали ему:

— Ну, сынок, веди корову домой. А нам надо сюда.

На том они и расстались[...]

индийск., 90, 313

171. Как Эпенди наказал нечестного кази

Эпенди кто-то ударил по затылку. Когда Эпенди обернулся, человек сказал:

— Простите, я принял вас за одного своего близкого друга.

Но Эпенди схватил его и привел к кази.

— Он ударил меня, — заявил Эпенди.

Этот человек был приятелем кази. Кази подозвал ответчика и, обращаясь к Эпенди, сказал:

— Ударь его один раз, и вы будете в расчете.

Эпенди не согласился.

— Ну раз ты не согласен ударить его, то я накладываю на него штраф, одну таньга в твою пользу,— сказал кази и, повернувшись к ответчику, добавил:

— Иди скорей и принеси таньгу, надо расплатиться за удар. Так кази дал возможность сбежать виновному.

Эпенди ждал его несколько часов, затем не выдержал и изо всей силы ударил кази по уху.

— У меня нет больше времени ждать таньгу, которую ты присудил мне, можешь получить сам! — сказал Эпенди и пошел по своим делам! ¹

туркменск., 97, 153

172. Сдачи не надо

Афанди шел по улице и чуть не упал, споткнувшись о камень. Разозлился он и громко выругался. Услышал брань проходивший вблизи мулла, побежал к казию — судье и заявил, что Афанди обругал его самыми оскорбительными словами. Как ни оправдывался ходжа, казий решил спор в пользу муллы и присудил Афанди к штрафу в размере пяти золотых.

Подав Афанди мулле монету в десять золотых и, обругав его, сказал:

— Сдачи не надо.

уйгурск., 100, 10

173. Козел и лис

Козел с лисом дружбу свели. Вспахали они поле исполу, сжали хлеб, связали в снопы, обмолотили. Зерно сложили в одну кучку, мякину — в другую. Козел и говорит лису:

— Теперь, братец, давай урожай делить.

А лис ему:

— Да что тут делить? Кучка — мне, а охалка — тебе.

Козел на это не согласен:

— Почему же? Надо и зерно делить поровну и мякину.

Тогда лис пошел за своим дядькой волком: он, мол, нас

рассудит. Пока лис ходил за дядькой, козел позвал двух псов и спрятал их в мякине. Лис привел своего дядьку, и тот, грозно сверкая глазами, заорал на козла:

— Зачем моего племянничка обижаешь?

— Что ты, сударь, да разве это я его обижаю? Он же сам говорит: хлеб, дескать, ему, а мякину — мне.

— Ну так что ж, разве плохо он надумал?

— А по-твоему, значит, справедливо это, сударь?

— Вполне справедливо, — сказал волк.

— Ах так, ну тогда подымись-ка вон на тот пригорок и поклянись всем святым, что от чистого сердца говоришь.

Взбежал волк на кучку мякины да как вззоет — это он так по-своему клялся. Выскочили тут из мякины псы и давай рвать шкуры волку и его племяннику. И мякина, и зерно — все козлу досталось.

грузинск., 33, 23

174. Хитрец и Силач

Жили-были Хитрец с Силачом. И у Хитреца была мать, и у Силача была мать. Вот однажды Хитрец и говорит:

— Я, — говорит, — придумал: в деревне, что лежит ниже нашей по течению реки, живет очень много народу. Ты, — говорит, — человек сильный, ступай в эту деревню и укради там жирную свинью. Ты, — говорит, — человек сильный, тащи ее живьем. Ступай сегодня ночью, а завтра мы ее уьем и будем есть с тобой.

Отправился Силач, украл ночью свинью, притащил, на следующий день ее убили. Хитрец и говорит Силачу:

— А ведь я хозяин этой свиньи! — говорит. — Ведь я придумал эту хитрость и послал тебя.

А Силач говорит:

— Нет, хозяин я, так как я ее принес.

Тогда Хитрец говорит:

— Пойдем, — говорит, — на мольбище, где приносим жертвы духам неба. И пусть небо укажет, кто же из нас хозяин.

Силач рассердился и отправился домой. А Хитрец пошел на мольбище. Развел огонь под деревом, к которому они обычно приносили жертвы духам неба, сварил, как полагается, пшено.

Затем вырыл под деревом яму и спрятал в эту яму свою мать. При этом Хитрец сказал матери:

— Когда я скажу: «Небо, укажи, кто является хозяином этой свиньи», ты скажи: «Хитрец — хозяин».

Потом пришел Силач. Хитрец и говорит Силачу:

— Давай просить у неба о ниспослании удачи — небо укажет, кто же из нас хозяин свиньи.

И вслед за этим Хитрец говорит:

— Издревле существующее место вознесения наших молитв. Мольбище наше, кто же из нас хозяин, укажи!

Тут из-под корня дерева послышался голос:

— Хи-и-тре-ец хо-о-зя-и-и-и!

Простодушный Силач, рассердившись на небо, схватил палку и стал ею тыкать в то место, откуда был слышен голос. А потом отправился домой. Хитрец же вытаскивает запрятанную им в яму мать, — она, оказывается, уже мертва¹.

негидальск., 86, 294

175. Балул-Зана и купец

Жил купец. Однажды проходил он с караваном мимо Багдада. Остановился у ворот города и говорит своему слуге:

— Ну-ка отправляйся в город, купи сорок вареных яиц, принеси, мы съедим их.

Слуга пошел на базар, увидел старуху с корзинкой яиц:

— Свари мне сорок штук!

Старуха сейчас же сварила сорок яиц и отдала слуге.

— Сейчас я принесу тебе деньги, — пообещал слуга и отнес яйца купцу.

Съели они яйца и поехали дальше, а про деньги совсем забыли. По дороге купец вспомнил.

— Послушай, а деньги ты старухе отдал? — спросил он слугу.

— Ох, забыл, совсем забыл! — воскликнул слуга.

Тогда купец позвал своего казначея и говорит:

— Ту сумму, которая предназначается старухе, пусть в оборот. Пусть она тоже принесет проценты. Потом отдадим старухе.

Так и сделали.

Прошло семь лет. Купец с караваном снова приехал в Багдад. Купец говорит слуге:

— Пойди разыщи старуху, приведи ее сюда!

Слуга разыскал старуху, привел ее к купцу.

— Сколько стоили твои сорок яиц? — спросил купец.

— Сорок курушей*.

— Вот тебе сорок манатов*! За семь лет твои сорок курушей обратились в сорок манатов,— сказал купец и дал старухе деньги.

Обрадовалась старуха, побежала домой. По пути встретила соседа.

— Ты что такая веселая? — спросил он старуху.

— Да вот получила от купца сорок манатов за сорок яиц! — отвечала та.

— Эх, обманул тебя купец! Вот посчитай сама: из сорока яиц у тебя бы вылупилось сорок цыплят, цыплята превратились бы в кур. За каждую ты получила бы пять-шесть манатов. Вот и считай, на сколько обманул тебя купец.

Поверила старуха соседу, побежала к кази и пожаловалась ему на купца.

Кази велел позвать купца.

— Зачем обманул старуху? — спрашивает.

— Как обманул?! Я ей за каждое яйцо по целому манату дал, а ведь оно стоит не больше куруша!

— Нет, ты обманул,— твердит кази.— Из сорока яиц она вывела бы сорок цыплят, цыплята превратились бы в кур. Вот и считай сам. А теперь отдавай ей весь свой караван!

Делать нечего, пришлось купцу отдать старухе все свои товары. Остался он ни с чем. Грустный побрел он по городу. На встречу ему — Балул-Зана.

— Что ты приуныл? — спрашивает он купца.

Купец рассказал ему все.

— Не горюй, я научу тебя, что делать,— сказал Балул-Зана.— Возьми пуд вареной пшеницы, иди во двор кази и разбрасывай пшеницу пригоршнями на землю. Кази выйдет и начнет на тебя кричать: «Дурак, что делаешь, кто сеет вареную пшеницу? Ведь она не прорастет!» Тогда ты спроси: «А разве из вареных яиц вылупились бы цыплята?» Кази скажет: «Нет, конечно!» Тут ты и потребуй, чтобы тебе вернули твои товары.

Купец послушался Балул-Зана и получил назад все свое добро¹.

176. Шардын и судья

Шардын решил заняться ловлей перепелов, но так как для этого нужен был ястреб, он задумал его поймать при помощи силка с приманкой. Однако ему не повезло — вместо ястреба в силок попала ворона.

Что было делать? Он приручил ворону и отправился на охоту, посадив ее на голову.

Долго бродил он по долине. Вдруг из-под ног у него вылетела перепелка. Шардын пустил на нее ворону. Но ворона никогда не ловила перепелов. Она села по привычке на спину пасшейся неподалеку буйволицы и стала искать клещей.

— Какое счастье! Какую прекрасную дичь поймала моя ворона! — радостно воскликнул Шардын и погнался буйволицу домой.

Но оказалось, что она принадлежала богатому человеку, который послал своих людей на ее поиски. На другой день они нашли пропажу в сарае Шардына.

Шардын прогнал пришедших, заявив, что буйволица поймана его вороной.

Хозяин буйволицы пожаловался властям. Обоих вызвали в суд. Там Шардын отвел в сторону старшину села и сказал ему:

— Если устроишь так, что буйволица останется у меня, то каждый день я буду приносить тебе кувшин простокваши.

Старшина любил брать взятки и обещал ему помочь.

Первым допросили истца. Тот заявил, что его буйволицу нашли в сарае Шардына, который хочет ее присвоить.

— Что ты на это скажешь? Согласен с ним или нет? — спросил судья ответчика.

— Прежде чем ответить истцу, — сказал Шардын, — можете ли вы объяснить то, чего я не понимаю?

— Конечно, — ответил судья.

— Вот чего я не понимаю и о чем хотел вас спросить: когда люди ястребами ловят перепелов, то эти перепела принадлежат им или нет?

— Конечно, им, — подтвердил судья.

— Если так, значит то, что поймала моя ворона, принадлежит мне, — заключил Шардын и низко поклонился судье.

Шардын выиграл дело, в чем ему, конечно, помог старшина.

С этого дня Шардын каждый день носил старшине по кувшину простокваши. Месяца три подряд Шардын выполнял свое обещание, потом это ему надоело. Наполнив кувшин буй-

волиным навозом, он забелил его сверху простоквашей и отнес старшине.

Тот начал было есть и вдруг почувствовал какой-то странный вкус. Запустил ложку поглубже и ужаснулся: вместо кислого молока в кувшине оказался буйволиный навоз.

Старшина страшно рассердился. Он решил отомстить Шардыну и пожаловался на него властям.

Вызвали Шардына и спросили, почему он так поступил со старшиной.

— Вот уже третий месяц, как он ест эту простоквашу, — хмуро ответил Шардын, намекая на взятку, — и до сих пор она была ему по вкусу. Не понимаю, почему теперь она ему не нравится.

Догадавшись, куда гнет Шардын, старшина и судья замолчали, а Шардын, пожав плечами, отправился домой¹.

абхазск., 11, 31

177. Жадный судья

Привели в суд некоего человека, чтобы судья установил его вину. Разобрав дело, судья понял, что человек, действительно, виновен. Перед тем как вынести приговор, он спросил обвиняемого:

— Хочешь ты сказать что-нибудь?

Тот ответил, что ему нечего сказать, и незаметно для других показал судье три пальца.

Заметив этот знак, судья тотчас прекратил разбор дела и отпустил всех по домам. А человек этот, вернувшись домой, послал судье три кабачка. И только тут судья понял, что его провели. Судья велел позвать человека и, когда тот пришел, закричал:

— Лжец! Ты обманул меня! Аллах тебя накажет! Вон, пошел вон!

Человек выбежал и крикнул судье:

— Верно! Тот, кто копает яму другому, сам в нее попадет!

хауса, 89, 55

178. Как появился кокосовый орех

Много лет тому назад к берегу Бирмы прибило плот с тремя чужеземцами. Их привели к царю, и эти люди поведали ему свою историю. Все они совершили в своей стране преступления и велением ее правителя были отданы на милость воли. Один из них пострадал за воровство, женщина колдовала. Третий же чужеземец был наказан за то, что был зачинщиком ссор и дрязг. Где только этот человек ни появлялся, люди ожесточались друг против друга и не было им покоя.

Царь пожаловал вора домом с тысячей серебряных монет и разрешил ему поселиться в Бирме, сказав:

— Он воровал только потому, что был беден, а теперь станет добрым подданным.

Колдунья также получила дом и тысячу серебряных монет.

— Она вредила людям только из зависти,— сказал царь,— потому что сама была бедна и несчастна. Теперь все будет иначе.

А склочника было приказано сразу же казнить.

— Склочник — всегда склочник. Тут уж ничего не поделаешь,— пояснил царь.

И третьему чужестранцу отрубили голову.

На следующий день один из царских сановников, проходя мимо места кары, к своему изумлению, заметил, что голова казненного покачивается из стороны в сторону. Бедняга так и ахнул от удивления, когда она вдруг открыла рот и несколько раз повторила:

— Передай своему повелителю; чтобы он явился сюда и встал передо мной на колени, а не то я приду и снесу ему голову.

Сановник со всех ног бросился во дворец. Но ему никто не поверил, а царь, подумав, что его хотят осмеять, пришел в ярость.

— О государь,— запинаясь, проговорил тогда сановник.— Слова мои подтвердит каждый, кто побывает на месте казни.

— Ладно,— ответил царь, заколебавшись,— сходите туда вдвоем.

И двое сановников отправились на городскую площадь. Но голова молчала. Узнав об этом, царь велел предать сановника казни.

Как только опустилась секира, голова чужестранца открыла рот и засмеялась.

— Ага, — сказала она, — хоть я и мертва, а вот видите!

Тут придворные поняли, какая ужасная несправедливость постигла беднягу-сановника, и доложили обо всем царю. И тогда царь, прослезившись, велел вырыть глубокую яму и закопать злополучную голову. Утром на том месте все увидели странное дерево, усыпанное еще более странными плодами, похожими на голову склочника. Это дерево — кокосовая пальма. Вначале его называли «Гоун бин»¹. Но прошло много-много лет, и слово это стали произносить по-другому: «Оун бин»².

Если вы потрясете кокосовый орех, а потом приложите его к уху, то услышите булькающий звук. Это, даже став орехом, голова склочника все еще хочет злословить.

бирманск., 54, 113

П Р И Л О Ж Е Н И Е

КОРОТКИЕ АНЕКДОТЫ, ПОСЛОВИЦЫ И АФОРИЗМЫ О СУДАХ И СУДЬЯХ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, ВИНЕ И НАКАЗАНИИ

Волчий суд

У одного крестьянина волки сожрали мула. Пришел крестьянин в суд жаловаться.

— Мы волков не судим,— ответил ему судья.

— Сильных вы не судите, а с беззащитными и наш староста хорошо справляется! — сказал крестьянин.

грузинск., 33, 15

Числа нет

Когда Афанди был казием, у него спросили:

— Много ли друзей у тебя?

— Сейчас не знаю, сколько их. Когда я не стану казием, тогда будет точно известно,— последовал ответ.

уйгурск., 100, 42

[Свидетель]

К кадию пришли два человека с тяжбой: один из них предъявил другому иск об уплате долга.

— Кто твой свидетель? — спросил истца кадий.

— Мой свидетель — бог.

Присутствовавший при этом Маулана Кутбаддин воскликнул:

— Ссылайся на такого свидетеля, которого признает кадий!

персидск., 63, 54

Если бы люди были справедливы, судьи ушли бы на отдых.

арабск., 18, 21

- Не принимай решения, выслушав только одну сторону.
японск., 3, 191
- Сердце мудрого подобно весам.
амхарск., 39, 96
- Людской суд — самый правый.
непальск., 36, 51
- Справедливость и угнетение вместе не уживаются.
турецк., 3, 205
- Если ешь вместе со слепым, будь справедлив.
арабск., 18, 21
- У съевшего чужую козу горит голова (ср. На воре шапка горит).
чеченск., 103, 257
- Вора воров вылавливают, колючку колючкой вытаскивают.
бенгальск., 3, 306
- Хитер вор, да когда-нибудь попадетсЯ.
тамилск., 93, 20
- Лицец клянется, вор ссылается на свидетелей.
монгольск., 3, 191
- Свидетель сельского старосты — его же рассыльный.
армянск., 19, 14
- Борода у него рыжая — вот еще одно доказательство!
персидск., 3, 113
- Клеветник умрет от клеветы.
уйгурск., 3, 306
- Что сделаешь, то и в ответ получишь.
непальск., 3, 263

- Око за око, зуб за зуб.
др.-еврейск., 3, 264
- При пахоте сказанное при молотье нашлось (ср. Что посеешь, то и пожнешь).
чеченск., 103, 258
- Путника настигает темнота, лжеца — разоблачение.
вьетнамск., 30, 42
- Волк расплачивается за долги шкурой.
осетинск., 3, 264
- Арбуз склевала ворона, а наказали цаплю.
вьетнамск., 30, 41
- Один быка съел, другой за него платит.
осетинск., 3, 246
- Кто украл — поскорей убегает, а кто видел — под суд попадает.
бенгальск., 3, 246
- Закон — для богача, а наказание — для бедняка.
армянск., 19, 13
- Когда неправый силен, правый оказывается виноватым.
турецк., 3, 318
- Жаба сваливает вину на лягушку, а лягушка — на головастика.
вьетнамск., 30, 42.
- Наш осел сызмала был бесхвостым (о человеке, который на суде под нажимом отказывается от своих слов; см. прим. к № 162).
персидск., 64, 209
- Ловишь другого — попадешься сам.
корейск., 3, 24
- Гсену можно обвинить в любом преступлении, но моток ниток она не украдет.
хауса, 3, 280
- Волк стал защитником овцы.
таджикск., 3, 307

- В споре рак всегда принимает сторону краба.
корейск., 3, 129
- Вместо сокола ворона стала судьей.
армянск., 19, 14
- Мандарин смотрит на тяжбу, как муравей на сало.
вьетнамск., 30, 39
- Бывает и палач с совестью, бывает и судья без совести.
армянск., 19, 13
- Трудно с богатым судиться и с богатырем бороться.
бурятск., 3, 315
- Бедняку судиться с богачом — все равно что пытаться разбить камень тыквой.
амхарск., 39, 261
- Деньгам законы нипочем.
вьетнамск., 3, 318
- Где права сила, там бессильно право.
японск., 3, 318
- Право есть, да закона нет.
армянск., 19, 13
- Чтобы выиграть тяжбу, надо проиграть быка.
вьетнамск., 30, 40
- У судьи нет глаз, а есть уши.
армянск., 19, 13
- Собачьему закону никто не будет подчиняться.
арабск., 18, 21

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

- агелит — князь.
ардали — (из английского orderly) — сторож или вестовой при официальной администрации.
бий — судья.
гáнде-джаха́ра — трава с отвратительным запахом.
гарем — женская половина дома, куда воспрещен вход посторонним мужчинам.
гелюнг — священнослужитель.
гутулы — сапоги с загнутыми носками.
данго — рисовая лепешка.
дилла — денежная единица.
дуикер — маленькая антилопа.
зуза — мелкая медная монета.
кади, кадий (кази, казий) — мусульманский судья, разбирающий дела и выносящий решения на основании шариата (совокупности мусульманских религиозных и правовых норм) и фикха (мусульманского права).
кази (казий) — см. кади.
кахапана — старинная серебряная монета.
кобан — старинная золотая монета овальной формы.
кумуз — струнный инструмент.
кумган — сосуд с двумя горлышками и ручкой; переносной умывальный.
куруш — мелкая разменная медная монета.
манат — денежная единица.
меламед — учитель начальной духовной школы.
мянтан — род камзола с рукавами.
муртазак — караульный.
намаз — молитва у мусульман.
нойон — князь.
пала — мера веса (93,312 г).
панча — деревенский старейшина, совет панчей (панчаят) решал все деревенские дела.
панунг — основная часть одежды тайцев, кусок ткани, который обертывают вокруг бедер.
целандук — карликовая лань, до пятидесяти сантиметров в длину.
иори — степь, ненаселенное место.
реал — португальская серебряная монета, распространенная в Восточной Африке в XV—XIX вв.
рупи, рупия — основная индийская денежная единица, в XIX в. серебряная монета.

- садиёу — кхмерский народный однострунный щипковый музыкальный инструмент с резонатором из специального сорта тыквы.
- сахиб — господин. Чаще всего так называли чиновников-европейцев и так же к ним обращались. Кроме того, это слово добавляют к личным именам и формам титулования.
- сетхэй — богач-помещик, придворный или крупный чиновник.
- сопхеа — старинный титул судьи.
- сутры — краткие афористические правила и сборники их в древнеиндийской дидактической литературе, а также некоторые священные книги буддизма.
- суфа — глинобитное возвышение, род лежанки во дворе или внутри дома. Суфу накрывают коврами, днем сидят на ней, а ночью спят.
- тамбур — род шестиструнного музыкального инструмента.
- таньга (теньга) — мелкая серебряная монета.
- таро — растение со съедобными клубнями. Листья таро употребляют в качестве приправы.
- титепати — растение с очень горьким соком.
- туман — денежная единица.
- ходжа — вежливое обращение в старой Турции к людям науки и просвещения («учитель», «наставник», «духовный руководитель»).
- хуанди — император.
- хур — смычковый музыкальный инструмент.
- чайсума — тибетский чай с маслом и солью.
- чапраси — служитель, рассыльный в конторе.
- шамба — поле, плантация.
- яйла — летнее пастбище в горах.
- ямьнь — присутственное место в старом Китае.

ПРИМЕЧАНИЯ

- № 1. ¹ Знаменитый библейский рассказ; различные варианты его широко распространены в мировом фольклоре (AaTh, 926). А. Н. Веселовский [10] излагает индийское сказание о том, как Будда, прочертив на полу черту, велел женщинам, спорившим о ребенке, тянуть его к себе. Ср. камбоджийскую сказку «Спор о ребенке» [88, 36]: две женщины претендуют на ребенка; бодисаттва предлагает им доказать свои права, силой вырвав ребенка. Настоящая мать жалует ребенка и отпускает его. Сюжет использован в литературе (см. здесь стр. 31). Выражение «Соломонов суд» употребляется как поговорка для обозначения мудрого, справедливого решения. «Соломоново решение» обозначает также предложение компромиссное, способное (якобы) удовлетворить обе стороны (разделить ребенка пополам).

Хотя в самой Библии известен лишь один суд Соломона, обозначение это в позднейшей литературе (апокрифической, талмудической, в мусульманских легендах на библейские темы) объединяет целую группу рассказов о судах самого разного содержания [см. 10, а также прим. к № 15, 151].

- № 7. ¹ Ср. индийский рассказ «Корабельщик-плут» [37, 237]: корабельщик захотел присвоить товары купца. Судья, чтобы испытать их, предложил обоим продать товары с убытком. Настоящий хозяин на это не согласился. Ср. также № 8.
- № 10. ¹ Плоды дерева дорава обычно кладут в похлебку.
² Перец кимба используется как приправа к кушаньям и как слабительное.
³ Тазаргада — ароматная трава, используемая для изготовления лекарств.
- № 12. ¹ Ср. польскую сказку «Простачок распознает, где ложь, где правда» («Польские народные легенды и сказки», М.—Л., 1965, стр. 276); индийскую «Правитель Манипура испытывает Бирбала» [37, 209]. Аналогичный персидский анекдот объясняет происхождение поговорки «*He совсем был самец*». Здесь хозяин верблюда, чтобы разоблачить человека, желавшего присвоить животное, накрыл его попоной и спросил, самец это или самка. Человек ответил «самец», а верблюд оказался самкой. Человек, растерявшись, сказал: «И мой верблюд был не совсем самец». Поговорку приводят, когда кто-нибудь, попавший в неловкое положение, пытается оправдаться [64, 186].
- № 15. ¹ Компромиссное решение подобного типа приписывается Соломону в одной из мусульманских легенд о его судах. Вот как пересказывает ее А. Н. Веселовский: «Соломону было всего 13 лет,

когда к отцу его пришли два человека судиться. Истец купил у ответчика землю, в которой, копая погреб, нашел клад; он требовал, чтобы ответчик взял себе этот клад, так как он покупал у него только землю; а тот отнекивался, говоря, что не имеет на это права. Давид решил, чтобы каждый взял себе половину; но Соломон вздумал иначе: он велит женить сына истца на дочери ответчика и клад отдать им» [10, 97].

№ 24. ¹ В камбоджийской сказке аналогичного содержания «Кошка и пожар на корабле» [67, 266] судья-король выносит иное решение: три четверти ущерба возмещает тот, кто отвечал за большую лапу кошки, четверть ущерба распределить между тремя остальными, отвечавшими за три здоровых лапы.

№ 26. ¹ В старом Китае военные чиновники имели более низкое социальное положение, чем штатские.

№ 30. ¹ См. прим. к № 37.

№ 33. ¹ Ср. камбоджийскую сказку «Четыре волшебника» [67, 262]: первый наделил колоду человеческим обликом, второй — красотой, третий превратил дерево в плоть, четвертый вдохнул в нее жизнь. Решение короля-судьи: первый заменит девушке мать, второй — будет ей мужем, третий — братом, четвертый — отцом. Ср. также индийскую сказку «Кукла» [81, 154]: плотник, сделавший куклу, и брахман, ожививший ее, будут девушке отцами, портной, спиивший ей одежду, — дядей (ибо дарить одежду к свадьбе — обязанность дяди); мужем становится тот, кто подарил ей драгоценности (ибо драгоценности обычно дарит невесте жених). Ср. также № 34.

№ 34. ¹ Ср. распространенный фольклорный сюжет о искусных друзьях (чаще братьях; AaTh, 653). Силезские, вестфальские, датские, шведские, исландские, бретонские, итальянские, греческие, болгарские и иные варианты приводят И. Больте и Г. Поливка (Bolte J. und Polivka G., Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd 3, Leipzig, 1918, стр. 45). Вот, например, одна из немецких версий: «У крестьянина три сына, один из них звездочет, другой — вор, третий — охотник. Звездочет узнает о девушке, похищенной драконом, вор выкрадывает ее с острова, где она заточена, а охотник убивает дракона. Затем братья начинают спорить, кому из них девушка должна достаться. Бросает кости, и жребий падает на охотника» (своеобразный вариант «божьего суда»). Ближайшие варианты приводятся в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева [56а, № 145—147, 561]; здесь, однако, братья ищут царю (Елену Прекрасную) по приказу царя. В одном из вариантов девица достается вору [№ 145], в остальных — царю. П. А. Гринцер указывает на проникновение сюжета и в письменную литературу. Он встречается, например, в «Усадительных ночах» Страпароллы, где спор о девушке ведут солдат, плотник и знаток птичьего языка (причем «до сих пор еще дело ожидает своего разрешения»), у Базиля в «Пентамероне», а также в персидской, турецкой, монгольской обработках. «Во всех пересказах мы имеем дело с типичным случаем „казуса“ (см. здесь стр. 28.— М. Х.). Внимание читателя заострено на завершающем сказку споре; решение же спора самое различное... Такая структура сюжета с очевидностью указывает на его индийское происхождение» [106, стр. 221—223].

² Таксила — город в древней Индии, славившийся буддийскими храмами и монастырями.

- № 37. ¹ Чрезвычайно распространенный сюжет, имеющий самые разнообразные решения. Часто рассказывается как загадка. В казахской сказке «Как дочь хана выбирала себе мужа» [45, 147] девушка выбирает того, кто оживил ее яблоком, объясняя: «Ваши подарки (волшебные ковер и зеркало.— М. Х.) я могу возвратить, а его — нет: яблоко я съела». Так же объяснено решение в тувинской сказке «Орлан-оол и Чечен-кыс» [95, 171]: выбирается тот, кто понес невозвратимый убыток, т. е. добывший лекарство. В казахской сказке «Спор братьев и решение Шуюте» (47, 86) мудрец решает, что вся сила — в верблюде, доставившем женихов к невесте; его решение расценивается как справедливое. В сказке народности налу (Бисау) невеста заявляет претендентам: «Если я выйду замуж за одного — поссорю его с двумя другими. Поэтому я вам всем буду старшей сестрой, а вы женитесь на трех моих младших сестрах [80, 124]. Все очень довольны этим решением. Ср. № 30, 36.

В либерийской сказке «Прекрасный юноша» [71, 10] четыре женщины оказывают услуги юноше и не могут решить, кто должен стать его женой. Сказка так и заканчивается вопросом. В другой либерийской сказке почти такого же содержания, «Браслет вождя» [105, 103], спора даже не возникает: все четыре женщины становятся женами юноши; лишь после его смерти сыновья, затеяв спор о наследстве, обосновывают свои преимущественные права особыми заслугами матерей.

- № 38. ¹ Ануннаки у шумеров и вавилонян — духи земли, порожденные богом Аном и подчиненные старшим пятидесяти богам.

² Дуку — дом богов.

³ Энки — шумерский бог мудрости.

⁴ Полба — вид пшеницы.

- № 42. ¹ Муладева — популярный образ плута, выступающий во многих индийских сказках.

² Бхутаваса — «жилище бхутов». Бхуты — злые духи, прислуживающие богу Шиве.

- № 43. ¹ Ср. непальскую сказку «Кто глупее» [36, 279], а также камбоджийскую «Четыре глупых жениха» [67, 286], где глупейшим признается тот, на чьем теле сохранились следы, подтверждающие историю о его глупости.

- № 46. ¹ Знаменитый рассказ, имеющий много соответствий в мировом фольклоре. Ср. камбоджийскую сказку «Взял топор — верни топор, взял горшок — верни горшок» [67, 315]. Ср. АаАн, 613.

² Кар — область, принадлежавшая египтянам, на крайнем юге их владений в Нубии.

³ Эннеада — боги города Гелиополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и его жену Тефнут, от которых произошел бог земли Геб и богиня неба Нут, и дети последних: Исида, Сет и Нефтида.

⁴ В сказке нашли свое отражение реальные правовые нормы древнего Египта, в частности тот факт, что «потерпевший должен был в своей жалобе указать как наказание, которое, по его мнению, полагается виновному, так и размер вознаграждения, которое он взыскивает» [6, 64].

⁵ Остров Амона (Папуамон) — одно из названий центра XVII нома Нижнего Египта, современный Эль-Баламун.

⁶ Очевидно, имеются в виду горы, окаймляющие долину Нила.

⁷ Великая река — основное русло Нила.

⁸ Амон почитался в Египте как царь богов.

№ 47. ¹ «На хранение в древней Индии отдавались самые разнообразные движимые вещи... В случае, когда принявший на хранение не возвращал предмета хранения добровольно, он допрашивался судьей, который при отсутствии свидетелей должен был проверить его честность... Принявший на хранение не отвечал перед собственником, если предмет хранения был украден или унесен водой. Он отвечал только тогда, когда брал что-либо для себя из принятых на хранение предметов» [6, 113].

№ 48. ¹ В местности Мамаиссара, где был записан этот текст, круглые хижины имеют два этажа. Верхняя часть, поддерживаемая сваями, служит спальней, внизу располагается очаг, и на ночь сюда же, за ограду, загоняют скот.

² В предыдущих историях это была обычная проделка Лая: коровы разбивали горшок с медом и хитрец в возмещение требовал от хозяйна корову.

№ 59. ¹ См. стр. 16. Ср. близкий по смыслу рассказ, объясняющий происхождение русской поговорки «Вора выдала речь».

У митрополита Платона украли хомуты. Он распорядился созвать всех на молитву и, войдя, обратился к ним с вопросом:

«— Усердно ли вы молитесь?»

— Усердно, владыко.

— Все ли вы молитесь?»

— Все молимся, владыко.

— И вор молится?»

— И я молюсь» [9, 43].

Ср. также рассказ сенегальского писателя Бираго Диопа «Суд». Муж прогнал жену, потом захотел ее возвратить. Жена отказалась вернуться к человеку, который ее прогнал. Муж заявил, что не прогнал ее. Судья, к которому они обратились, после молитвы быстро спросил: «Где тот человек, который отказался от жены?» — «Я». — «Твой язык опередил твои мысли» [25, 16].

№ 60. ¹ Ср. аналогичные анекдоты: узбекский «Волшебная палка» [40, 103], турецкий «Приговор эфенди по палке» [17, 237] и др.

№ 62. ¹ Подслушивание разговоров тяжущихся как прием следствия: ср. китайскую сказку «Чей зонтик?» [51, 182], камбоджийские «Как один парень влюбился в чужую жену» [67, 289] и «О человеке, который ночевал в здании суда» [67, 307] и др.

№ 64. ¹ Ср. афганскую сказку «Мудрый судья» [78, 147], персидскую [«Свидетель»] [63, 50], казахскую «Верное решение» [47, 351], индийскую «Дерево-свидетель» [37, 200], узбекскую «Дерево-свидетель» [40, 88], турецкую «Показания дерева» [17, 238] и др.

№ 66. ¹ Одна из популярных сказок, связанных с именем справедливого судьи Бао Чжэна, или, как зовут его в народе, Бао-гуна, господина Бао. В эпоху Сун в Китае действительно жил такой неподкупный судья, дела которого описываются в династийной хронике. Народные предания рисуют его как заступника обиженных и пострадавших. (См. также стр. 29).

№ 67. ¹ АaTh, 976, 976A. Ср. персидскую сказку «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судье» [65, 458], туркменскую «Три спорщика» [68, 327], непальскую «Кто вор?» [36, 333], камбоджийскую «Как отшельник на золото позарился» [67, 270], уйгурскую «Мудрый старец» [99, 247], казахскую «Суд бия Балтепея» [47, 294]. В курдской сказке «Три Ахмада» [53, 68] находят не вора, а незаконнорожденного.

В Европе особую популярность сюжет приобрел благодаря Боккаччо, который использовал его в «Декамероне» (день десятый, новелла пятая). Мадонна Дианора, жена Джильберто, обещает мессину Ансальдо стать его любовницей, если тот создаст в январе цветущий сад. Ансальдо при помощи некроманта выполняет ее желание. Джильберто требует, чтобы жена исполнила свое обещание, но Ансальдо, узнав о великодушии мужа, отпускает Дианору, а некромант отказывается от платы за свое искусство. Слушателям предлагается решить, кто из них великодушнее. Этот вариант не связан с отысканием вора; тем не менее П. А. Гринцер связывает его с формой «казуса» (см. здесь стр. 28). Упомянув о других вариантах сюжета (шотландском, русском, турецком, арабском), он пишет: «У нас нет прямых данных, откуда непосредственно заимствовал содержание своей новеллы Боккаччо... но структура новеллы, композиция и форма сказки... все это указывает на то, что родину данного сюжета мы должны искать в каком-либо из литературных памятников древней Индии. Таким памятником оказываются „Двадцать пять рассказов Веталы“, где мы и находим оригинал рассказа (Вет. Шив., 9; Вет. Джамбх., 10). Дочь купца обещала одному юноше, что в брачную ночь она придет к нему. Муж, которому она об этом рассказала, отпустил ее. По дороге ее захотел ограбить вор... но затем, пожалев, не тронул. Юноша также пощадил ее и сразу же послал обратно домой. На вопрос Веталы, кто самый великодушный, Викрамадитья в рецензиях Шивадасы и Джамбхаладатты дает разные ответы: в первой он называет вора, во второй — мужа. Здесь перед нами форма „казуса“ в чистом виде. Остальные восточные и западные версии и варианты, сохранившие его своеобразную структуру, тем самым бесспорно обнаруживают свое индийское происхождение» [106, 226—227].

№ 68. ¹ Ср. китайскую сказку «Умный крестьянин» [50, 229], персидский анекдот [«Дровосек и прохожий»] [63, 55] и др.

№ 69. ¹ АaTh, 655. Ср. персидский народный рассказ «О туркмене, ларце с драгоценностями, слепом верблюде и судье» [65, 458].

№ 70. ¹ Ср. арабскую сказку из сборника «1001 ночь» «Рассказ о женщине и лживых старцах». Сюжет заканчивается приговором Аллаха: «И Аллах великий низвел карающую молнию, и она сожгла обоих стариков» [98, 116].

№ 71. ¹ Пекинский диалект («язык мандаринов») — официальный язык пекинских чиновников. В рассказе обыгрывается гомофония китайских слов: небольшие неточности в произношении искажают весь смысл. Глупец, не понимая этого, думает, что речь идет о разновидностях магических формул. В ряде вариантов этого рассказа обыгрывается чрезмерная изощренность официального языка, из-за которой простой крестьянин неверно употребляет слова.

№ 72. ¹ Ср. АaTh, 1585. Сказка помещена в разделе «О судебных разбирательствах» ради сопоставления с чеченской сказкой «Как мол-

ла доказал свою правоту» (№ 68), где притворяется немым действительно невиновный, чтобы доказать свою невиновность. Наличие эпизода «расплаты с советчиком» позволяет отнести сказку и к части IV — «О последствиях приговоров».

- № 73. ¹ Амиды (Амитаба) — буддийское божество.
- № 76. ¹ Амаирми — зооантропоморфное чудовище; у ираку — чаще всего в виде огромной женщины с хвостом, которая пожирает людей и зверей.
- № 77. ¹ Ср. аналогичные рассказы: индийский «Лавочник-мошенник» [37, 166], еврейский «Находчивый мальчик» [81, 121] и др. См. также прим. к № 81.
- № 80. ¹ Этнографической основой сюжета является анималистический культ деревьев. Ср. № 81 и примечания к ней.
² Лянг — старая мера веса, более 37 г.
³ Ученый старец — имеется в виду ученый конфуцианец.
- № 81. ¹ Ср. сходную индийскую сказку «Мудрый судья» [81, 181], китайскую «Как пытали каменную плиту» [51, 179]. В обоих случаях пытаются камень, смеющихся зрителей штрафуют, деньги опускают в воду и по следам жира находят вора (ср. № 77, 80).
- № 91. ¹ В старом Китае сын, ударивший отца, подлежал смертной казни.
- № 92. ¹ Харун ар-Рашид — халиф из династии Аббасидов, правивший в Багдаде в 786—809 гг.
² АаАн, 1609. Ср. аналогичные рассказы: туркменский «Эпенди и торговцев» [97, 145], хакасский «Как бедняк с богачом судился» [101, 103], ираку «Богатый и бедный» [106, 192], турецкий «Ходжа и еврей» [17, 35], узбекский «Небесный дар» [40, 86] и др.
- № 94. ¹ Ср. аналогичные рассказы: индийские «Хитрый судья» [41, 100] и «Два мошенника» [37, 138], аварский «Умный мальчик» [12, 15], афганский «Старуха и мудрый судья» [78, 182] и др.
- № 96. ¹ Согласно представлениям китайской геомантики, в земле существуют так называемые «драконовы жилы». Если кто-то похоронен в такой жиле, значит, его сына ожидает особый успех. Но так как министр уже добился наивысшего возможного для него чина, император усмотрел в его притязаниях опасность: не метит ли он на его трон?
- № 97. ¹ Ср. абхазскую сказку «Жадный мулла» [11, 260], индийские «Вероломный друг» [37, 180] и «Нечестный факир» [37, 175] и др.
- № 99. ¹ Ср. № 175 и прим. к нему.
- № 100. ¹ Стремление опорочить свидетелей связано с существенной чертой мусульманского судопроизводства, согласно которому показания свидетеля, не пользующегося уважением, могут не иметь законной силы. «Законность свидетельских показаний в момент их дачи обуславливается следующими требованиями, которым должен отвечать свидетель: быть мусульманином, не еретиком, быть в здравом уме, обладать правоспособностью, пользоваться уважением» [7, 119]. Ср. № 102.
² С точки зрения правоверного мусульманина, профессия музыканта является зазорной.
- № 101. ¹ Санталы — индийская народность группы мунда.
² Деко — так санталы именуют индустов (кроме тех, кто относится к низшим кастам). Кошки-деко — презрительное прозвище индусов-ростовщиков и торговцев.

³ Непереводимая игра слов. Судья обращается к свидетелю на урду, служившем в конце прошлого и начале нынешнего века основным языком судопроизводства в Британской Индии. Свидетель путает заимствованный из арабского языка термин, имеющий значение «обстоятельство», с созвучным ему словом хинди, обозначающим соху.

⁴ Сал, асон и дхао — распространенные в Индии древесные породы, идущие на различные поделки.

№ 102. ¹ См. прим. к № 100.

№ 104. ¹ Ср. аналогичные сказки: калмыцкую «О пастухе Кэбюне и мудром сыне хана Зантяджа» [48, 137], афганскую «Три брата и рубин» [21, 192] и др.

№ 112. Сходный сюжет был использован Сервантесом в «Дон-Кихоте» (см. здесь, стр. 30). Одну из мусульманских версий суда, связанную с именем царя Давида, отца Соломона, описывает А. Н. Веселовский. Речь идет о чудесной трубе: кто, прикоснувшись к трубе, вызовет звон, тот прав. Однажды к Давиду на суд пришли два человека. «Один жаловался, что другой взял у него жемчужину и до сих пор не возвращает. Но ответчик утверждал, что он ее отдал». Труба подтверждает правдивость каждого. После нескольких проб Давид заметил, что ответчик отдавал свою трость истцу всякий раз, как прикасался к трубе. Он догадался, что в этой трости и была спрятана жемчужина [10, 73].

№ 113. ¹ Якши — полубожественные существа; согласно легенде, они служат богу богатств Кубере и способны принимать любой облик.

№ 114. ¹ Заяц старается заручиться поддержкой термита, потому что его постройки находятся на поле и он считается сведущим в земельных вопросах.

² Ср. № 174 и прим. к нему. Там хитрость мнимого «бога» наказывается.

№ 117. ¹ Краб у некоторых африканских народов считается дарителем воды.

² Ср. № 116, а также камбоджийскую сказку «Кто виноват», где всем участникам аналогичной истории была назначена соответствующая часть пени [67, 32].

№ 122. ¹ Один из вариантов сюжета о так называемых «судейских шутках» (AaTh, 1861). Ср. рассказ, объясняющий происхождение русской поговорки «Рассуди — топором разруби».

«Судились кузнец с мясником: один другого чем-то обидел. Придумали каждый задобрить судью: один сковал топор, другой быка отвел.

Пришли на суд. Первым заговорил кузнец:

— Господин судья, рассуди нас, как топором разруби.

А мясник свое говорит:

— Нет, брат, тут дело быком прет» [9, 361].

Ср. также: «Теленок переступил через твой топор» (грузинск., 33, 139), «Карета едет туда, куда ее везут лошади» (немецк.: Deutsche Volksbücher, М., 1965, стр. 8) и др.

№ 123. ¹ Заяц в восточноафриканском фольклоре — самый хитрый из зверей (аналогично лисе европейских народов).

² Подземный мир называется «Ауака», что значит «белое просо»; согласно верованиям ираку, просо происходит из подземного мира.

³ Это словосочетание считается у ираку тяжким оскорблением.

⁴ Старая черепаха в фольклоре ираку и других восточноафриканских народов — султан зверей.

№ 129. ¹ Ср. № 162 и прим. к нему.

№ 134. ¹ Ср. аналогичные рассказы: узбекский «Твоя правда» [40, 102], турецкий [17, 128], а также китайский «Глазная болезнь» (№ 139) и др.

№ 137. ¹ Харун ар-Рашид — см. прим. к № 92.

² Клятва разводом, данная трижды, у мусульман считается одной из самых торжественных, и неисполнение ее влечет за собой окончательный развод, после которого муж не имеет права взять жену обратно. Зубейда — любимая жена Харуна ар-Рашида.

³ Абу-Юсуф Якуб — знаменитый правовед, имел большое влияние на ар-Рашида.

№ 138. ¹ В примечании рассказчик дает возможность и иного решения: в трезвом виде видишь лань прыгающей, в хмельном — летающей.

№ 140. ¹ Учебный год в начальной духовной школе заканчивается весной, в канун пасхи.

№ 142. ¹ Согласно обычаям ираку, в случае расторжения брака муж получал от родителей жены обратно свой свадебный выкуп. Если у него оставались дети, они соответствовали выкупу и он не получал больше ничего. Оба разведенных имели право вновь вступить в брак.

№ 145. ¹ Ср. близкие по смыслу сказки о разделе: эстонскую «Мышь и воробей» (Эстонские народные сказки, М.—Л., 1965), абхазскую «Ашхамадус и Агамадус» [11, 276], калмыцкую «Братья мыши» [48, 300], уйгурскую «Мудрое решение» [100, 72].

№ 151. ¹ Одна из версий этого суда приписывается Соломону [10, 74—75]. Ср. также афганскую сказку «Справедливый судья» [21, 221].

№ 153. ¹ Рассказ о «неблагодарном спасенном» — один из самых распространенных в мировом фольклоре (AaTh, 155). Во многих случаях он заканчивается тем, что «судья» восстанавливает первоначальную ситуацию и неблагодарный погибает. Ср. дагестанскую сказку «Как горец волка в сумку посадил» [83, 43], абхазскую «Человек и змея» [11, 202], басумбва «Человек, лев и заяц» [73, 259], камбоджийские «Как отшельник оживил тигра» [67, 134] и «Как отец с сыном повстречали крокодила» [67, 292], тувинскую «Белый заяц» [95, 184], тибетские «Заяц-судья» [85, 144] и «О том, как заяц спас Басана» [69, 73], мампрусси «Лев и мышь» [75, 40], корейскую «Приговор зайца» [110, 105], китайскую «Ученый господин Дун Го» [50, 157], ашанти «Охотник и леопард» [105, 215] и др.

Ср. также нубийскую сказку [«Коварный крокодил»] (№ 154) и аналогичную ей сказку мадинго [«Крокодилы слезы» [80, 174], индонезийскую «Неблагодарность» [42, 82].

Развернутый типологический анализ этого сюжета дает И. Левин в комментарии к осетинской сказке «Бедняк, волк и лиса» («Осетинские народные сказки», М., 1973, стр. 559—560). «В настоящее время, — пишет он, — известно около тысячи вариантов (литературных и изустных) этого сюжета из Евразии, Африки и Америки, генетическая связь которых несомненна, однако исчерпывающего исследования всей истории этого знаменитого рассказа пока нет».

В ряде случаев рассказ оканчивается гибелью спасителя: индийская сказка «Что посеешь, то и пожнешь» [84, 92], или его помидолованием: дагестанская сказка «Человек и змея» [83, 263].

Интересен вариант йоруба «Улитка и леопард»; улитке здесь помогает бог солнца: «Бог услышал ее и затмил солнце. Кругом стало темно, и улитка спряталась» [102, 41].

См. также здесь, стр. 18.

№ 155. ¹ Здесь игра слов: выражение «абин чип нама» имеет два значения: «деньги» и «то, чем едят мясо».

² Фунт — денежная единица в Нигерии.

³ Рассказы о взаимной хитрости, основанные на игре слов, приводились и в I части (раздел «О хитрости и коварстве в спорах»), и во II (раздел «Об уловках судей и тяжущихся»). Здесь игру слов использует судья при вынесении приговора. Ср. также № 158.

№ 156. ¹ Известен целый ряд историй, основанных на том же принципе. Ср. малайскую сказку «Как пеландук бедняков с купцом рассудил» (№ 157), а также уйгурский анекдот «Плата за покрывание» [100, 42], туркменский «Кто продает запах обеда, тот получает звон монет» [97, 159], узбекский «Плата за „ух“» [40, 105], камбоджийский «Запах из кухни богача» [67, 279], турецкие «Мудрое решение ходжи» [17, 121], «Кто продает пар от кушанья, тот получает звон от денег» [17, 126] и «Ходжа в роли „теневого судьи“» [17, 131], индийский «Хитрая блудница» [37, 220] (блудница требует платы с человека, который видел ее во сне; судья предлагает ей взять отражение денег из зеркала) и др.

№ 158. ¹ Хаким — здесь окружной судья.

№ 159. Знаменитый рассказ о ростовщике, потребовавшем с должника уплаты собственным мясом (так называемый «мотив Шейлока» — по имени героя пьесы Шекспира «Венецианский купец»; AaTh, 890), см. здесь, стр. 30. Ср. аналогичные сказки: афганскую «Точная мера» [78, 41], индийскую [37, 65], адгейскую [13, 182], дагестанскую «Ростовщик и бедняк» [83, 254] и др. Выражения «фунт мяса», «Шейлоков фунт мяса» употребляются в значении: тяжелые, несправедливые требования.

№ 161. ¹ Добывать огонь трением дерева о дерево, как это делали бари до недавнего времени, довольно утомительно.

² Имеется в виду лягушка-головаф, достигающая 30 см в длину.

№ 162. ¹ Один из вариантов знаменитой сказки о «Шемякином суде», широко распространенной в мировом фольклоре (AaTh, 1660). Показательно, что русское название сказки (а также одноименной сатирической повести, связанной с именем реально существовавшего князя Дмитрия Шемяки (ум. в 1453 г.) *, стало общепривя-

* Вопрос о том, использовала ли книжная редакция фольклорный сюжет, или, наоборот, народная молва овладела книжным рассказом, в русской литературе считается нерешенным. В. П. Адрианова-Перетц считает, что перед нами все-таки «переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всего, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести» (В. П. Адрианова-Перетц, Русская демократическая сатира XVII века, М.—Л., 1954 («Литературные памятники»), стр. 226. Цит. по кн.: «Русская сатирическая сказка», М., 1958, стр. 388).

тым международным обозначением этого сюжета. Аарне, и вслед за ним Томпсон сводят содержание типа 1660 к угрозе спрятанным камнем, который судья принимает за взятку; в русской традиции и во многих других вариантах содержание сюжета чаще всего связано с другими мотивами — контаминация главным образом с типами AaTh, 1534, 890 (см. «Fabula», Bd 3, H. 3, S. 328, а также исследование Z. Sofer, *Das Urteil des Schemjaka* (Diss.), Göttingen, 1965). Ср. русские сказки «Шемякин суд» [56а, 41, 46], «Праведный суд» [70а, 263], сирийскую «Девушка-судья» [58, 226], филиппинскую «Королевское решение» [421, 37], дагестанскую «Ростовщик и бедняк» [83, 254], амхарскую «Решение неразумного судьи» [79, 300], камбоджийскую «Четыре королевских решения» [67, 309], казахскую «Пока не вырастет хвост у коня» [46, 338] и др., а также татарскую «Как Ахмед-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия» (№ 129).

Выражение «Шемякин суд» употребляется в значении неправый, несправедливый суд, хотя в сирийской сказке, камбоджийской и ряде других приговор расценивается рассказчиком и персонажами как справедливый и мудрый.

² Мусульмане перед обязательной ежедневной пятикратной молитвой совершают ритуальное омовение.

³ Известен аналогичный персидский анекдот, объясняющий происхождение пословицы «Наш осел сызмала был бесхвостым». Услышав предыдущие приговоры, третий истец, ослу которого ответчик оторвал хвост, решает заблаговременно покинуть суд и объясняет судьбе: «Я хочу привести свидетеля, который бы подтвердил, что мой осел сызмала был бесхвостым». Пословицу приводят, когда человек под нажимом бывает вынужден отказаться от своих прав [64, 209—211].

№ 163. ¹ Пятёрка (панчаят) — старейшины общины, разбирающие споры в общине или деревне.

² Чамар — член касты кожевников, а также метельщиков, считавшейся самой низкой в индуистской кастовой системе.

№ 164. ³ Двадцатка — т. е. двадцать рупий, десятка — десять рупий. ¹ Ср. AaTh 1310 (щуку топят в реке), 1310А (кролика бросают в терновый куст), 1310В (крота казнят, закапывая его в землю), 1310С (птицу казнят, сбрасывая ее со скалы). Выражение из басни Крылова на аналогичный сюжет «И щуку бросили в реку» стало пословицей, употребляемой, когда говорят о фактической безнаказанности преступника.

Ср. сказку ираку «Как заяц перехитрил сторожей у колодца» [38, 44], минахасскую «Черепаша и обезьяна» [28, 37], мальгашскую «Фосса и черепаха» [74, 56].

№ 165. Ср. AaTh, 1698. Ср. бирманскую сказку «Четверо глухих» [54, 130].

№ 170. ¹ См. прим. 1 к № 163.

№ 171. ¹ Ср. аналогичные анекдоты: турецкий «Как ходжа наказал лицепрятного судью» [17, 64], узбекский «Исправление ошибки» [40, 110], афганский «Справедливый факир» [78, 146]. В турецкой сказке «Уничтожил одну из них» жандармы испортили мухами товар крестьянина. Судья признает виновными мух и дает крестьянину право уничтожать их в любом месте. Крестьянин убивает первую на щеке у судьи (ср. AaTh, 1586). Ср. также № 172.

- № 174. ¹ Сходная история была приведена в разделе о «божьих судах». Там инсценированный суд оставался безнаказанным (№ 114). Ср. также индийский рассказ «Отец на дереве» [62, 122], аварский «Ламарт и Чумарт» [12, 39], узбекский «Хитрец и простаки» [26, 314], тибетский «Цзянбо и Гунба» [69, 41].
- № 175. ¹ Существуют самые разнообразные варианты сказок о том, как судья, вынесший несправедливое или неразумное решение, был пристыжен рассказом-небылицей (Ср. АaTh, 821В, а также 875). Ср. уйгурский анекдот «Казий побежден» [100, 45], турецкий «Ходжа распутывает бессмысленный иск» [17, 143], грузинский [33, 37], китайскую сказку «Пять вареных яиц» [51, 150] и др. Ср. также сказки акамба «Как гиена судилась со львом» (может ли бык родить теленка?) [73, 214], осетинскую «Два всадника» [60, 380], хауса «Сказка о трех близнецах» [73, 307], грузинские «Слепой судья» [32, 67] и «Молодой судья и его жена» [33, 162], сималурскую [61, 100], адыгейскую [13, 186], бирманские «Кролик-судья» [54, 19] и «Хозяин и лодочник» (можно ли согреться от дальнего огня?) [54, 140], аналогичные последней — индийскую «Завистники просчитались» [37, 205], камбоджийскую «Как парень сватался» [67, 142], а также камбоджийские «Два соседа» (мог ли олень попасть в ловушку на вершине дерева?) [67, 148] и «Мудрый заяц» [88, 88] и др.
- № 176. ¹ Один из вариантов рассказа о том, как проучили судью, надеявшегося на взятку (Ср. АaTh, 1660). Ср. турецкий анекдот «Как ходжа отучил алчного судью от взяток» [17, 138], уйгурский «Мы люди негордые» [100, 46], узбекский «Бай и казий» [29, 51] и др. Ср. также № 177.
- № 178. ¹ Гоун бин — голова сплетника.
² Оун бин — по-бирмански «кокосовая пальма».

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ ПО НАРОДНОСТЯМ

- абхазские № 176
аварские № 159
адыгейские № 24, 56, 65
азербайджанские № 120, 156
амхарские (амхара — основная народность Эфиопии) № 28, 97, 99, 128, 149, 165
арабские № 12, 137
армянские № 39, 77
афганские № 23, 41, 59, 63
ашанти (основная народность Республики Гана) № 37
- баконго (одна из народностей группы банту, населяющая низовья реки Конго) № 30
бари (народ, живущий на юге Судана) № 161
бауле (народ, живущий на территории Берега Слоновой Кости) № 32
бирманские № 112, 148, 178
булу (один из народов группы фанг, живущий в южной части Камеруна) № 19
бура (народность группы хауса, живущая в верховьях реки Едсерам по обе стороны нигерийско-камерунской границы) № 35
бурунги (Восточная Африка) № 55, 152
бурятские № 50
- ваи (народ группы манде, живущий на северо-западе Либерии, а также на севере Сьера-Леоне) № 44
вьетнамские № 80, 109, 153, 167
- гио (Либерия) № 16
грузинские № 103, 122, 173
- даргинские № 67
диго (племя народности ваньика, живущее в Кении, а также в Танганьике) № 144
дуала (народ группы банту, живущий в Камеруне, на побережье Гвинейского залива) № 117
дунганские № 115
древнеегипетские № 46
- еврейские № 140
древнееврейские № 1, 70
- индийские
древнеиндийские № 42, 47, 74, 113, 144
кумаонские № 60, 104
сантальские № 101, 170
хинди № 7, 52, 163
- ираку (группа родственных кушитских племен, живущих на территории Танзании) № 48, 49, 53, 58, 72, 76, 123, 124, 142, 150
кабилские (кабилы — часть коренного берберского населения Алжира) № 119
казахские № 54, 62
кальмыцкие № 85
камбоджийские (кхмерские) № 5, 11, 15, 21, 25, 34, 78, 93, 95, 98
канури (группа народностей, живущих в Нигерии, республиках Нигер, Чад и в южных областях Ливии) № 102
киргизские № 64

китайские № 26, 57, 66, 71, 75, 83,
88, 91, 96, 131, 139
корейские № 81, 134, 138, 145, 169
курдские № 175

лаосские № 107
лоанда (Ангола) № 51
лома (народ, живущий в Либерии
и Гвинее) № 3

малайские № 157
мандинго (народ, населяющий
верхние течения рек Сенегал,
Гамбия и Нигер) № 6
мбáка (народность группы сере-
мумду; живет в Республике
Заир и Центральноафриканской
Республике) № 9, 40
менде (народность группы манде,
живущая в Сьерра-Леоне) № 17
микронезийские № 79
монгольские № 127

негидальские (негидальцы — не-
большая дальневосточная на-
родность, живущая по берегам
реки Амгуни и в низовьях
Амура) № 174

непальские № 33, 111
нубийские № 135, 154

осетинские № 2

пампанганские (пампанго — одна
из народностей, населяющих
Филиппины) № 116, 164

пангасинанские (пангасинаны —
одна из народностей, населяю-
щих Филиппины) № 36
персидские № 13, 82, 118, 126,
146, 147

сималурские (Сималур — неболь-
шой индонезийский остров в
Индийском океане, к юго-запа-
ду от Суматры) № 87

сирийские № 94, 133
суахилийские № 92

тагалские (тагалы — одна из ос-
новных народностей, населяю-
щих Филиппины) № 160
тайские (таи — группа родствен-
ных народов, составляющих
основное население Таиланда)
№ 90

таджикские № 162
татарские № 108, 129
тибетские № 8, 84, 106
тоголезские № 31

тонга (народность группы банту,
живущая в южной провинции
Замбии) № 110

тувинские № 125
турецкие № 89, 100, 105, 136, 143,
158

туркменские № 121, 166, 171

узбекские № 22, 27, 43, 130, 132
уйгурские № 168, 172

фáнг (группа родственных по
языку африканских племен,
живущих преимущественно в
Габоне и южной части Каме-
руна) № 18, 20

фáнти (народ, населяющий юго-
западные районы Ганы) № 56

хакасские № 61
хауса № 4, 10, 45, 69, 86, 155, 177

шумерские № 38

чеченские № 68
чукотские № 29

японские № 73, 141, 151

ЛИТЕРАТУРА

1. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC№3). Translated and enlarged by Stith Thompson, Helsinki, 1961 (FFC№184) (в тексте — AaTh).
- 1а. Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929 (в тексте — AaAn).
2. В. Я. Пропп, Морфология сказки, М., 1969.
3. Г. Л. Пермяков, Избранные пословицы и поговорки народов Востока, М., 1968.
4. Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише), М., 1970.
5. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. Составление и вступит. статья Г. Л. Пермякова, М., 1972.
6. История государства и права зарубежных стран, т. I, М., 1963.
7. Р. Шарль, Мусульманское право, М., 1959.
8. А. Я. Гуревич, Категории средневековой культуры, М., 1972.
9. Крылатые слова по толкованию С. Максимова, М., 1955.
10. А. Н. Веселовский, Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, СПб., 1872.
- 10а. Д. Н. Воскресенский, Судебная повесть гунъань в Китае, — «Народы Азии и Африки», № 1, 1966.
- 10б. П. А. Гринцер, Древнеиндийская проза (обрамленная повесть), М., 1963.
11. Абхазские сказки, Сухуми, 1965.
12. Аварские сказки, М., 1962.
13. Адыгейские сказания и сказки, Майкоп, 1963.
14. Али Сафи, Занимательные рассказы о разных людях, М., 1968.
15. Анекдоты Моллы Насреддина, Баку, 1968.
16. Анекдоты Омирбека, Нукус, 1970.
17. Анекдоты о ходже Насреддине, М., 1957.
18. Арабские народные пословицы и поговорки, М., 1961.
19. Армянский фольклор, М., 1967.
20. Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле, М., 1960.
21. Афганские сказки и легенды, М., 1972.
22. Барабан короля. Африканские сказки, М., 1971.
23. Библия. Третья книга Царств.
24. Библия. Книга пророка Даниила.
25. Бираго Диоп, Сказки Амаду Кумба, М., 1961.
26. Бирюзовый ларец, Ташкент, 1967.
27. Бурятские сказки, Улан-Удэ, 1959.

28. Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии, М., 1972.
29. Волшебный рубин, Ташкент, 1967.
30. Вьетнамские народные пословицы и поговорки, М., 1959.
31. Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая, М., 1959.
32. Грузинские народные новеллы, Тбилиси, 1970.
33. Грузинский народный юмор, Тбилиси, 1967.
34. Даргинские сказки, М., 1963.
35. Дунганские сказки, Фрунзе, 1970.
36. Живой в царстве мертвых. Сказки народов Непала, М., 1971.
37. Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара, М., 1968.
38. Заяц в башмаках. Сказки племени ираку, М., 1963.
39. Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии, М., 1960.
40. Изумительные и правдивейшие истории из жизни прославленного мудреца Насреддина Афанди, Ташкент, 1965.
41. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И. П. Минаевым, М., 1966.
42. Индонезийские сказки, М., 1956.
43. Казахские народные сказки, т. 1, Алма-Ата, 1971.
44. Казахские народные сказки, т. 2, Алма-Ата, 1971.
45. Казахские народные сказки, т. 3, Алма-Ата, 1971.
46. Казахские сказки, т. 1, Алма-Ата, 1958.
47. Казахские сказки, т. 2, Алма-Ата, 1962.
48. Калмыцкие сказки, Элиста, 1962.
49. Киргизские сказки, М., 1968.
50. Китайские легенды, сказки, басни, пословицы и поговорки, Пермь, 1958.
51. Китайские народные сказки, М., 1959.
52. Книга о простаках (Дахо-наме), М., 1968.
53. Курдские народные сказки, М., 1970.
54. Маунг Хтин Ауэнг, Бирманские народные сказки, М., 1957.
55. Мирер, Ахмет Ахай озенбашский, М., 1940.
56. Монгольские сказки, М., 1967.
- 56а. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 1, М., 1958.
57. И. Орбели, Басни средневековой Армении, М.—Л., 1956.
58. От Ахикара до Джано, М.—Л., 1960.
59. Осетинские народные сказки, М., 1959.
60. Осетинский народный юмор, Сталинир, 1960.
61. Остров красавицы Си Мелю, М., 1964.
62. Панчатантра, М., 1958.
63. Персидские анекдоты, М., 1963.
64. Персидские пословицы и поговорки, М., 1961.
65. Плутовка из Багдада, М., 1963.
66. Повести, сказки, притчи Древней Индии, М., 1964.
67. Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи, М., 1967.
68. Проданный сон. Туркменские народные сказки, М., 1969.
69. Прodelки дядюшки Дэнба. Тибетское народное творчество, М., 1962.
70. Д. Г. Редер, Мифы и легенды древнего Двуречья, М., 1965.
- 70а. Русская сатирическая сказка, М., 1958.
71. Светящийся незнакомец. Народные сказки Либерии, М., 1966.
72. Серебряный ключ. Тайские сказки, М., 1963.
73. Сказание о Лпюно Фумо. Сказки народов Африки, М., 1962.

74. Сказки Мадагаскара, М., 1965.
75. Сказки мампрусси, М., 1966.
76. Сказки и мифы Океании, М., 1970.
77. Сказки и повести Древнего Египта, М., 1956.
78. Сказки и стихи Афганистана, М., 1958.
79. Сказки народов Африки, М.—Л., 1969.
80. Сказки народов Бисау, М., 1971.
81. Сказки народов Востока, М., 1967.
82. Сказки народов Вьетнама, М., 1970.
83. Сказки народов Дагестана, М., 1965.
84. Сказки народов Индии, М.—Л., 1970.
85. Сказки народов Китая, М., 1961.
86. Сказки народов Севера, М.—Л., 1959.
87. Сказки народов Судана, М., 1968.
88. Сказки, пословицы и поговорки Камбоджи, М., 1959.
89. Сказки, притчи, легенды хауса, М., 1964.
90. Сказки центральной Индии, М., 1971.
91. Сказки Чукотки, М., 1958.
92. Таджикские сказки, М., 1961.
93. Тамильские народные пословицы и поговорки, М., 1962.
94. Татарские народные сказки, Казань, 1970.
95. Тувинские народные сказки, М., 1971.
96. Турецкие сказки, М., 1960.
97. Туркменский юмор, Ашхабад, 1967.
98. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки, М., 1972
99. Уйгурские сказки, Алма-Ата, 1963.
100. Уйгурские юморески, Алма-Ата, 1969.
101. Хакасские народные сказки, Абакан, 1955.
102. Четырнадцать сотен каури. Сказки йоруба, М., 1969.
103. Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1963.
- 103а. Чудесный мастер. Китайские народные легенды, сказки, пословицы и поговорки, вып. 3, Тюмень, 1959.
104. Японские сказки, М., 1958.
105. Alta Jablow, Yes and No. The Intimate Folklore of Afrika, New York, 1961.
106. L. Kohl-Larsen, Der Perlenbaum. Ostafrikanische Legenden, Sagen, Märchen und Diebsgeschichten, Kassel, 1966.
107. Schwarzer Eulenspiegel. Ostafrikanische Schwanke. Während der Grabung nach dem afrikanischen Vormenschen aufgenommen und herausgegeben von Prof. Dr. L. Kohl-Larsen, Kassel, 1954.
108. L. Kohl-Larsen, Fünf Mädchen auf seinem Rücken. Ostafrikanische Mythen und Märchen der Burungi, Kassel, 1969.
109. L. Kohl-Larsen, Frau in der Kürbisflasche. Ostafrikanische Märchen der Burungi, Kassel, 1957.
110. Unter dem Odongbaum. Koreanische Sagen, Märchen und Fabeln. Während eines zwanzigjährigen Aufenthalts in Korea gesammelt von Professor Andre Eckardt, Eisenach, 1950.
111. Die Reiskugel. Sagen und Gottergeschichten, Märchen, Fabeln und Schwanke aus Vietnam, übersetzt und herausgegeben von Prof. Hans Nevermann, Eisenach, 1951.
112. Als die Fische die Sterne schluckten. Märchen und Legenden aus

Vietnam, Laos und Kambodsha. An den Ufern des Roten Flusses und des Mekong gelesen, gehört und aufgeschrieben von Eduard Claudius, Berlin und Weimar, 1967.

113. Erzählungsgut aus Südost-China. Gesammelt, übersetzt und bearbeitet von Wolfram Eberhard, Berlin, 1966.
114. Nubische Texte im Dialekt der Kunuzi und der Dongolawi, von Gertud von Massenbach, Wiesbaden, 1969.
115. Duala-Märchen. Gesammelt und übersetzt von F. Ebding,— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd 18, H. 2, Berlin, 1928.
116. Weitere Tonga-Märchen aus Transwaal, gesammelt von Henri Berthoud,— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd 21, H. 2, Berlin, 1931.
117. Lukas, Aus der Literatur der Badawi-Kanuri in Borno,— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd 26, H. 1, Berlin, 1935.
118. Digo-Märchen aus Tanganjika, gesammelt und bearbeitet von Ernst Damman,— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», Bd 26, H. 3, Berlin, 1936.
119. L. Frobenius, Spielmannsgeschichten der Sahel,— «Atlantis», Bd VI, Jena, 1921.
120. L. Frobenius, Volksmärchen der Kabylen, Bd 1, Weisheit,— «Atlantis», Bd 1, Jena, 1921.
121. Filipino Popular Tales. Collected and edited with comparative notes by Dean J. Fansler, Hatboro, Penns., 1965*.

* Тексты из источников с № 105 по № 121 переведены составителем.

СОДЕРЖАНИЕ

М. С. Харитонов. Суды и судьи в мировом фольклоре 5

КНИГА О СУДАХ И СУДЬЯХ

І. РАССКАЗЫ О СПОРАХ И ТЯЖБАХ

Споры о детях

1. [Суд Соломона]	35
2. Птичник и царь	36
3. Чей ребенок?	37
4. Охотник и его сын	39

Тяжбы об имуществе и добыче

5. Как старуха продавала тыкву	42
6. Как четыре брата охотились на слона	43
7. Чье дерево манго?	45
8. Торговец Мима и жулик Бяньба	47
9. Охотники на словов	48
10. [Девятый мешок]	50
11. Хозяин и жилец	52
12. Украденный конь	54
13. [Спор о клубке]	54
14. Дело о дороге	55
15. Как бедняк подражал богачу	56
16. Слепой и безногий	57
17. Два путника	59
18. Любовь или богатство	60
19. Как разделить находку	62
20. Спор о родстве	63

Тяжбы о возмещении ущерба

21. Две повозки на мосту	65
22. Утонувший верблюд	65
23. Восемь лепешек	66
24. Суд Джебага	67
25. Как трое потопили лодку	68
26. Ученый и крестьянин	69
27. Мешки	70

Споры о невестах и женихах

28. Трое судей	71
29. Волк, ворон и горный баран	73
30. Оживший охотник	74
31. Три жениха	76

32. Превращенная трубка	77
33. Чья невеста?	78
34. Прорицатель, стрелок, пыряльщик и знахарь	81
35. Зять	82
36. Три брата	84
37. Девушка Нсиа	86
<i>Споры о превосходстве</i>	
38. [Лахар и Ашнан]	87
39. Кузнец и плотник	88
40. Прошлое и будущее	89
41. Злой человек не желает добра даже себе	89
42. Суд Муладевы	91
43. Два дурака	91
44. Кто кого переспит	93
45. Испытание ловкости	93
<i>О хитрости и коварстве в спорах</i>	
46. Правда и Кривда	94
47. [Как аукнется, так и откликнется]	97
48. Неудавшаяся проделка Лая	98
49. Лай и пастух	101
50. Бедняк	102
51. Тесть и зять	105
52. Изображение в зеркале	107
53. Тяжба со знахарем	109
54. Старик и его дочка	112
55. Как тесть признал себя побежденным	113
56. Покупатель бороды	115
57. История о Ма Тане	116
58. [Хитрец и глушцы]	117

II. РАССКАЗЫ О СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ

<i>О поисках виновного и невольных признаниях</i>	
59. Хитрый визирь	120
60. Вор	120
61. Волшебный петух	121
62. Слепой и зрячий	122
63. На воре шапка горит	122
64. Догадливый судья	123
65. [Как один человек спасся от смерти]	124
66. Корова с отрезанным языком	126
67. Как нашли вора	128
68. [Как молла доказал свою правоту]	131
69. Владелец верблюдицы и три мальчика	132
70. [Сусанна и старцы]	133
71. Как один глупец покупал пекинский диалект	135
72. Как справедливость может обернуться несправедливостью	138
73. Хитроумный служка	139
74. Привычка	141
75. Хитрая женщина	141
76. Лай и Амаирми	142

<i>О следах, уликах и судейской сметливости</i>	
77. [Следы жира]	145
78. Как вор украл корову	145
79. [Сикхалол и Лизор]	146
80. Тяжба с баньяном	148
81. Удивительный суд	150
82. [Как судья нашел золото]	152
83. Спрятанный топор	153
84. Лиса в личине короля	155
85. Неразрешенные судебные дела	156
86. К чему приводит обман	159
87. Сын богача и бедняк	160
88. [Хитрость Цяо Шуня]	161
89. «Может ли человек укусить сам себя за ухо?»	162
90. Умный вор	163
91. [Как сын выбил отцу зубы]	163
92. [Абунувас и торговец]	164
<i>Об уловках судей и тяжущихся</i>	
93. Охотник на бакланов	165
94. Мудрый совет	166
95. Мудрый заяц	168
96. [Министр и кирпичник]	170
97. Мудрый судья	170
98. [Две луны]	171
99. Как шакал с леопардом судился	173
<i>О свидетелях и лжесвидетелях</i>	
100. «Лучших свидетелей не найти»	175
101. Как за деньги в суде показывали	176
102. Лжесвидетель	178
103. Мудрец	180
104. [Рубин]	180
<i>О «божьих судах»</i>	
105. Гора-свидетель	182
106. Ответ горного духа	184
107. Как огонь пришел к племени мой	185
108. Хвастливый бай	183
109. Милосердный дух	190
110. Заяц и дуикер	190
111. Суд панчей	192
112. Волшебные щипцы из Пагана	195
113. Божий суд	196
114. Слон и заяц	197

III. РАССКАЗЫ О ПРИГОВОРАХ

<i>О наказании виновных и поощрении правых</i>	
115. Визирь и осел	199
116. [Суд Синукуана]	201
117. Почему у мухи нет хвоста	202
118. [Суд Дахо]	204
119. Дочери агелита	205
120. Забота моллы	207
121. Эпенди тоже двуличный кази	208

122. Неправый суд	208
123. Лай и заяц	208
124. Кошка Лая	212
125. Семь братьев-мышей	214
126. [Он нам не так нужен]	216
127. Цена закону	216
128. О несправедливом суде	218
129. Как Ахмет-Ахай разоблачил бахчисарайского кадия	221
130. Халат верховного казия	222
131. [Цяо Шунь и чиновник]	224
132. В шкуре собаки	224
133. Отравленное молоко	225
134. Станный чиновник	226
135. Нубийский счет	227
136. Ходжа разбирает тяжбу красавиц	227
137. Рассказ об Абу-Юсуфе	228
138. Летящая лань	229
139. Глазная болезнь	230
140. Коза	230
141. [Пусть подождет]	233
142. [Сварливая жена]	233
143. «Это подлежит кази!»	236
144. [Рассказ ворона]	237
145. Как судились лиса и собака	238
146. [Беру на себя две очереди]	239
147. [Загадочно дело сие]	239
<i>О мере наказания и вознаграждения</i>	
148. Почему у баклана нет хвоста	240
149. Приговор мудрого пегуса	241
150. Справедливый султан	243
151. Необычный суд	244
152. Изменница Хантиру	245
153. Леопард в книжном ящике	247
154. [Коварный крокодил]	249
155. Торговец и мальчик	249
156. Сон	250
157. Как пеладук бедняков с купцом рассудил	251
158. Ходжа присуждает истцу «ничто»	253
159. Ростовщик и бедняк	254
160. Как Суан разбогател	255
161. Как лягушка спасла Логоро	256
162. Человек, который хотел творить добро	259
163. Суд над Вирбалом	261
164. Черепаха и обезьяна	263
165. Трое глухих	265
166. Умная девушка	266
IV. О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИГОВОРОВ	
167. Справедливый мандарин	268
168. Не верю тебе!	269
169. Как аист судил птиц	270

170. [Судьи и шакалы]	271
171. Как Эпенди наказал нечестного кази	275
172. Сдачи не надо	276
173. Козел и лис	276
174. Хитрец и Силач	277
175. Балул-Зана и купец	278
176. Шардын и судья	280
177. Жадный судья	281
178. Как появился кокосовый орех	282
П р и л о ж е н и е	
Короткие анекдоты, пословицы и афоризмы о судах и судьях, справедливости и несправедливости, вине и наказании	284
Словарь непереведенных слов	288
Примечания	290
Указатель текстов по народностям	301
Литература	303

1924.